

ЭМИЛЬ ГОЛУБ

ПО ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ

Эмиль ГОЛУБ

ПО ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1967

EMIL HOLUB
SIEBEN JAHRE IN SÜD-AFRIKA
Wien, 1881
VON DER KAPSTADT INS LAND DER
MASCHUKULUMBE
Wien, 1890

Перевод с немецкого и чешского
В. Я. ГОЛАНТА и Т. С. КАРСКОЙ

Ответственный редактор
А. Б. ДАВИДСОН

Голуб Э.

Г62 По Южной и Центральной Африке. Пер. с нем. и чеш., М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1967.

240 стр. 30 000 экз. 64 к.

Эта книга — первое на русском языке издание трудов известного чешского путешественника Эмиля Голуба, посвятившего много лет исследованиям Южной Африки. Переводчики выбрали наиболее интересные эпизоды из важнейших книг Э. Голуба, живописующие быт народов Африки, ее природу, охоту на диких зверей, приключения, которые пришлось пережить путешественникам.

В конце книги помещена статья Г. А. Матвеевой, где подробно рассказано о маршрутах Э. Голуба и разъяснены некоторые названия племен и народов, встречающихся в книге.

К русскому изданию

Во второй половине XIX века многие европейские путешественники ставили своей целью пробиться как можно дальше в глубь Африки, чтобы стереть «белые пятна» с карты «самого молодого» континента. До Европы стали доходить не только известия о далеких странах и населяющих их народах, различающихся цветом кожи и обычаями, но и рассказы о смелых экспедициях. Очерки и сообщения путешественников получили огромную популярность. Генрих Барт, Давид Ливингстон, Генри Мортон Стэнли, Василий Юнкер были настоящими героями своей эпохи.

Те, кто отправлялся к африканским берегам, а потом и дальше, в глубь континента, руководствовались самыми различными мотивами. Путешественников манили земли, где еще не ступала нога европейца. Они старались исследовать неизведанные области, не страшась опасностей, готовые на все ради выполнения своей миссии. Среди них был и Эмиль Голуб (1847—1902).

Эта книга позволит советским читателям не только ближе узнать одного из наиболее известных чешских путешественников, но и представить себе природные условия и общественный строй стран, которые он посетил.

Эмиль Голуб родился 7 октября 1847 года в городке Голице в Восточной Чехии, входившей тогда в состав Австро-Венгерской империи.

С детства он мечтал путешествовать по Африке. Его героем был Давид Ливингстон. Глубокий интерес к естественным наукам, страсть коллекционера, профессия врача способствовали тому, что он смог исполнить свою мечту.

В 1872 году, сразу же после окончания медицинского факультета, Голуб отправился в Кейптаун. Год спустя умер Ливингстон. Так, с самого начала чешского путешественника постигло разочарование. Не суждено было осуществиться его давнишней мечте: ему не удалось встретиться на африканской земле с Ливингстоном.

Молодой врач пустился в далекое плавание, располагая самыми скромными средствами. После оплаты проезда и пошлин он остался без денег. Врачебная практика в центре алмазных копей Дутойтспане дала ему возможность приобрести самое необходимое для задуманных путешествий и научных исследований.

В первые годы пребывания в Дутойтспане Эмиль Голуб принял две сравнительно короткие поездки для ознакомления с жизнью окружающих племен и приобретения опыта.

Первая его большая экспедиция должна была пройти от границ Южной Африки на север, до реки Замбези, о которой много лет назад мечтал в далекой Чехии маленький Эмиль. На этой территории уже побывало несколько европейцев — путешественников, торговцев, миссионеров, но подлинно научное исследование этих районов только еще началось. Отсюда путь экспедиции лежал на запад, в неизученные области, простирающиеся до берегов Атлантического океана. В этих планах чувствуется стремление пройти по стопам Ливингстона.

Африканцы, которых Голуб посвятил в свои планы, отговаривали его от путешествия по Замбези, советуя идти по суше. Они оказались правы. Во время переправы через пороги лодка с основным имуществом экспедиции перевернулась. Голуб был вынужден вернуться в район алмазных копей и снова заняться врачебной практикой. Заработанные деньги и финансовая помощь, оказанная друзьями из Праги и Вены, позволили ему вернуться на родину. Привезенные экспонаты дополнили коллекцию, составленную из предметов, которые он регулярно пересылал в Прагу. Голуб организовал выставку своих коллекций: в 1879 году — в Праге, в 1880 году — в Вене. В 1880—1882 годах он опубликовал в Праге на чешском языке книгу «Семь лет в Южной Африке», которая вышла одновременно в Вене на немецком, а затем была переведена на другие языки. Книга вызвала большой интерес в научных кругах всего мира.

Второй раз Эмиль Голуб поехал в Африку в 1883 году. Цель этой экспедиции, которую Голуб называл научной, была еще более трудной. Экспедиция направлялась к северу от реки Замбези — в области, где еще не бывал белый человек. [Ливингстон намеренно обошел эти земли, так как их населяло племя машукулумбе (ила или ба-ила), находившееся во враждебных отношениях со своими соседями], чтобы исследовать водораздел рек Конго и Замбези и южный берег озера Бангвело. Далсс Голуб намеревался пройти вдоль реки Конго в северном направлении до того места, где она поворачивает на запад, исследовать нижнее течение реки Уэле и достичь границ Египта. Иными словами, путешественник хотел пересечь всю Африку от самой южной точки до Каира.

Голуб начал готовиться к экспедиции с момента возвращения на родину. Он ясно представлял себе, какие препятствия могут встретиться на его пути, и рассчитывал в худшем случае отклониться от намеченного маршрута и выйти к восточному побережью Африки. Но беда случилась раньше, чем он смог осуществить этот вариант.

Вожди племени матока (тока) уговаривали Голуба не вступать на территорию машукулумбе, которые и европейцев и африканцев считают шпионами враждебного им племени. Но Голуб не послушался их. Около Галулонги на лагерь экспедиции было совершено нападение. Погибли все вещи, за исключением нескольких дневников. Членам экспедиции с трудом удалось спастись, один человек был убит.

Обратный путь был очень тяжелым, но Эмиль Голуб, напрягая последние силы, продолжал собирать экспонаты для своих коллекций. Он вернулся в Южную Африку и вскоре отплыл в Европу.

Вторая экспедиция Голуба, несмотря на неудачный конец, превзошла его первое путешествие. Был собран большой научный материал, приоткрылся занавес над многими до сих пор еще неизвестными областями Африки. Кроме того, Голуб посвятил много времени и сил научному исследованию тех районов, где европейцы уже бывали, но где тем не менее оставалось еще много неизученного.

Голуб был очень опытным и тонким наблюдателем. Он, например, обратил внимание на необходимость изучения наскальных изображений, которые распространены по всей Южной Африке, и высказал правильное в основном предположение, что их создателями являются бушмены.

Коллекции, собранные Голубом (в них были представлены сотни образцов наскальных изображений), оказались наиболее полными. Голуб организовал экспозицию своих собраний сначала в Вене, а затем в Праге, где экспонаты заполнили огромное помещение проводившегося годом раньше юбилейного вернисажа.

В 1890 году, спустя менее чем три года после возвращения Голуба на родину, был издан его главный труд «Из Капштадта в страну Машукулумбе». Он вышел почти одновременно на нескольких языках.

Наряду с путевыми очерками, где собрано огромное количество сведений, касающихся самых различных отраслей науки, Голуб опубликовал несколько менее объемистых работ, также имеющих немаловажное значение. К их числу относится этнографическое исследование племен марутсе и мабунду и труд по орнитологии Южной Африки, изданный на немецком языке в Вене.

Эмиль Голуб не думал сдаваться и готовил новую экспедицию, надеясь, что на этот раз он будет вознагражден за неудачи, кото-

рые его преследовали в прошлом. Он искал средства для экспедиции, много писал и выступал с лекциями о Южной Африке на родине, в других странах Европы, в Соединенных Штатах Америки. Он часто высказывался по различным африканским проблемам и вопросам колониализма.

Голубу не удалось осуществить новые замыслы, так как его здоровье, подорванное тропическими болезнями, все ухудшалось. Не хватало денег — и не только для новой экспедиции в Африку: Голуб умер почти в нищете.

Голуб еще при жизни стал и до сих пор остается мишенью для неоправданно суровой, а иногда несправедливой критики, порожденной в основном завистью и непониманием. Одни говорят о некоторых качествах характера путешественника, хотя они имеют бесспорно второстепенное значение, другие — о его недостаточной лингвистической подготовке. Утверждают, например, что, отправляясь в Южную Африку, он плохо знал английский язык и совсем не знал голландского. Между тем во время первого путешествия в Африку Голуб много печатался в местных журналах, а после возвращения читал лекции на английском языке. Что касается африканских языков, то Голуб старался их изучать во время экспедиций.

Значение первой и второй экспедиции часто принижалось указанием на то, что Эмиль Голуб проходил по территории, на которую уже до него вступили европейцы, и на то, что уже в следующем десятилетии в области, расположенные в глубине континента, была проложена железная дорога и что под влиянием Британской южноафриканской компании эта обширная площадь была освоена европейцами. Упреки такого рода несостоятельны в силу своей антиисторичности.

Но более всего недоброжелатели Голуба упрекали его в том, что из-за тщеславия, не желая ни с кем делиться успехом, он не взял во вторую экспедицию научных работников, а нанял лишь слуг, от которых требовал беспрекословного повиновения. На самом деле Голуб поступил так потому, что по опыту первой экспедиции знал, как важны в пути надежные исполнители. Кроме того, при своих скромных средствах он не мог пригласить для участия в экспедиции еще нескольких человек, которые потребовали бы — и вполне справедливо, — чтобы она была подготовлена более тщательно.

Голуба обвиняют в том, что он из пустого самолюбия отверг предложение своего земляка Ченки Пацлаты, который прожил в Южной Африке несколько лет и хотел его сопровождать. Эти заявления не подтверждаются вескими доказательствами. Почему следует верить авторам романов средней руки, утверждавшим, что опыт и благоразумие Пацлаты удержали бы Голуба от неразумных решений?

Говорят, что Голуб должен был пользоваться фотоаппаратом и не полагаться на свою удивительную способность запечатлеть на бумаге в мельчайших подробностях все, достойное внимания. Но ведь нельзя забывать, что в то время, когда путешествовал Голуб, было невозможно сохранять в тропических областях фото пленки, не имея почти никакой связи с цивилизованным миром.

После закрытия выставок в Праге и Вене Голуб роздал экспонаты чешским и иностранным музеям, институтам и школам, фактически уничтожив уникальное собрание своих коллекций. Этот шаг был, по всей вероятности, вызван тем, что соотечественники не оценили по достоинству научный труд, которому Голуб посвятил всю свою жизнь, что для экспонатов, приобретенных столь дорогой ценой, не нашлось музея или института, где их можно было бы хранить и изучать.

Проникновение европейцев в Африку — путешественников или шедших за ними следом миссионеров и коммерсантов — сыграло большую роль в жизни народов этого континента. С одной стороны, оно несло с собой новую систему взаимоотношений, в остальные племена проникали сведения о технических и культурных достижениях более развитых наций. Но, с другой стороны, оно готовило почву для полного подчинения Африканского континента ведущими европейскими державами, для колониального раздела Африки. Одни путешественники сознательно способствовали этому, например Стэнли, который выполнял поручения правительства, другие — помимо своей воли. Ведь всякая экспедиция во многом зависела от помощи соотечественников, поэтому ее результаты путешественники преподносили своему государству как символический знак уплаты долга. Эмиль Голуб относился к тем, кто не преследовал никаких «высоких» интересов какого-нибудь государства или стдельного лица, за ним никто не стоял, ибо он ни с кем не был связан. Он нередко возмущался последствиями европейской «цивилизаторской» деятельности.

Со времени путешествий Голуба и его современников Африка изменилась до неузнаваемости. Несмотря на это, а может быть именно поэтому, мы с интересом возвращаемся к ее прошлому, которое становится более понятным благодаря написанным первопроходцами работам. К их числу относится и эта книга.

В ней читатель найдет интересные сведения о жизни африканских народов и рассказы об удивительных приключениях, которые довелось пережить Эмилю Голубу.

Научный сотрудник института востоковедения
Академии наук чехословакии

Отакар Гулец

Путешествие в район алмазных россыпей *

В первых числах августа 1872 года я покинул Порт-Элизабет, чтобы через Грейамстаун, Крейдок, Колсберг и Филлиполис достигнуть Фаурсмита.

За одиннадцать часов четыре небольшие лошадки, запряженные в двухколесную повозку, прошли 86 миль, отделяющих Порт-Элизабет от Грейамстауна — третьего по величине города Капской колонии.

Этот участок пути привлекает красивым пейзажем и богатой растительностью. В настоящее время в Грейамстаун проложена железная дорога, и она также проходит по восхитительной местности. Тем не менее я предпочитаю ту, где проехал некогда на лошадях. Большая часть пути пролегает вдоль отрогов гор Сюрберг, поросших лесом и кустарником. Эта местность с ее ущельями и долинами, закрытыми лагунами и горными лугами представляет большой интерес для художника и любителя природы. По сути дела на этом участке можно встретить ландшафты, характерные для всех частей света.

Вместе с пейзажами, сменяющимися друг друга, как в калейдоскопе, меняется и растительность.

Не менее разнообразна и фауна этих мест.

Леопарды тут опаснее, чем в незаселенной внутренней части страны, где они не привыкли к грому огнестрельного оружия. Это страшные противники, особенно когда они ранены. В лесистой местности их убивают преимущественно ядом или же ловят капканами. Слонов в Капской колонии охраняет от охотников закон, поэтому мы еще встречали здесь стада по тридцать голов, в то время как в Оранжевом Свободном государстве, Трансваале и в южной части Бечуаналенда эти животные полностью истреблены. Запре-

* Из книги «Семь лет в Южной Африке».

щение охоты сделало местных слонов нахальными. Это бросается в глаза, если вспомнить, как ведут себя их братья в северной части Южной и в Центральной Африке. Там звук выстрела, произведенного даже на расстоянии 2—3 миль, немедленно обращает их в бегство, причем животные не останавливаются, пока не пробегут 20—30 миль. В тех местах слоны крайне редко нападают на человека первыми, хотя за последние двадцать лет одни лишь европейцы убили более семи с половиной тысяч толстокожих. Между тем в районе между Грейамстауном и Порт-Элизабетом следует избегать встречи с бродячими великанами.

Прежде чем я вернулся в Порт-Элизабет, в низкорослом лесу произошел печальный случай. Слуга-африканец был послан хозяином на поиски нескольких пропавших быков. Хозяин считал, что они заблудились. Слуга не вернулся, и вскоре было найдено его изуродованное тело. По следам удалось установить, что целое стадо слонов, почуяв человека, сошло со своей тропы и растоптало несчастного. Однако убивать этих животных можно только с разрешения губернатора...

На пути в Крейдок я впервые увидел обширные равнины, которые в дождливое время года уподобляются необозримому ковру, светло-зеленому на участках, заросших травой, или темно-зеленому — там, где его образуют кустарники. В сухое время года эти равнины превращаются в однообразную пустыню коричневого или красноватого цвета. Здесь находят приют карликовые антилопы, прыгуны, а также черные гну. В тех местах, где на этих животных охотятся мало, они встречаются еще тысячами.

Прыгуны несомненно относятся к красивейшим из газелей. Помимо достоинств, присущих и другим антилопам, они обладают стальными мускулами, которые позволяют им совершать необычайные прыжки. Их благородные головки увенчаны красивыми рожками, изогнутыми в форме лиры. Необыкновенно привлекательное животное передвигается с такой грацией, особенно когда играет или убегает от врага, что я затрудняюсь его описать. Даже спасаясь в смертельном страхе бегством, оно словно пытается своим кокетством смягчить кровожадность охотника. К сожалению, среди голландских * фермеров и коренных жителей

* Автор именует «голландцами» буров.— Здесь и далее примечания переводчика.

все чаще находятся невосприимчивые к его красоте немроды*. Они прилагают все усилия, чтобы прыгуны встречались как можно реже.

Прыгает это животное, как на заводной пружине. Охотничьих собак, за исключением борзых, оно подпускает к себе довольно близко. При этом взирает на бегущих с громким лаем псов совершенно равнодушно, словно дожидается, пока те подойдут вплотную и выскажут все, что хотят. Внезапно, когда по его расчету приходит время спастись, прыгун подпрыгивает вверх и опускается на землю на расстоянии 6—8 футов. Но едва дотронувшись до земли своими копытцами, он снова взвивается вверх. Пять-десять прыжков следуют один за другим — так подпрыгивает на твердой почве резиновый мяч. Кажется, будто животное совсем не опускается на землю: едва коснувшись ее, прыгун снова взмывает ввысь. Очень быстро оставив преследователей далеко позади, прыгун вдруг переходит на медленный шаг, давая возможность собакам приблизиться. Затем прыжки повторяются. Подразнив несколько раз преследователей, животное, устав от игры, обращается в бегство и не останавливается до тех пор, пока не почувствует себя в полной безопасности. Несколько мгновений вдалеке еще можно различить беловатуюдвигающуюся точку, выдающую охотнику направление, в котором бежало, или, вернее, унеслось быстроногое животное. Однако даже такая баснословная скорость не спасает его от смерти.

Открытие алмазных месторождений привело к гибели тысяч этих животных, а также их родичей — капских газелей и белохвостых гну. Злейшими их врагами являются голландские фермеры — владельцы участков, где они пасутся. Обычно это меткие стрелки. Они периодически отправляются в район алмазных копей и всякий раз возвращаются с богатой добычей. Находясь там, я имел возможность наблюдать, как зимой — с мая по сентябрь — на рынки доставляют целые фургоны туш убитых животных; да и в другое время эту дичь нетрудно приобрести, особенно на открытых аукционах, которые каждое утро устраиваются в Кимберли и Дутойтспане. Целыми рядами лежат там прыгуны с отрубленными головами и ногами. В зависимости от сезона и размеров туш цена колеблется между 3 и 7 шиллингами за штуку.

* Немрод — мифический охотник.

На горных прыгунов охотятся верхом, из засады или травят борзыми.

Наиболее распространенный способ охоты — на лошадях. Охотник пускает коня в галоп. Рожденным на этих поросших травой равнинах лошадям не страшны многочисленные норы землероек и невысокие термитники. Они несутся во весь опор, послушные воле всадника, который может все свое внимание сосредоточить на бегущих газелях. Оставив за собой 1,5—2 мили, он приближается к животному на расстояние ста-двухсот шагов, легким прикосновением колен внезапно останавливает лошадь, спрыгивает на землю, прицеливается и стреляет.

В охоте на лошадях голландские фермеры достигают удивительных результатов. Мне не раз случалось наблюдать, как одним выстрелом из ружья, заряжающегося с казенной части, фермер убивал двух бегущих газелей. Наблюдал я и такие случаи, когда охотник по той или иной причине стрелял вторично, только после того как газели, умчавшись на расстояние шестисот-восьмисот шагов, наконец останавливались. Пока они, обернувшись, разглядывали охотника, тот опускался на колено, прицеливался в животное и попадал в цель.

Второй способ охоты на прыгунов — выслеживание из засады. Поблизости от водопоя или же ямы с водой, сохранившейся в высохшем русле реки, выкапывают корытообразную впадину глубиной 1,5—3 и диаметром 3 фута. Охотник прячется в этом углублении и, когда животные приходят напиться, стреляет в них. К этому способу охоты особенно часто прибегают в засушливые зимы, когда остается немного мест, где бедные животные могут утолить жажду...

Бечуаны, живущие южнее всех своих родичей, а также батлапинги и баролонги часто охотятся из засады. Объясняется это отчасти тем, что стреляют они плохо и иным способом не могут добыть себе дичь. Несколько человек ложатся в траву высотой 2 фута, покрывающую равнины между реками Хартс и Молопо, или же прижимаются к земле, укрывшись за термитниками. Обычно они вооружены простыми мушкетами, а следовательно, могут произвести одновременно по одному выстрелу. Охотники располагаются в семистах-девятистах шагах от пасущегося стада прыгунов, в направлении против ветра, и сохраняют между собой дистанцию от пятидесяти шагов до двухсот (когда

стрелков немного). Они ждут порой часами, пока их многочисленные товарищи обойдут издалека стадо и, наполнив окружив его, погонят в сторону стрелков. Я не раз был свидетелем того, как шестеро стрелков целились в одно животное, затем шесть громобоев (мушкеты их — настоящие громобои) сотрясали землю выстрелами, когда же дым рассеивался, шесть темных фигур, поднявшись с земли, удивленно смотрели вслед быстроногому прыгуну — ни одна из пуль не попала в цель.

Со мной однажды тоже произошло нечто подобное. Я много часов пролежал в засаде на покрытой невысокой травой равнине, близ соленого озера, ожидая, чтобы ко мне приблизились три прыгуна. Наконец я увидел животных шагах в двадцати от себя, но не решился причинить им вред. Только мысль о том, что мы нуждаемся в пище, заставила меня воспользоваться своей винтовкой системы «снайдер». Однако рука моя дрожала — я не мог избавиться от мысли, что совершаю убийство, — возможно, на большей дистанции легче быть жестоким. И вот я положил палец на спусковой крючок, и животные, напуганные внезапным грохотом, разбежались в разные стороны.

Третий способ охоты на прыгуна был введен англичанами. Не прибегая к огнестрельному оружию, животных стараются затравить борзыми. Опустив поводья, охотники преследуют газелей на хороших, но непривычных к местности лошадях. В конце концов либо собакам удастся догнать газелей, либо газели настолько опережают своих врагов, что преследование приходится прекратить.

Алмазные россыпи

Положение у меня было отчаянное.

Положившись на обещания одного купца в Фаурсмите, я не взял у господина Адлера * в Порт-Элизабете рекомендательных писем к его знакомым в районе алмазных россыпей, а моя наличность сократилась до 5 шиллингов. Этой суммы было мало, чтобы расплатиться за обед. Поэтому мне оставалось либо «копать», то есть искать в земле алмазы, либо заняться врачебной практикой в обществе, состоя-

* Адлер — австро-венгерский консул в Порт-Элизабете.

шем из людей, съехавшихся со всего мира, среди которых было более чем достаточно сомнительных личностей. Иным путем я не мог ни заработать на жизнь, ни приобрести средства на продолжение путешествия.

Мое бедственное положение усугублялось тем, что я не владел ни английским, ни голландским языком, а тех немногих обиходных выражений, которые я прежде выучил едва хватало, чтобы сказать самое необходимое. Объясниться с больным я не мог. Выбор между «копанием» и «практикой» был вскоре сделан: для первого нужен был капитал, а я им не располагал, для второго же оказалось достаточно найти добрую душу, которая предоставила мне на несколько недель палатку и кое-какую мебель. Судьба улыбнулась мне.

У меня в кармане лежало всего одно письмо. Оно должно было послужить рекомендацией, но сыграло для адресата значительно большую роль. Этот человек много болел и, не видя возможности поправить свое здоровье в районе алмазных копей, собирался уехать в Европу, чтобы найти исцеление у тамошних врачей. К счастью, он владел немецким языком. Прочитав рекомендательное письмо и узнав, что я врач, он решил прибегнуть к моей помощи, прежде чем отправиться на родину. Поездка требовала больших расходов, и было естественно, что практичный, бережливый человек принял такое решение. Мне удалось на протяжении восьми дней настолько восстановить его здоровье, что он отказался от поездки, полностью пожившись на мое лечение. Насколько практичен был мой пациент, настолько мне этой добродетели не хватало. Я не установил определенной суммы гонорара и с благодарностью принял в качестве вознаграждения за свои труды то, что он сам предложил. Дело свелось к тому, что он предоставил мне старый, прогнивший палаточный домик, великодушно одолжил 5 фунтов стерлингов, о чем его просил купец из Фаурсмита, а также выделил несколько самых необходимых, хотя далеко не комфортабельных предметов обстановки. В том положении, в котором я находился, все это казалось мне уже счастьем, и я с величайшей радостью следил за тем, как поправляется у меня на глазах господин «благодетель».

Палаточный домик шириной свыше 3 метров, длиной около 3 и высотой около 2 представлял собой сосновый каркас, обтянутый обыкновенной парусиной. От дождей и пыли парусина настолько прогнила, что не защищала от

ветра. Каркас стонал при каждом его порыве, и если бы сбоку от палаточного домика не стоял магазин, несколько защищавший его от сильных ветров с юга, эта развалина, вероятно, давно бы уже рухнула. Вход тоже был «весьма удобным»: хижина стояла прямо на дороге в Кимберли (центр района алмазных россыпей), и всякому, кто хотел войти в нее, приходилось перепрыгивать через придорожную канаву. Дверью служила обшитая парусиной деревянная рама. Чтобы хоть как-нибудь обеспечить свою безопасность, я ночью подпирал дверь изнутри железной палкой, найденной на земле — этом естественном паркете моего дворца. Окно заменял полотняный клапан, приходивший в движение от малейшего дуновения ветерка. Кусок зеленого сукна делил помещение на две комнатки.

Первая служила приемной, кабинетом и аптекой. Вся ее меблировка состояла из старого некрашеного стола, двух одинаковых стульев и двух ящиков: в одном хранились медикаменты, в другом — книги. Если пациентов было много, а это происходило всякий раз, как ко мне вваливалась целая семья голландских фермеров, ящики превращались в подобие кресел, которыми обставлены несколько более комфортабельные приемные моих коллег в Европе. Во второй и несколько меньшей части домика помещались кухня, столовая и спальня, а также комната для слуги. Правда, поначалу, пока не появилась более выгодная практика, хочешь не хочешь, все приходилось делать самому. Великолепным было и мое ложе: скрючившись на нем, дрожа от холода, я подолгу старался заснуть, но большей частью безуспешно. Самым элегантным европейским предметом обстановки был мой сильно потрепавшийся за время путешествия сундук.

Чтобы поскорее приобрести средства, необходимые для путешествия в глубь страны, и расплатиться с долгами, я решил ограничить себя во всем и вел самый скромный и уединенный образ жизни. Меня очень напугала дороговизна в районе алмазных разработок, и я готовил себе сам. С наступлением темноты, когда улицы пустели, я ходил за покупками и запасался водой для приготовления лекарств и домашних нужд. А нужды эти были довольно разнообразны, ведь я выполнял обязанности прачки и кухарки, не говоря уже о том, что был собственным парикмахером.

Я не намерен посвящать уважаемых читателей в прочие детали моего быта, замечу лишь, что был вынужден дер-

жать все это в величайшей тайне, ибо моя врачебная репутация сильно пострадала бы, если б такие подробности стали известны пациентам. Со временем я приобрел вполне солидную практику, доход от которой позволил мне уже в начале октября 1872 года (я прибыл в район алмазных разработок 26 августа) расплатиться с долгами на родине.

Постепенно я вышел из своего уединения, позволил себе лучше питаться, хотя еще долго продолжал жить в палаточном домике. Это было довольно неудобно и сопряжено с различными неприятностями, но в то время не отражалось на моей «официальной» репутации врача. Практика моя значительно расширилась после того, как ко мне стали обращаться немцы, которые прослышали, что прибыл новый доктор, говорящий на их языке. Это принесло пользу обеим сторонам, а мне к тому же дало возможность необычайно быстро усовершенствовать свои познания в голландском языке.

Во время моего первого посещения алмазных разработок в этом районе было еще много темных элементов; из-за наплыва авантюристов не только собственность, но и личность человека не находилась в безопасности. Преступников было тем труднее задержать, что, совершив преступление, они за какие-нибудь полчаса преодолевали расстояние, отделявшее центр алмазных разработок (Дутойтспан, где я поселился, расположен в восточной части этого района) от Оранжевого Свободного государства. Там им ничто не угрожало: правительство этого государства не могло простить англичанам аннексии ими западного Грикваленда (то есть именно района, богатого алмазами), а потому не желало протянуть английской полиции руку помощи. Среди авантюристов были и такие, кто рассчитывал без всяких усилий разбогатеть в алмазном Эльдorado. Разочарованные неудачей, эти люди, питавшие отвращение к тяжелой работе, организовали банду, в которую вовлекли в качестве сообщников кое-кого из коренных жителей. Если все же удавалось захватить кого-либо из этих разбойников с большой дороги, крайняя непрочность тюремных строений облегчала им бегство. Ничего не стоило оторвать несколько жестяных листов, из которых состояла крыша, а на воле всегда паслось достаточно лошадей! Не было ничего проще бегства, и через четверть часа бешеной скачки преступник оказывался в верном убежище.

К сожалению, мне пришлось узнать на собственном опыте, насколько осторожно надо вести себя с обитателями района алмазных разработок. Поблизости — в Кимберли (всего в 2 милях от меня) — жил земляк, которого я принимал за друга. Подобно многим другим он также надеялся в короткий срок разбогатеть и стал «копателем». Всячески выказывая мне расположение, он лукаво и бесчестно действовал за моей спиной. Целых два года он вел двойную игру, пока письма с родины не открыли мне глаза. Может показаться невероятным, что в основе его поведения лежала зависть. Этот человек, желавший исследовать Африку в качестве представителя Австрии, пытался очернить меня, своего «соперника».

С деятельностью банды, о которой говорилось выше, я познакомился ближе, чем хотел бы. Вернувшись однажды вечером от больного и укладываясь на свое примитивное ложе, я заметил, что в заднем верхнем углу — как раз над кроватью — стена палатки разрезана сверху донизу. Я тотчас же произвел тщательный осмотр подвижности и ценностей и убедился, что все осталось на месте. Из этого я заключил, что неизвестный «друг», который в мое отсутствие пожелал навестить меня, разрезав стенку палатки, по какой-то случайности не смог исполнить свое намерение.

Должен признаться, эта ночь была не из приятных, ибо мне пришлось провести ее во мраке с револьвером в руке, ожидая повторения визита.

Мне не долго пришлось мучиться неизвестностью — мой гость явился на следующую ночь. Чтобы ввести его в заблуждение, я нарочно не стал устранять ущерб, нанесенный домику. Мало того, я вовремя потушил свет, улегся со своим шестизарядным другом на кровать и стал ждать. Понятно, я с величайшей настороженностью прислушивался к малейшему шуму, раздававшемуся поблизости от моей резиденции.

Когда на улице стало тихо, мне показалось, что сзади кто-то приближается, стараясь идти неслышно. При этом неизвестный направлялся к тому месту, где накануне была сделана попытка кражи со взломом. Я как можно тише поднялся со своего ложа. Земляной пол приглушал мою поступь, и это позволило мне шаг за шагом следовать за человеком, обходившим домик, пока мы оба не очутились у входа. Вскоре я услышал, что на дверь надавили снаружи и, облегчая пришельцу его задачу, мигом убрал железную

палку, которой она была подперта. В следующую секунду я рывком распахнул дверь, и непрошенный гость, нажимавший на нее, чуть не влетел в комнату. Я не мешкая схватил прохвоста за горло и направил на него револьвер. Внезапность, с которой открылась дверь, толчок, а еще больше — далеко не нежное прикосновение к глотке и наставленное на него оружие до того ошеломили пришельца, что он и не подумал сопротивляться и смог лишь пробормотать несколько слов, очевидно, извинения, а потом стал умолять, чтобы я его отпустил. Перейдя через канаву, мы достигли середины улицы, к счастью для него, пустынной: если бы я поднял тревогу, этому типу, вероятно, пришлось бы расстаться с приятным земным существованием. Я хорошенько встряхнул его, помахал еще перед его глазами блестящим револьвером и столкнул в придорожную канаву, из которой он молниеносно выбрался и бросился бежать.

Когда на следующий день я рассказал пациентам о ночном визите, все они сожалели, что я не застрелил негодяя. Мой энергичный отпор возымел действие: меня больше не тревожили, и я еще раз убедился в том, что ворье никогда не повторяет неудачной попытки.

Все это показывает, что мой дом ни в какой мере не защищал от грабителей, о том же, что он не спасал от дождя и ветра, я уже говорил. Но мне предстояло еще убедиться в том, что это сооружение не могло противостоять силе ветра.

Еще раньше произошел эпизод, о котором мне хочется рассказать. Однажды, осматривая пациента, я заметил, что в приемную вошел неизвестный. Только я хотел попросить его подождать несколько минут на улице, как вдруг узнал в нем одного из моих первых клиентов, немца Опермана. Я вылечил его от воспаления легких.

В умеренных широтах, да еще в условиях Европы, состояние больных пневмонией (большей частью вызываемой простудой), как правило, быстро улучшается, и они выздоравливают. Но в районе алмазных россыпей в то время преобладали палаточные домики и простые палатки, больные не были ограждены от непогоды, и воспаление легких относилось к самым тяжелым заболеваниям. Друзья моего пациента уже отказались от надежды на его выздоровление и всякий раз, как я навещал его, говорили, что я напрасно стараюсь, ибо человек этот все равно умрет. Я, однако, делал все от меня зависящее, чтобы уберечь его от холода

и пыли, прекрасно понимая, что благоприятный исход будет иметь очень большое значение для моей врачебной практики.

Я считал, что больной недостаточно окреп для прогулок, а потому был удивлен, увидев его у себя. Не обращая внимания на мои протесты, пациент, потерявший в погоне за алмазами все, что он имел, стал настаивать на том, чтобы вознаградить меня за труды. В конце своих излияний он воскликнул:

— Вы, конечно, и сами знаете, что спасли мне жизнь; я никогда не смогу доказать вам свою признательность деньгами, а потому предоставляю себя в ваше распоряжение; постараюсь, чтобы вы были довольны.

Так я приобрел первого спутника, сопровождавшего меня в путешествиях в глубь материка.

Теперь о гибели моего палаточного домика. Однажды, возвращаясь от больного, я, к своему крайнему изумлению, сколько ни искал, не обнаружил свое жилище. Местность нисколько не изменилась, но от палатки не осталось и следа. В то время как я ломал себе голову, недоумевая, что произошло, ко мне подошел купец, живший по соседству, и сказал усмехнувшись:

— Вы, должно быть, ищите свой дом, но его сдуло ветром. Видите, вон он лежит.

Тут он указал на кучу полотняных тряпок, шагах в полтора от нас. Из нее торчало несколько моих карт, которые весело развевались на ветру. Не успел я прийти в себя, как купец повел меня к развалине, а затем в свою лавку, где показал собранные в ящик остатки моего имущества, которые он любезно спас.

Вытащив из-под обломков кое-что из того, что показалось купцу ненужным, я поспешил на поиски нового жилья, ибо уже наступил вечер. После долгих поисков и расспросов мне удалось снять палаточный домик, стоявший напротив здания администрации. Он был того же типа, что и унесенный ветром, только немного поменьше. Парусиновая стенка оказалась еще менее плотной, но жилище мое стояло в ряду других парусиновых и железных домиков, составлявших главную улицу Дутойтспана, а потому было несколько лучше защищено от ветра.

Вскоре я убедился, что со своим новым приобретением попал из огня да в полымя. В теплое время года мне приходилось все время держать над собой зонт для защиты от

горячих лучей солнца. В дождливый сезон это было еще более необходимо, так как с потолка тонкими струйками стекала вода. К тому же помещение оказалось настолько мало, что приготовление пицци было связано с огромными неудобствами.

Ситуация становилась комической, когда ко мне обращался за консультацией больной: на его долю выпадало удовольствие держать зонт над нами обоими; к счастью, пациенты — люди, привыкшие к превратностям климата и местной жизни, — извиняли недостатки приемной.

Одной из самых неприятных особенностей моего жилища, как и всех других, в которых не настлан пол, было изобилие насекомых. На новой квартире они меня прямо замучили. Как солоно мне там приходилось, я понял только месяцев через десять, когда, сменив эту квартиру на другую, расположенную в стороне от грязной проезжей дороги, почувствовал, что у меня словно гора свалилась с плеч.

Весь арсенал средств истребления насекомых, которыми я располагал, — разные порошки и карболка, — не приносил ни малейшего облегчения. Во время приема больных нередко разыгрывались презабавные сцены. Так, однажды пациент прервал мои наставления словами:

— Извините, доктор, у вас на левой щеке сидит большая блоха.

Пациент был настолько любезен, что снял бесстыдницу.

Насекомые — не единственные, кто нарушал мой покой. Просыпаясь по утрам я нередко замечал несколько жаб, которые внимательно меня рассматривали. Случалось, что ночью меня будили странные шорохи. В полном неглиже я зажигал свет и, к моему ужасу, обнаруживал кобру, которая, приподнявшись с полу и раздув шею, громко шипела. Ничего не скажешь — прелестный сюрприз!

Теперь я хочу рассказать о трехдневной охотничьей экскурсии, которую я предпринял на рождество 1872 года. В обществе охотников за павианами я отправился в горы, находящиеся в западной части Оранжевого Свободного государства, неподалеку от алмазных разработок.

Посетив своих пациентов и убедившись, что их можно оставить на несколько дней, я в первый день рождества выехал из Дутойтспана. Время было послеобеденное, жара стояла тропическая, но меня влекло вперед желание изучить животный мир гор, видневшихся у горизонта. Вместе со мной отправились молодой немецкий купец, поляк из

Познани и финго *, который ташил на себе охотничье снаряжение. Я и молодой поляк вооружились для охоты.

К вечеру мы достигли первых отрогов возвышенностей, находящихся на территории Оранжевого Свободного государства. Было уже поздно, когда мы оказались около фермы Крико, и я решил заночевать на вольном воздухе. Рано утром мы обследовали ближайшие окрестности фермы, а вернувшись в свой лагерь, встретили ее владельца. Мой вопрос о том, как увидеть павианов, вызвал у него поток красноречия.

— Здесь по соседству живут две стаи,— сказал он.— Меньшая и более робкая, как правило, отправляется по утрам на водопой в ближайшее горное ущелье, бóльшая же ежедневно отваживается утолять жажду поблизости от нас.

Затем фермер принялся жаловаться на наглость обезьян. Это опасные вредители. Как только посты, выставляемые ими на скалах, замечают, что люди ушли, стадо живо перебирается через забор и опустошает поля и сады. Еще более опасны они для пасущихся овец. Стоит пастуху ненадолго заснуть или по какой-нибудь иной причине оставить животных без присмотра — и фермер обнаруживает потом несколько задранных ягнят. Павианы следуют по холмам за овцами, пасущимися в долине. Как только стадо остается без защитника, павианы сверху бросаются на ягнят и страшными челюстями разрывают им брюхо, чтобы добраться до содержащегося в желудке молока. Выпив его, они оставляют еще трепещущие тела на земле и принимают за других жертв, в панике мечущихся по пастбищу.

В дальнейшем я убедился, что фермер ничего не преувеличил. Нас несколько не удивило, когда он довольно улыбнулся, услышав, что мы намерены подстрелить несколько павианов. Само собой получилось, что я рассказал и о других целях охоты, в частности о том, что охотно радобуду несколько черепов и хороших шкур для набивки чучел. Это сообщение потрясло его. Ни о чем таком он не слыхивал.

— Боже всемогущий, что это вы задумали!— воскликнул он, покачав головой, и поспешил домой рассказать жене о «необычных» намерениях «спятившего» доктора, который хочет застрелить «бабуина», а затем отправить в «Германию» шкуру и даже череп.

Незадолго до полудня мы покинули ферму и отправились на восток в скалы, чтобы настичь меньшее стадо на

* Народ, родственник зулусам.

водопое. Возвышенность заканчивалась плоскогорьем, поросшим кустарником и усеянным большими камнями. Мы пересекли его с юга на север и, приблизившись к упомянутому фермером ущелью, услышали доносившийся с противоположного склона примерно в трехстах шагах от нас сиплый многоголосый лай. Затем мы заметили семь павианов, в том числе четырех взрослых, которые большими прыжками достигли вершины возвышенности, а затем исчезли в ущелье, расположенном правее. Мы поспешили за ними и по свежим следам на дне ущелья установили, что они незадолго до нас побывали на водопое. Чтобы не упустить большое стадо, мы пошли к ущелью. По дороге мы засунули в ягдташи несколько голубей, послуживших нам отличным обедом.

Сидя у костра, на котором жарились голуби, мы невольно вглядывались в склоны гор по обе стороны от нас в надежде заметить хоть одно четвероногое. Но все было напрасно. Вдруг со стороны фермы раздался громкий крик. Сначала он как будто приближался, но потом затих. Близ фермы росли высокие деревья мимозы, и в узкий просвет между ними была видна только часть дома. Справа от нас двенадцатифутовая каменная плотина перегораживала воды пруда, на берегу которого мы расположились, и с того места, где мы отдыхали, невозможно было установить причину крика. Я пошутил, что, пока мы тут охлаждаемся, павианы, возможно, воспользовались тем, что на ферме обедают, и нанесли визит на поля.

Едва вымолвив эти слова, я вскочил и показал товарищам на холм, возвышавшийся в двухстах пятидесяти шагах от нас.

— Посмотрите, это не обезьяны?

И верно: вверх по склону бежал павиан, за ним другой, третий — целое стадо. Они не очень торопились и время от времени задерживались на уступах. В это время у подножия горы появились люди — фермер и его слуги-африканцы*, вооруженные дубинами и палками. Все они громко кричали. В мгновение ока мы очутились там же, повернули вправо (обезьяны следовали верхом примерно в том направлении) и стали осторожно подниматься по склону. Я предложил моим товарищам двигаться как можно тише, чтобы не отвлекать внимание животных от остальных пре-

* Автор употребляет антропологический термин «негры».

следователей, которые, громко крича, медленно поднимались в двухстах шагах слева от нас.

Один из моих спутников был вооружен дробовиком, а другой — просто палкой. Поэтому я велел обоим не отходить от меня, чтобы в случае надобности можно было оказать им помощь, ведь раздраженный павиан опаснее леопарда. Мы поднялись до середины склона, но обезьяны по-прежнему находились вне досягаемости наших ружей. Наконец надо мной показался павиан; он перепрыгивал со скалы на скалу, и то куст, то утес скрывал его от меня, так что попасть в животное было невозможно. Достигнув вершины, он исчез, а мы продолжали карабкаться вверх в надежде настичь павиана или кого-либо из его собратьев на плоском гребне.

И в самом деле: поднявшись всего на 40 футов, я обнаружил взрослую самку. Однако выстрелить мне так и не удалось: один раз на линии прицела оказался слуга-африканец, второй раз мне все дело испортил один из спутников: когда до самки оставалось всего лишь пять шагов, он с громким криком ринулся вверх, и животное, естественно, бросилось бежать. Мы кинулись в погоню по крутому склону, но, когда, совершенно запыхавшись, достигли гребня, обезьян и след простыл. Далеко не в лучшем настроении мы спустились вниз, отказавшись от надежды увидеть павианов в этот день. Нам и в голову не могло прийти, что мы повстречаем стадо еще раз.

Африканцы из племени корана * рассказали, что, привлеченные блянием ягнят, павианы пытались проникнуть в загон для скота. Однако обезьян вовремя заметили и, чтобы им не вздумалось повторить налет, не только отогнали, но и преследовали по пятам. Корана уверили нас, что павианы обязательно придут на водопой еще раз, но к другому пруду, о котором нам уже говорили. При этом известии усталость с нас как рукой сняло. Мы немедленно же отправились в указанном направлении и в долине обнаружили наполненный дождевой водой пруд. Слева, примерно в трехстах шагах от него, поднимались холмы, на которых мы только что побывали; справа, на расстоянии примерно мили, тянулась вторая цепочка холмов. Со стороны дома пруд перегораживала каменная запруда, расположенная напротив того места, откуда поступала вода. Слева от него

* Одно из племен готтентотов.

виднелась бухточка, заполненная желтой мутной водой, справа же — густые заросли молочая. На одной стороне запруды из трещин в камне росло несколько кустов. За одним из них я и занял позицию.

Не успели мы приготовиться, как сын фермера указал на две темные точки показавшиеся на склоне холма, справа от нас. Приглядевшись, мы заметили множество быстро двигавшихся темных тел. Они спускались вниз. Когда до нас оставалось шагов девятьсот, мы узнали стадо павианов.

— Идут на водопой, — сказал мальчик.

К нашему удивлению, обезьяны словно не собирались двигаться дальше. Прошло пятнадцать минут, потом полчаса, а стая все оставалась там, где мы ее заметили. И вдруг, словно из-под земли, на противоположном берегу пруда показались два огромных самца. Никто из нас не заметил, как они приблизились, и мы так и не смогли определить, обошли ли они нас поверху или, отделившись от стада, двигались напрямик по склону.

Мне хотелось узнать, принадлежат ли животные к стаду, которое все еще находилось на прежнем месте, и я, отказавшись от намерения тут же уложить одного из них, с волнением ожидал дальнейших событий. Павианы между тем прыгнули в воду, нагнулись и стали пить. Потом, встав на четвереньки, вышли из воды и важно направились к стаду. Сомнений не оставалось: мы видели разведчиков. Как только они вернулись к своим, весь отряд пришел в движение и вскоре достиг берега. Тут были матери с детенышами и всего лишь три-четыре самца. Павианы поодиночке спускались к пруду и, напившись, возвращались обратно. После того как около десяти утолили жажду этим способом, в воду спустилось сразу несколько животных. Остальные развлекались, прыгая и валяясь на песке.

Вскоре, однако, со стороны дома показались две женщины из племени корана, с горшками на голове. Они направлялись к пруду за водой. К счастью, нам удалось жестами остановить женщин; мешкать больше нельзя было — настало время стрелять. Те самые самцы (так по крайней мере мне показалось), которые столь удачно разведали берег пруда, вторично подошли к воде. Они встали по обе стороны бухточки и нагнулись, чтобы напиться. Я решил воспользоваться этим моментом и попытаться счастья. Как мы определили впоследствии по следам, животные наклонились настолько близко друг к другу, что головы их отделя-

ло не более 4 дюймов. Тут загремело мое ружье (потом мы убедились, что пуля, пройдя между головами павианов, ударилась в землю примерно в 3 футах за ними). Оба павиана как по команде подскочили вверх, подхватили хвосты, и тут же вся стая с лаем обратилась в бегство. Взрослые самцы бежали чуть сзади и часто оборачивались. Мы остались до вечера на месте и даже перенесли сюда свой лагерь, но... обезьян больше не видели, хотя их хриплый лай доносился с гор добрую половину ночи. Весь следующий день мы провели у пруда, но животные, которые могли видеть нас с холмов, не спускались со скал, где они чувствовали себя хозяевами положения.

Вернувшись в район алмазных россыпей, я возвратился к своей профессии. Практика моя настолько расширилась, что я мог откладывать фунт за фунтом. Уже в январе я купил фургон, который присмотрел заранее. Таким образом, у меня появилось самое необходимое — средство передвижения. В начале февраля 1873 года я счел, что настало время отправиться в настоящее путешествие, вернее, предпринять рекогносцировку.

Первое путешествие в глубь Южной Африки. Из Дутойтспана в Лакатлонг

Приготовления были закончены, снаряжение приобретено. Оставалось только принять столь важное для всякого путешественника по Африке решение относительно спутников. Вскоре я отказался от намерения окружить себя одними слугами из числа коренных жителей и решил путешествовать в компании белых. Мой выбор пал на тех двух молодых людей, с которыми я уже совершил экскурсию в Оранжевое Свободное государство. Третьим я пригласил господина Фридриха Эбервальда из Тюрингии, который в дальнейшем стал моим близким другом и принял участие также в моем втором путешествии.

До отъезда необходимо было закрепить за каждым определенные обязанности. Фридрих Эбервальд взялся снабжать нас птицей, подстреленной из его дробовика, а также сторожить фургон. Второй мой спутник по фамилии К. занялся кухней, третий же — Ф. должен был помогать в охо-

те и сборе коллекций. Я рассчитывал хорошо подготовить его, чтобы он мог постоянно сопровождать меня в путешествиях. Однако все мои усилия кончились ничем из-за его скверного характера.

Итак, мы, четверо белых с пятью лошадьми и пятью собаками, на несколько недель избавились от пыльного воздуха алмазных разработок.

На следующий день мы добрались до поселка племени корана. Он производил удручающее впечатление. Среди корана свирепствуют болезни и алкоголизм. В начале 1877 года в брошюре, посвященной положению коренного населения Южной Африки, я позволил себе посоветовать английскому правительству, чтобы оно запретило продажу спиртных напитков корана. Часть этих людей является его подданными, а другая живет в небольшом независимом государстве, в среднем течении реки Хартс.

Подобно всем готтентотским племенам, корана вымирают. Численность их сократилась наполовину, владения — на 25—75 процентов. Я уверен, что многие мои высокие покровители в Англии, принимающие близко к сердцу положение коренных жителей Южной Африки, никогда не забыли бы зрелища, которое нередко представляется жителям городов Капской колонии, а в районе алмазных разработок является обычным: пьяные, покрытые грязью женщины из племени корана, которые, дико ругаясь, бродят по пыльным улицам.

Достигнув Гонг-Гонга, мы направились на север в сторону реки Хартс. На протяжении тысячелетий эрозия образовала в скалах Голицское ущелье. При исследовании этой местности я сделал интересное открытие: ущелье является истинным заповедником для многих разновидностей животных, а также естественным парником.

В этом эдеме оказались змеи. Я обнаружил не менее семи их разновидностей, в том числе две породы хорошо известной в Южной Африке мамбы. Одну змею я заметил в тот момент, когда в поисках насекомых приподнял тяжелый камень. Сначала мне бросились в глаза остатки неглубокого мышиного гнезда, но солнечный луч, проникший сквозь густую листву, позволил тут же разглядеть блестящую кожу змеи. Подходящего оружия у меня не было, и я застыл на месте, чтобы после бегства змеи обыскать гнездо и собрать мелких насекомых. Ждать пришлось недолго: разбуженное горячими лучами солнца пресмыкающееся дли-

ной свыше 4 футов стало разворачиваться на мягкой постели, где спало, свернувшись в клубок. Оно сразу же заметило меня и, подобно другим мамбам, зашипело, приподняв с земли верхнюю треть туловища. При этом у него раздулась темная шея шириной около 2 дюймов и быстро задвигался раздвоенный язык. Мое поведение, видимо, показалось змее угрожающим, и вскоре она исчезла в густых зарослях.

Еще до этого разведывательного путешествия я и мой спутник Ф., разыскивая в камнях на равнине между Дутойтспаном и Кимберли насекомых и червей, наткнулись однажды на мамбу длиной 5 футов. Это был экземпляр редкой красоты. Не имея под рукой лучшего оружия, я бросился к валявшемуся поблизости бычьему скелету, отломал от него ребро и кинулся за пресмыкающимся. Загнанная в тупик змея вдруг повернулась и прямо передо мной поднялась. Между тем я уже успел нагнуться и не мог отпрыгнуть в сторону. Малейшее колебание — и я погиб. К счастью, присутствие духа не покинуло меня: сильный удар в спину, нанесенный уверенной рукой, — и красивая, но опасная тварь стала моим трофеем. Мы обвили ее труп вокруг бычьего ребра и с триумфом отнесли домой.

Из ядовитых змей Южной Африки я считаю наиболее опасными породы мамбы, которые имеют зеленую, черную или желтую окраску. Мне известны случаи, когда мамбы, принадлежащие к первым двум породам (они встречаются в густых зарослях у побережья, где всего теплее), нападали на людей, как только замечали их. Приведу здесь только один такой случай.

В нескольких стах шагах от дома играли дети. Внезапно они увидели мамбу, выползавшую из зарослей. Зная, как опасна эта змея, они немедленно выскочили на дорогу и бросились бежать. Через некоторое время дети оглянулись и, не обнаружив змеи, замедлили шаг. Однако несколько минут спустя раздался громкий крик. Оказалось, что змея продолжала преследование и укусила мальчика в пятку. Не прошло и четверти часа, как ребенок погиб.

В горах Мапани и на равнине Сибанани, в теплых северных районах центральной части Южной Африки, обитает мамба другой породы — грязно-желтого цвета, свирепого, как и все ее сородичи, нрава. Змей можно встретить на звериных тропах, ведущих к воде, — в тех местах, где соприкасаются густыми кронами два дерева с полыми стволами. Мамбы прячутся в ветвях среди листьев. Заметив живое

существо, змея обвивается хвостом вокруг ветки и свешивается вниз, раскачиваясь между стволами. Окраска ее не бросается в глаза (этим она отличается от своих зеленых и черных сестер), а потому люди и прежде всего, конечно, европейцы не замечают мамбу. Это делает ее особенно опасной.

В тот самый день, когда в Голицком ущелье я увидел мамбу, один из моих слуг-африканцев был напуган таким же пресмыкающимся. Разыскивая в густых зарослях подстреленную голубку, он вдруг выскочил из кустов и бросился ко мне с криком: «Сэр, змея!» Коренные жители, за исключением врачей, слывающих среди зулусов колдунами, очень боятся этих пресмыкающихся; боятся их и обезьяны.

Два дня спустя я застрелил на дне ущелья короткую черную змею с белым пятном на нижней части шеи. Торговец, которому я рассказал о встрече со змеей, в свою очередь сообщил мне интересный случай. Я повторяю здесь его рассказ, в достоверности которого меня потом убедили многие факты.

Один фермер заметил, что его корова, пасшаяся близ ущелья, в течение более чем двух недель возвращается на скотный двор часа на два позднее всего стада (поблизости не было хищных зверей, а потому коровы паслись без призора).

Фермер послал слугу узнать, в чем дело, и вскоре услышал крик: «Хозяин, хозяин, бери ружье и беги скорей сюда, на корове висит мамба!». Фермер созвал своих друзей и поспешил к реке. Неподалеку от нее он увидел корову, которая спокойно паслась, в то время как змея, наполовину обвившаяся вокруг ее задних ног, жадно сосала вымя. Она сильно раздулась и походила на огромную пиявку. Прежде чем пораженные зрители успели подойти ближе, змея исчезла в зарослях. На следующий день работникам с фермы удалось подкрасться к зарослям и без всякой опасности для себя убить пресмыкающееся, насосавшееся молока.

Нечто аналогичное произошло за несколько лет до моего посещения Южной Африки в городке Филипполисе (Оранжевое Свободное государство). Мой друг К., с которым я познакомился в районе алмазных россыпей, служил там у одного торговца и жил очень близко от него в кирпичном доме. Однажды после полудня этот приказчик обслуживал нескольких буров. Вдруг прибежала служанка и

сообщила, что его ребенку угрожает смертельная опасность. Не зная, что означает это известие, приказчик бросил товары и покупателей и поспешил домой.

Он нашел свою жену в передней. Она оцепенела от страха и не могла вымолвить ни слова. Дочурка же с детской непосредственностью сообщила, что длинная черная кошка пьет молочко из бутылки младенца. К. бросился в детскую и увидел, что ребенок спит, а на полу стоит полупустая бутылка молока с соской вместо пробки.

Тем временем жена его несколько оправилась от смертельного испуга и смогла рассказать, что произошло. Услышав от дочурки о длинной черной кошке, она тотчас же поспешила в детскую. И тут глазам ее представилось зрелище, наполнившее ужасом материнское сердце: рядом с младенцем лежала, свернувшись черная змея и потягивала молоко из полуопрокинутой бутылки, выскользнувшей из ротика ребенка. Женщина выскочила из комнаты с криком, который, очевидно, настолько испугал пресмыкающееся, что оно упало на пол или спряталось в постели. Мать услышала звук падающей бутылки. Ее охватила при этом такая дрожь, что она не могла вернуться в комнату.

Вбежав в детскую, господин К. прежде всего взглянул под кровать и сразу же увидел, что ему нанес визит опасный гость. Чтобы привлечь змею и вернее нанести ей удар, он подsunул бутылку с соской под кровать, а жена тем временем принесла кирри *. Змея не смогла устоять перед соблазном и в следующий же миг была раздавлена вместе с бутылкой. Через несколько лет ребенок узнал, какой опасности он подвергался и какие удивительные «черные кошки» водились прежде в Филипполесе.

Для моих географических исследований большое значение имело измерение глубины рек, через которые я переправлялся. Всюду, где этому не мешали крокодилы, я производил промеры. За неимением лодки и необходимой аппаратуры, я вынужден был определять глубину собственной персоной, но после того как на реке Вааль едва не погиб, отказался от столь рискованных экспериментов.

Расскажу в нескольких словах, как это произошло. Чтобы найти переправу для фургона, необходимо было измерить глубину реки Вааль, которая поблизости от нашего лагеря имела 6—8 метров в ширину. Я отыскал удобное

* К и р р и — палица.

место: высокие сухой берег, глубина 14—16 дюймов давали основание надеяться, что я нашел брод. Перекинув отважным броском на другой берег часть своего платья, я начал переходить реку, но уже после первого шага увяз в грязи. Ступая медленно и осторожно, я достиг середины реки. Толщина слоя грязи достигала здесь 2 футов и с каждым моим шагом становилась больше. Я решил сделать еще один шаг вперед и, если грязи не будет меньше, повернуть назад. Но было уже поздно: я увязал все глубже и глубже, чувствуя при этом, что грязь становится цепкой и плотной.

Звать на помощь было бессмысленно — фургон находился слишком далеко. Признаться, я перепугался. Вода дошла мне уже до подбородка, и казалось, что нет никакой надежды на спасение.

В минуты неотвратимой опасности начинаешь действовать инстинктивно. Сильным рывком я подался вперед, а руками стал имитировать движения пловца. При этом лицо и грудь мои оказались под водой, и я вытянулся на грязевом слое. Ценой огромного усилия мне удалось высвободить из цепкой грязи одну ногу, но теперь мне угрожала опасность задохнуться под водой. Необходимо было держать голову над нею, чтобы иметь возможность дышать. Вместе с тем нельзя было терять ни мгновения, дабы не потерять завоеванного. Я повторил рывок и почувствовал, что мне удалось высвободить также и вторую ногу. Еще рывок — и мои руки уперлись в затвердевшую грязь противоположного берега. Я был спасен. Вряд ли стоит описывать мое физическое и нравственное состояние в тот момент, когда я снова почувствовал под ногами твердую почву.

Из Лакатлонга в Вондерфонтейн

Однажды в марте 1873 года я бродил по полям, засаженным кукурузой и тыквой, стараясь пополнить свои зоологические коллекции полевыми скакунами, и настолько увлекся, что не заметил приближения грозы. Только когда хлынувший дождь промочил меня насквозь, я поспешил к фургону. В этот момент в кукурузное поле, в нескольких стах шагах от меня, ударила молния. Достигнув фургона, я обнаружил, что мои спутники позабыли укрыть образцы растений, сушившиеся на солнце, и ружья, прислоненные

к кусту. Вскочив в фургон, я попросил товарищей быстро собрать все, что оставалось снаружи.

Один из них протянул мне растения и уже передавал ружья, как вдруг совсем рядом с фургоном в землю ударила молния. В этот момент я взялся за ствол одного ружья, намереваясь уложить его на место. Друг мой, оглушенный ударом грома, раздавшимся совсем рядом, выпустил приклад двустволки. Один из курков оказался взведенным, и, когда я потянул ружье к себе, правый ствол, заряженный дробью, разрядился. Помню лишь, что молния ярко осветила местность, а за нею последовала вспышка, сопровождавшаяся грохотом. Я почувствовал сильную боль в области левого глаза и, частью от испуга, частью оттого, что был оглушен, потерял равновесие и свалился с фургона. Друзья сочли было меня убитым, но, к счастью, рана оказалась неопасной. Дробинки прошли у меня под мышкой снизу вверх, едва не задев левый висок, и продырявили поля шляпы, причем дырки заполнились моими волосами.

Поскольку, однако, ружье выстрелило у самого моего лица, левый глаз сильно пострадал снаружи. В течение двух дней я им ничего не видел и еще две недели мучился от воспаления век.

Я решил провести несколько дней на берегу речки Клип, чтобы понаблюдать зверей и приобрести для коллекции по одной шкуре животного каждого вида. К сожалению, судьба не дала исполниться даже этому скромному желанию, чему, впрочем, я теперь рад. На берегах Клипа мы оставались до 27 марта. Первый день мы занимались препарированием купленной шкуры гну — это была трудоемкая работа, — весь второй — шли по течению речки, русло которой скорее напоминает ущелье, так как лишь в некоторых, наиболее глубоких местах наполнено водой.

По дороге нам попалось несколько фургонов трансваальских фермеров, которые либо направлялись с зерном в район алмазных разработок, либо возвращались оттуда домой. Под фургонами и на них были привязаны туши убитых животных. Дичь подпускала к себе фургон на расстояние трехсот шагов. Меткие голландские стрелки пользовались этим и, соскочив в траву, били по доверчивым животным. Из каждых трех выстрелов один, как правило, оказывался смертельным. Не удивительно, что тушу прыгуна приобретали за 1—1,5 шиллинга, капской газели — за 2—3 шиллинга, гну — за 7—8. Я купил две туши прыгунов.

Охотничье счастье изменило нам. Три дня прошли без всяких результатов. 27 марта я решил еще раз попытаться и предпринял экскурсию вверх по реке.

В предыдущие дни я уже несколько раз ходил в этом направлении и там, где русло значительно расширилось, заметил углубления, которые, видимо, служили дичи водопоем. Поблизости от них высохшее русло пересекала тропа, по которой животные, в частности гну, судя по следам, переходили на другой берег; по обе стороны тропы тянулись ямы, наполненные водой. Я решил на этой тропе устроить засаду и дожидаться появления животных.

После восхода солнца я выбрался из фургона и прополз почти 2 мили: на некоторых участках русло было очень неглубоким, и животные легко могли бы заметить с равнины шагавшего по нему человека. Добрался до места я только к одиннадцати часам. Тропа оказалась узкой, так как с одной стороны заросла тростником. Как я уже сказал, на этом участке русло сильно расширилось и при этом было мельче, чем в других местах. Я пролежал на тропе под палящим солнцем добрый час. Вдруг на северо-востоке слышались выстрелы. Маскируясь высокой травой, я приподнялся и стал смотреть туда, но не заметил ничего, кроме нескольких стад горных скакунов, капских газелей и гну, которые спокойно паслись вдалеке. Мое внимание привлекли гну: двигаясь гуськом, они направлялись, как мне показалось, в мою сторону. Я повернулся к тому берегу, где они находились, и стал целиться. Но гну были еще далеко от меня, шли не торопясь, и я повернул голову в противоположном направлении. К моему удивлению, я увидел большое стадо капских газелей, которые неслись с той стороны, откуда раздались выстрелы. Это стадо было ко мне ближе, чем медленно шествовавшие гну. Мне показалось, что оно тоже выйдет на тропу, я изменил гну и дополз, прижимаясь к земле, до середины высохшего русла; добраться до противоположного берега у меня уже не оставалось времени.

Через несколько секунд я приподнял голову, полагая, что животные уже совсем близко. Но какое разочарование! Капские газели, видимо, заметили опасность и в двухстах шагах от меня обратились в бегство. Стадо замыкала самка с детенышем. Мне особенно хотелось заполучить его живьем, и я решил выстрелом ранить самку, а потом захватить козленка. Пуля попала самке в правую ногу; животное было захромало и замедлило бег, но вскоре побежало с

прежней быстротой и вместе с козленком присоединилось к стаду.

Я ползком вернулся на прежнее место у западного края тропы и пригнулся к земле, чтобы перезарядить ружье. Но едва успел сделать это, как услышал чье-то сопение. Я поднял голову и... испугался, как, пожалуй, никогда в жизни. Не заметив меня, гну галопом достигли тропы и теперь, наклонив головы и высоко подняв белые хвосты, ураганом неслись в мою сторону. Еще несколько мгновений — и я оказался бы у них под ногами! Не желая ближе познакомиться с рогами и острыми копытами гну, я вскочил, чтобы криками и выстрелами заставить животных остановиться или даже повернуть вспять.

Гну замедлили бег. Лохматые головы обратились ко мне, раздался выстрел, и передний бык, низко опустив голову, с громким ревом сделал два круга, а затем повернул направо. За ним последовало все стадо. Через десять шагов вождь опять сделал поворот и описал еще круг. Стадо снова последовало за ним. Повторяя время от времени этот маневр, животные умчались, задрав хвосты и громко ревя.

Однако, прежде чем они успели описать второй круг, я послал вслед им пулю, тщательно прицелившись в молодое животное. Я был уверен, что пуля вонзилась в тело, но животное продолжало бежать как ни в чем не бывало. Я в поте лица своего преследовал стадо под палящими лучами солнца целых четыре мили. Но все было напрасно: раненое животное шло, правда, последним в стаде, однако расстояние между нами непрестанно увеличивалось. Наконец я настолько устал, что был вынужден отказаться от преследования и, разочарованный, вернулся к фургону.

Подкрепившись, я решил пойти вместе с Гертом * по следу подстреленного гну. Найти след было нетрудно, и мы прошли по нему мили на 2 больше, чем я сделал утром (с того времени прошло около пяти часов). Наконец мы обнаружили труп молодого быка гну, уже наполовину объединенный стервятниками, который мы, естественно, оставили им. Неудача так расстроила меня, что я в тот же день снялся с места и продолжал путешествие в глубь республики Трансвааль.

Следующей целью моего путешествия были вондерфонтейнские горные пещеры в районе верхнего течения реки

* Спутник Голуба.

Мой. Оттуда я собирался пуститься в обратный путь к алмазным россыпям.

Мы ехали весь день и часть ночи, а затем остановились на равнине примерно в 4 милях к северо-востоку от брода через Клип. Ночь выдалась чудесная, было довольно светло; сидя у костра, мы обсуждали свои приключения на берегах этой реки. Время от времени в отдалении раздавалось мычание гну, иной раз слышались тупые удары: то сталкивались рогами кидавшиеся друг на друга задорные самцы.

Мы продолжали путь по лесистой местности, уровень которой постепенно понижался. Реки становились глубже, берега их местами покрывал густой кустарник. В нем встречались цесарки, распространенные от берега океана на юге до Замбези и даже дальше.

Эта дикая птица, родственная курам, несомненно принадлежит к наиболее интересным представителям пернатого мира Африки. Она быстро размножается, несмотря на то что за ней много охотятся. Любимое место обитания цесарок (они селятся группами в тридцать-сорок гнезд) — лесистые и заросшие кустарником берега рек и непересыхающих прудов. От европейских цесарок они отличаются главным образом рогообразным наростом на лбу.

На цесарок лучше всего охотиться за полтора-два часа до захода солнца, когда они спешат с пастбищ, из лесов и зарослей на водопой. После этого они обычно проводят ночь на высоких деревьях. Можно считать установленным, что во все времена года они являются на водопой в четыре часа пополудни, причем обычно по одной и той же тропе. Если спрятаться поблизости от нее и около половины четвертого всмотреться вдаль, то при благоприятном ветре можно заметить приближающееся облако пыли. Несколько минут спустя охотник услышит кудахтанье, но птиц еще не увидит. Облако пыли возникает из-за того, что по пути на водопой птицы продолжают искать в песке или глине насекомых и семена. Я замечал, что в траве высотой 3—5 футов вожаки бегут в десяти-пятнадцати шагах впереди стаи и время от времени взлетают или, вернее, подпрыгивают вверх, чтобы осмотреться. Заметив человека, хищное животное или еще что-либо подозрительное, цесарки, громко кудахча, кидаются прочь, причем бегут с невероятной быстротой. Я знаю лишь немногих птиц, способных бегать так же быстро. Охотник, плохо знакомый с привычками этих пернатых, больше их в этот день не увидит.

Иное дело, если он, зная, как они быстро бегают, пошлет вслед собак или же, умело замаскировавшись, внезапно выйдет из засады, когда они приблизятся. Цесарки взлетают, но полет у них тяжелый, и даже малоискусному стрелку нетрудно одним выстрелом сбить птицу.

Коренные жители этим и другим птицам почти не страшны. Одни лишь корана умеют охотиться на цесарок—они поднимают их собаками, а затем стреляют, но не дробью, а твердыми косточками блю-баста (маленький съедобный фрукт).

Возвращение в Дутойтспан

Мы стояли лагерем на южных отрогах гор Макваси. Два года спустя—в 1875 году—я встретил далеко в глубине страны бродячего охотника на слонов, который был родом с северных отрогов этих гор. Это был отличный охотник, и я хотел бы рассказать об одном из его приключений.

В холостяцкие годы Вейнгольд Шмидт жил на ферме у истоков реки Макваси. В то время ущелья, расположенные в северной части гор того же названия, пользовались очень дурной репутацией из-за бесчинств четырех львов, обычно охотившихся вместе. Никто из буров, живших в этой местности, не решался поднять на них руку. Как-то утром сын одного фермера, посланный на поиски трех лошадей, вернулся с печальным известием, что нашел в траве их наполовину объеденные трупы. По бесчисленным следам вокруг было нетрудно установить виновников злодеяния.

Это явилось последней каплей, переполнившей чашу терпения буров. Они решили сообща уничтожить хищников. На охоту отправились семь всадников, в том числе хозяин лошадей и его сын; последний показывал дорогу.

След львов вскоре отыскался. Он шел по долине, затем по двум возвышенностям и наконец привел охотников на равнину, покрытую, к сожалению, невысокой травой. Почва здесь была твердой, поэтому буры вскоре потеряли след зверей и были вынуждены отказаться от дальнейшего преследования. Вероятнее, впрочем, что им отказало мужество и что они предпочли вернуться, чем вступить в бой с хищниками, после долгой утомительной погони.

На обратном пути разочарованные охотники расстались с охотником Шмидта. Каково же было удивление владельца лошадей и его друга, когда в высокой траве, совсем близко от двора, они заметили льва и львицу! Судя по повазам хищников, те лежали в засаде. При приближении всадников, лошади которых не испугались близости своего извечного врага, львы поднялись с земли. Чтобы прицелиться поточнее, Шмидт спешился, взял лошадь под уздцы, сделал несколько шагов вперед и навел ружье на ближайшего льва. В этот момент его окликнул спутник. Обернувшись, Шмидт увидел, что тот отошел в сторону и занял позицию шагах в пятидесяти от него. Это неприятно поразило охотника: два льва были перед ним, остальные находились где-то неподалеку, а друг покинул его в таком положении.

Теперь Шмидту не оставалось ничего другого, как отступить самому. Ведя лошадь под уздцы, он стал отходить, не трясая хищников из виду. Однако, прежде чем он соединился со своим спутником, львы бросились бежать к холмам. Это придало охотникам мужества, и они пустили лошадей галопом вдогонку льявам. При этом Шмидт хотел обогнать зверей и преградить им путь, как сделал бы на его месте любой мало-мальски опытный охотник. Это ему удалось, и львы очутились между ним и его спутником, который кричал и размахивал шляпой, чтобы друзья заметили львов, находившихся еще на расстоянии выстрела от них. Однако, прежде чем охотники настигли животных, львица повернула налево и исчезла в заросшем кустарником неглубоком ущелье между скалами. Лев же, сделав несколько прыжков, скрылся в мелком кустарнике, покрывавшем соседний холм. Напуганный людьми, он бежал столь стремительно, что преследователи потеряли его из виду.

Когда остальные охотники подоспели, они решили окружить ущелье, где скрылась львица, и тщательно следить за его краем, обращенным к холму: следовало ждать, что львица попытается уйти именно в этом направлении. Трое охотников заняли там позиции и принялись кричать и бросать камни, чтобы заставить ее бежать. Вряд ли камни могли причинить ей вред, скорее львицу возмутил отвратительный «голландский» язык, на котором объяснялись охотники; во всяком случае она показалась вскоре у края ущелья, желая разведать обстановку. Вместо того чтобы укрыться в мелком кустарнике, которым порос холм, она взяла немного левее, видимо, рассчитывая достигнуть без-

опасного места обходным путем. Для этого ей нужно было продефилировать перед тремя стрелками, что она, не колеблясь, сделала. Три выстрела прогремели одновременно. Львица попыталась продолжить путь, но у нее уже не было сил. С тремя пулями в груди она рухнула наземь.

После этого хищники оставили этот район в покое. Они ушли к реке Хартс и поселились в стране баролонгов. Однако время от времени они возвращаются, и даже теперь в сухие зимы поблизости в горах можно встретить явившихся с запада львов.

Из Дутойтспана в Мусеманьяну *

Во время короткого отдыха на склоне одного плоскогорья наше внимание привлекла нависшая над ним темная туча. Моему слуге-проводнику, да и всем нам она показалась огромным скоплением саранчи. Но, когда мы достигли края плоскогорья, один из моих спутников, находившихся в фургоне, закричал, да так, что я вскочил со своего места: долина, через которую нам предстояло проехать, покрытая высокой сухой травой и кустарником, превратилась в огненное море, простиравшееся на 5—6 миль. Серая туча, которую мы заметили часом ранее, состояла из густых клубов дыма, гонимых ветром в направлении на восток-юго-восток.

Первым пришел в себя проводник-африканец, — он обратил наше внимание на следы фургона, замеченные им едва в двадцати шагах от нас. По его словам, они вели прямо через зону, охваченную огнем.

Мы приблизились к ней на расстояние шестисот шагов и убедились, что она тянется почти параллельно цепи холмов; местность в этом направлении была ровной. Слева от нас плато постепенно понижалось. Здесь находилась лощина шириной около трехсот шагов, к ней уже подбирался огонь.

Необходимо было действовать быстро, не мешкая. Нам нужно было уберечься от огня, но в то же время двигаться вперед, в надежде найти воду. Да и волю слишком устали,

* Э. Голуб отправился в это путешествие, которое он считал рекогносцировочным, 3 ноября 1874 года.

чтобы мы могли тут же взять направление на юг, в сторону реки Вааль. Восточное направление вообще исключалось из-за быстрого распространения пожара. Волы могли выдержать гонку с ним на протяжении мили, но никак не 10 или 15, а такой гонки нельзя было бы избежать, если бы мы решились отправиться на восток.

Оставалось только двигаться вперед. Да, вперед! Но как не стать при этом жертвами разбушевавшейся стихии? Выжечь вокруг траву и дожидаться приближения огня было нельзя, ибо помимо тысячи патронов в фургоне находилось 300 фунтов пороха; парусина, которой был обтянут фургон, да и дерево настолько нагрелись на солнце, что к ним едва можно было прикоснуться. Ветер нес горящие ветки и листья. От них мог воспламениться фургон, где были спирт и водка, но не было воды.

Мой взгляд остановился на холме слева от нас — нет ли возможности миновать опасный участок, проехав низиной? Пожар начинался шагах в трехстах от холма. Он приближался к нему, да и к нам тоже, но к холму несколько медленнее, так как ветер дул прямо на нас. Если бы фургон успел достигнуть холма, мы смогли бы объехать полосу огня (ширина ее составляла шагов сто).

За огненным морем простиралось выгоревшее черное пространство шириной в милю. Кое-где на нем еще виднелось пламя — это догорали остатки кустов. План, который я предложил спутникам, встретил единодушное одобрение. Понравился он и слуге-африканцу. По блеску его глаз я понял, что он-то уж постарается заставить волов бежать куда надо!

Только теперь, вскочив на коня, я смог окинуть взором пространство, которое нам предстояло проехать, вернее пролететь. У меня невольно вырвалось восклицание: полоса, отделявшая нас от холма (шагов тысяча), представляла собой крутой склон возвышенности и к тому же усеянный каменными глыбами. Что если при быстрой езде одно из колес сломается о камень? Однако у меня не оставалось времени на размышления. Мои товарищи заняли свои места, Боли* взмахнул бичом и, крикнув «Пошел!», дал сигнал к скачке — навстречу огню, чтобы спастись от него.

Крики, удары бичом и палками, а также устрашающее зрелище огненной тучи справа, к которой мы с каждым

* Африканец, спутник Голуба.

шагом приближались, заставили волов нестись вперед так, словно фургон был пустым. Иногда, когда одно из колес, наткнувшись на камень, высоко поднималось в воздух, мне казалось, что фургон уже лежит на боку. В следующее мгновение оба передних колеса наезжали на другой камень — и волы едва не падали от толчка. Жара становилась нестерпимой, так как мы все еще ехали против ветра. Кругом стоял оглушительный треск горящих сухих кустов и травы, воздух был наполнен густым дымом, повсюду носились охваченные огнем стебли травы, ветки, листья... Лошадь, на которой я ехал, была вовсе не из пугливых, но, видя, что делается справа от нее, перестала слушаться поводыря, и я едва справлялся с ней.

Тем не менее мы неслись вперед. Моя лошадь не раз спотыкалась о камни и задевала кусты, ибо мне, вместо того чтобы править, приходилось следить за парусиной, которой был обтянут фургон, и мгновенно сбрасывать падавшие на нее головешки. Одновременно я должен был показывать Питу * — «ведущему» и Боли — «направляющему», куда ехать, чтобы фургон мог избежать по крайней мере самых больших каменных глыб, которые я замечал с седла. Крики погонщиков волов (а волы неслись так, что с морд у них летели клочья пены), толчки о камни, скачка по жаре, усугублявшейся близостью пламени, вконец изнурили нас.

Почти все мы поранили лица и руки, много раз спотыкались и падали. Достигнув низины, мы были вынуждены несколько минут передохнуть.

Там мы обнаружили, что огонь отделяли от холма каких-нибудь тридцать шагов, дальше книзу он начал гаснуть. С этой стороны его распространению мешал овраг. Мою лошадь била такая дрожь, что она едва удерживалась на ногах. Волы тяжело дышали, опустив головы к земле, а самое трудное было еще впереди: нужно было в тридцати шагах от огня проехать около ста шагов вдоль охваченного им пространства и лишь после этого повернуть налево. Хотя расстояние было очень невелико, оно грозило нам большими опасностями, чем весь предыдущий отрезок пути.

Волы двинулись вперед, но, не пройдя и пяти шагов, ринулись, задыхаясь от дыма, к каменистому склону хол-

* Африканец, спутник Голуба.

ма — ни темного — и они перевернут фургон! В этот критический момент один из моих спутников, бежавший рядом с волами с моей стороны фургона, метнулся на другую сторону. С помощью остальных путешественников и погонщика-африканца ему удалось криками и ударами заставить животных спуститься на ровную местность. Бейте, орите. иначе мы погибнем, обратимся в дым! И вот мы несемся сквозь густой чад, на нас сыплется разносимый ветром пепел, падают горящие стебли травы, куски коры, раскаленные и охваченные пламенем ветки: могло показаться, что мы лишились даже чувства самосохранения. Только бы достигнуть места, где нас ждет спасение!

Еще сто, семьдесят, пятьдесят шагов... Жар настолько усилился, что я каждую секунду мог увидеть, как вспыхнет парусина.

Оставалось еще только двадцать шагов. Выдержат ли упряжные волы — они хрипят и спотыкаются в ярме! Наконец — слава тебе господи! — опасность миновала. Теперь слева от нас находился луг, не охваченный пламенем, справа — овраг глубиной 10 футов и шириной 12. За ним тянулся участок, покрытый выгоревшей травой. Я спрыгиваю на землю, быстро снимаю седло и направляюсь к моим спутникам, бросившимся на траву. Они не могут произнести ни слова. Багровые лица, руки, израненные в кровь от частых падений, глаза, чуть не вылезавшие из орбит от туги! Одежда на Пите, который с передними быками первым преодолевал препятствия, изодрана в клочья. На спине и груди, к счастью неглубокие, рваные раны, из них сочится кровь.

Из Мусеманьяны в Мошаненг

Африканец из племени баролонгов принес мне шкуру молодого льва и запросил за нее 3 фунта стерлингов золотом. Я предложил ему старый сюртук, но он настаивал на своей цене, утверждая, что уже однажды продал в Клипдрифте львиную шкуру за такие деньги. Я посоветовал ему взвалить шкуру на спину и идти с ней в Клипдрифт. Баролонг рассердился. Быть может, желая сделать меня более уступчивым, друг его рассказал мне, каким образом досталась продавцу львиная шкура.

— У этого человека,— сказал он, указывая на обиженного героя,— была всего одна корова. Кроме того, у него две жены и порядочное поле. Корова паслась в деревенском стаде, которое оберегал пастушонок. Однажды этот мальчик прибежал в слезах и сообщил, что корову задрал лев. Мой друг отправился на место, откуда можно было видеть льва и его жертву, и влез на дерево. Он действительно заметил труп коровы, но льва поблизости не было. Тогда мой «брат» приблизился к трупу и вместе с пастушонком взобрался на дерево, чтобы застрелить хищника. На этом дереве моему бедному другу пришлось просидеть до следующего утра. Под вечер он хотел спуститься, ибо дерево было колючим, да и тело его затекло, но тут он подумал о львах — они ведь выходят из зарослей как раз по вечерам — и остался на дереве с мальчиком, который ревмя ревел, потому что от стояния на тонком суку у него разболелись ноги.

Ночью пришли львы, да-да! (тут рассказчик ударил себя в грудь), не лев, а львы (он начал считать на пальцах) — целых восемь львов, да, *макоа* (белый), восемь львов!

Он обвел нас глазами и повторил:

— Восемь львов!

При этом он немного наклонился вперед и, держа руки перед собой, старался жестами изобразить цифру 8. Убедившись, что все мы поняли, о скольких львах идет речь, он продолжил рассказ:

— Мой друг, сидевший с мальчиком на дереве, не хотел стрелять, пока не рассветет. Когда же стало светло, он пальнул в зверя, шкура которого лежит здесь: лев подошел к дереву, чтобы потереться головой о ствол. При этом друг уцепился ногами за сук, а мальчику, который при выстреле мог со страху упасть на землю, велел держаться также и руками. Бум! (тут рассказчик прищелкнул пальцами, воспроизводя звук выстрела) — и лев мертв как дохлая мышь (он изобразил падение). Остальные львы стали громко рычать, раскрыв пасти. Мальчик испугался и опять заплакал. Когда солнце взошло, львы убежали, обглодав корову. Мой друг спрыгнул вниз, снял с убитого льва шкуру, принес домой и теперь должен получить за нее 3 фунта стерлингов, потому что львы задрали его единственную корову, да так, что не оставили ему и шкуры. К тому же «мой брат» уже получил один раз в Клипдриф-

те три фунта стерлингов за шкуру льва, который не убивал коровы.

— А почему твой «брат» не застрелил всех львов?

Рассказчик повернулся к своему хмурому спутнику, стоявшему в стороне, и тот ответил на языке бечуанов с искажившимся от гнева лицом, потому что вопрос задел его:

— Разве не сказал пастух, придя ко мне: «Ра (отец, господин), лев задрал твою корову»? Я и взял с собой одну пулю.

С этими словами он забрал шкуру и был таков.

Пришедший вскоре вождь по имени Шебор подтвердил, что в зарослях и на возвышенностях, прилегающих к трем рекам — Конана, Сетлаголи и Марецане, водятся «дурные» (злые) львы. Они растерзали несколько человек из его племени, а также множество быков. Он посоветовал нам соблюдать осторожность, когда мы будем проезжать по этим возвышенностям, так как покрывающая их густая растительность — излюбленное убежище хищников. И тут же рассказал печальный эпизод, случившийся в междуречье. Впоследствии я услышал о нем в Линокане (поселок бахурутсе).

Через эту местность по пути в район алмазных разработок проходила группа африканцев* из окрестностей Марабы. Нередко на всем долгом пути из родных мест (область макалака** отстоит, например, почти на тысячу миль от этого района) африканцы, вооруженные одними ассегаями, питаются лишь кореньями да плодами, иногда добавляя мясо мелких животных. Люди эти являют собой зрелище, которое не может не взволновать даже самого жестокосердного путешественника. Исхудалые, похожие на скелеты, они с трудом бредут вперед и борются с голодом, ту же подтягивая пояса под куском шкуры, составляющей все их одеяние.

Африканцы из Марабы вышли к реке Сетлаголи. Как обычно, они двигались гуськом по тропе, проложенной местными жителями. Вожаком был самый сильный и упорный, остальные старались не отставать от него, и только

* Речь идет о коренных жителях, вынужденных наниматься на работу к колонистам.

** Современное название — калака или каранга. Группа племен, объединенных названием машона (междуречье Замбези — Лимпопо).

те, кто послабее, предоставленные самим себе, плелись далеко позади.

В группе было двое братьев, один из которых уже целую неделю шел последним. Выйдя на берег Сетлаголи, люди решили отдохнуть и поужинать поджаренными на углях клубнями. Поблизости от реки росло множество клубней, и африканцы решили здесь заночевать. Однако вскоре они заметили, что место одного из них в круге у костра пусто; люди стали переглядываться, потом один — родной брат отсутствующего — встал, схватил асегай и направился на поиски. Остальные подсели ближе к огню, замкнули круг, съели свой скромный ужин и, разведя несколько костров, улеглись спать между ними и кустарником.

Тащившийся в хвосте больной, мучимый голодом бечуан, у которого к тому же были изранены ноги, часто останавливался передохнуть. Незаметно он сбился с пути и пошел по тропе, которая привела его в каменистую, заросшую деревьями и густыми кустами долину. Местные жители называли ее львиным логовом. Африканец расположился на отдых под цветущей тенистой мимозой. Здесь его настиг и растерзал лев, кравшийся за ним и его друзьями.

Между тем брат несчастного пошел по тропе назад, а затем побежал по траве, чтобы лучше рассмотреть на ней следы ног. Он нашел ложную тропу, на которую перешел больной. Вскоре он заметил на песке и львиные следы. Вместо того чтобы вернуться назад за помощью, он поспешил вперед — ведь у него асегай! Но что мог сделать ослабленный голодом человек с таким оружием в руке при встрече со львом, уже вкусившим человеческого мяса и крови? Итак, африканец дошел до места, где брат его, не оказав никакого сопротивления, был убит львом. Палка погибшего лежала на земле. Африканец огляделся, сделал несколько шагов и заметил соломенную шляпу и калебасу*. Он бросился к ним, обогнув дерево, и увидел обглоданный труп. Тишину вечера нарушил громкий крик. Между тем лев уже давно заметил нового пришельца, залег в кустарник и в тот самый момент, когда африканец упал на истерзанный труп брата, набросился на свою вторую жертву.

* Сосуд из тыквы.

На следующее утро, когда африканцы проснулись и собрались в путь, они хватились обоих братьев. Не ожидая ничего хорошего, несколько человек побежали в расположенное на другом берегу селение баролонгов и стали просить помощи. С ними отправились охотники с ружьями. Все двинулись по тропе, нашли львиный след, частично стертый отпечатками ног второго брата, и наконец оба трупа. Преследователи установили, что хищник удалился незадолго до их прихода, вероятно испугавшись поднятого ими шума. Тогда они пошли по следу вдоль берега реки. Шагов через пятьсот некоторым из них показалось, что в кустарнике что-то желтеет. Они позвали остальных. Те не поверили, что перед ними лев, но тем не менее все стрелки прицелились и дали залп по желтому пятну. Каково же было их удивление, когда они обнаружили в кустарнике льва, пронзенного шестью пулями!

Утром второго декабря мы достигли деревни, стоящей на южном берегу Молопо и являющейся частью Молема-тауна (то есть города * Молемы, брата царя ** Монтсуа). Многочисленные фургоны свидетельствовали о росте благосостояния жителей, которое, в частности, объясняется тем, что царь Монтсуа запретил в своих владениях продажу водки, а Молема, местный вождь и правитель, следил за соблюдением запрета.

Мне также очень понравилось, что Молема не разрешал рубить деревья в пределах города. Не успели мы стать лагерем, как появился местный житель, заменявший полицейского. От имени фельдкорнета (шерифа, начальника службы безопасности) он указал нам пастбище для волов и в то же время сообщил, что деревья нельзя трогать.

Я как раз собрался навестить преподобного Уэбба, когда из миссионерского домика вышел невысокого роста мужчина с белокурой бородой и направился в мою сторону. Это был тот, кого я хотел видеть. Вскоре мы углубились в беседу о городе Молемы и пограничном вопросе. Он сообщил мне, что властитель этой области Монтсуа живет в Мошаненге у своего царственного друга — повелителя бангвакетсе Хащициве. Монтсуа намеревался обосноваться в Пулфонтейне, однако трансваальские власти — очевидно с целью опередить независимого правителя баролонгов —

* Городом автор называет большое селение.

** Царями автор называет верховных вождей.

переселили туда часть этого племени, находящуюся у них в подчинении. Монтсуа очень возмущен и собирается построить себе другую резиденцию.

Господин Уэбб отправился к вождю Молеме, чтобы сообщить о моем приезде. Домой он вернулся вместе со старым вождем, страдавшим от астмы. Вождь сердечно меня приветствовал и сообщил, что кроме *нака* (доктора) Ливингстона у него еще не бывал ни один врач. Мое прибытие явно его обрадовало, он надеялся, что я приготовлю *молемо* (лекарство), которое избавит его от мучительного кашля и позволит дышать свободно. Он тут же попросил меня посетить его завтра и задержаться на несколько дней, а в качестве гонорара обещал жирную овцу.

В тот же день я предпринял экскурсию вверх по долине. Женщины, работавшие на полях, выглядели значительно опрятнее батлапингов. В дальнейшем я имел возможность убедиться, что местные жители — северные баролонги — стоят на более высокой ступени развития, нежели племена батлапингов.

Я занялся приготовлением лекарств, в частности порошков для миссис Уэбб и вождя. Африканцы наблюдали за мной с величайшим любопытством и удивлением.

Один из них сел к огню рядом с Питом и, понизив голос, спросил, что я делаю. Пит ответил, что я готовлю лекарство. Африканец тут же смешался с толпой и распространил весть, что я *нака* и готовлю *молемо*. На лицах всех присутствующих, даже детей, отразилось изумление. Они перебрасывались словами «*нака*» и «*молемо*», и по движениям их губ можно было заметить, как они повторяли эти слова. В результате мой авторитет значительно возрос, и кругом воцарилась такая тишина, что можно было слышать каждое слово слуг, сидевших в стороне у огня. За всеми моими движениями, даже самыми незначительными, следили с величайшим интересом. Но самое большое впечатление произвели отвешивание составных частей лекарства и упаковка порошков в бумажки.

Закончив работу, я спросил, не возьмется ли кто-нибудь отнести *молемо* к вождю. Все мужчины и мальчики принялись наперебой кричать, некоторые протягивали мне одну или даже обе руки. Каждому хотелось удостоиться чести отнести любимому вождю лекарство белого *наки*. При таком большом выборе я решил быть привередливым и вызвал из толпы самого старого — согбенного седого челове-

ва, который буквально глазам своим не поверил, когда я передал ему пакетик с порошками. Он не захотел к нему прикоснуться и попросил меня привязать пакетик к его палке, которую он решил нести перед собой. Это, однако, оказалось ему не под силу, поэтому я взял у мальчика, стоявшего в толпе, бич, привязал к нему пакетик и велел юнцу сопровождать старика. Такое решение всем понравилось, отовсюду послышалось: «*Монати, монати!*» («Хорошо, хорошо!»).

На следующий день я снова навестил вождя. Молема принял меня во дворике, представил жене и сыновьям. Затем он велел принести по деревянному стулу для меня и господина Уэбба и попросил рассказать о последних событиях в Капской колонии и районе алмазных разработок. Он осведомился также о действиях английской администрации на юге, пожаловался на бесчинства буров на востоке и наконец спросил, англичанин я или бур. Ответ господина Уэбба, сказавшего, что я чех, остался для него непонятным. Узнав затем мое имя, он велел сидевшим во дворе старым баролонгам повторять так странно для него звучавшие слова, пока он их не запомнил. На прощание мне пришлось обещать вождю вновь побывать у него при следующем посещении области баролонгов. Господин Уэбб вручил мне два письма — одно торговцу Мартину, жившему в Мошаненге, другое — на имя царя Монтсуа, которое Мартин должен был прочесть адресату...

Мы остановились в часе пути от Мошаненга. И вскоре удостоились самого почетного визита, какой только возможен в области бангвакетсе. К нам подкатил крытый двухколесный экипаж, запряженный четверкой лошадей. Стефан* придержал лошадей, и из экипажа вышло четверо африканцев.

Первым появился молодой человек лет двадцати пяти — двадцати восьми, отрекомендовавшийся Мобили — сыном одного из вождей басуто. Ф. знал его еще по Кимберли. Благодаря английскому воспитанию и хорошему знанию английского языка молодой человек служил там в суде переводчиком. Он слыл любителем легкой жизни. В настоящее время он объезжал вождей бечуанов и за несколько дней до нашего приезда вернулся от царя племени баквеннов.

* Африканец, спутник Голуба.

Обменявшись рукопожатием с господином Ф., Мобили представил нам остальных африканцев.

— Это два выдающихся царя бечуанов — Монтсуа, повелитель богатого и могущественного племени баролонгов, и Хацициве, царь бангвакетсе; с ними главный советник, или вице-канцлер, государства бангвакетсе, — сказал он.

Монтсуа — полный мужчина лет пятидесяти, с улыбающимся, добродушным лицом, сразу же внушил мне доверие. Высокий и худой Хацициве, а также его вице-канцлер показали, что умеют менять в зависимости от обстановки выражение своих морщинистых лиц. Все они были одеты по-европейски. Хацициве щеголял в длиннополном пальто и в цилиндре.

Во время оживленной беседы африканцы старались разузнать о нас как можно больше (переводили Мобили и Пит). Монтсуа сказал, что приветствует меня вдали от своего города. В данный момент он находится не в своих владениях, а на земле своего друга Хацициве. Он давно уже покинул берега Молопо, где его теснили буры. Ему надоели их проделки, и теперь он собирается уехать и из Мошаненга, чтобы построить себе город или в районе Пулфонтейна, или на реке Лотлакане. Он будет рад принять меня там.

Затем меня спросили о цели моего путешествия. В ответ я показал несколько чучел птиц, которые вызвали изумление. Мобили перевел царю мои объяснения по поводу изготовления чучел, но тот ничего не понял и все качал головой. Когда же я попросил царя соблюдать осторожность, так как в коже чучела содержится яд («Плохое, — перевел Мобили, — дурное лекарство»), престарелый царь слегка вскрикнул и выпустил чучело из рук: бечуаны ничего так не боятся, как искусственного яда; всякое лекарство, которое не помогло больному, ухудшило его состояние или не предотвратило смерть, считается у них ядом. Монтсуа и его спутники осмотрели свои руки и, засучив рукава сюртуков, принялись тереть пальцы песком. Я велел принести воды и мыла и предложил Монтсуа полотенце, которым он воспользовался со все еще озабоченным лицом. Царь успокоился только тогда, когда через посредство Мобили я разъяснил ему, что этот яд не действует на кожу человека.

Еще большее удивление вызвали мои банки со змеями,

шнурками, лягушками и пауками. На этот раз от шумных погласов не удержался даже Мобили, несмотря на его манеры ученого. Все четыре посетителя отпрянули назад, а Монтсуа выставил перед собой палицу и ни за что не хотел подойти поближе. Он с удивлением посматривал то на меня, то на банки и успокоился только тогда, когда удостоверился, что змеи «спят в пиве белых» и не могут поползти.

Между тем приготовили кофе и по кругу пошла стаканы. Тут Мобили спросил, нет ли у меня другого угощения для «высоких господ». Я ответил отрицательно, пояснив, что не знал, чем именно их потчевать. Тогда Мобили встал, подошел ко мне и попросил отослать Пита и Стефана за водой: он хочет мне кое-что сказать, но не желает чтобы его слышали слуги. Я подчинился, и тайна раскрылась: гостям следовало поднести по глотку бренди. Монтсуа сказал, что он не разрешает угощать своих подданных бренди и сам пьет его не чаще одного-двух раз в год, да и то не больше полустакана. Я разлил бренди, Монтсуа отпил с пол-ложки и тут же схватился за воду. Хацициве проглотил ложки две, но при этом его и без того длинная физиономия вытянулась настолько, что даже Монтсуа расхотелся вместе с нами. Хацициве не допил с пол-ложки и передал свой стакан вице-канцлеру. Последний быстро осушил его. Мобили опрокинул в себя полстакана, не моргнув глазом.

Пожав всем нам руки и удостоив кивком даже слуг, высокие гости, владельцы территории в сотни квадратных миль, сели в экипаж. Мобили взял в руки поводья. В этот момент на его левое плечо легла рука Монтсуа, правой он поманил меня. В два прыжка я очутился подле экипажа, и переводчик спросил меня от имени царя, где *румела* (рекомендательное письмо) миссионера Узбба. Я вынул письма и попросил царя передать одно Мартину. Вместе с тем я не смог скрыть удивления по поводу того, что при мошаненгском дворе уже знали о письмах.

— Да,— сказал Монтсуа,— я услышал о них еще три дня назад. Однажды, когда вы спали, мимо вас прошли двое баролонгов из Молематауна. Они доставили мне весть о посещении вами этого города, доложили, что вы там делали, с какой целью путешествуете, рассказали о письмах и о хорошем действии твоего молемо на брата Молема.

Из Мошаненга в Молепололе

Одним из первых к фургону пришел старый колдун, который, услышав от Монтсуа, что я нака, явился приветствовать меня как коллегу. Старику очень понравилась моя обезьянка, и он несколько раз просил продать животное, нужное ему для *пала-яна* (колдовства). Ему показалось очень странным, что я хоть и нака, а в колдовство не верю. Вскоре явился и Монтсуа с несколькими придворными. Слуга нес за ним стул, на который его королевское высочество * соизволил усесться. Он рассказал мне про стопятилетнего вождя манупи и про то, как матабеле отметили похороны Моселекатсе **.

В Мошаненге произошло то, чего я боялся на протяжении всего путешествия: заболели четыре моих вола. Благодаря лекарству, полученному от Мартина, трех мне удалось спасти, но рассчитывать на них в ближайшее время не приходилось. Необходимо было срочно найти замену. К счастью, это удалось мне скорее, чем я предполагал.

На следующий день меня призвал к себе Монтсуа и попросил оказать помощь не только ему, но и трем его женам: одна из них находилась, по его словам, при смерти. Мои лекарства совершили чудо, и уже через несколько дней все пациенты почувствовали себя гораздо лучше. В результате ко мне отовсюду потянулись больные. Среди них были брат царя, вождь Хацициве, проповедник-баролонг Ян Лешумо, его жена с сыном. Множество других африканцев, особенно женщин с грудными младенцами, теснилось вокруг моей импровизированной приемной под открытым небом. Благодаря моим врачевным успехам я смог выехать из Мошаненга с новой упряжкой.

Молема прислал с двумя гонцами весть о том, что ему стало лучше. Это известие не только послужило мне рекомендацией, но и завоевало доверие жителей Мошаненга.

Монтсуа проявил свою признательность, уплатив за лекарства один фунт стерлингов и подарив четыре белых и четыре черных страусовых пера редкой красоты для моей жены. Он с недоверием отнесся к сообщению, что я еще не женат, и посоветовал сохранить перья для будущей супру-

* Так у автора.

** Первый верховный вождь народа матабеле (умер в 1868 году).

ги. Благосклонность царя помогла мне приобрести пять волов — он обменял их на мое ружье системы «снайдер». Мартин и торговец Т. купили для меня еще пять, так что к концу пребывания в Мошаненге я располагал уже упряжкой из четырнадцати животных и мог с легким сердцем снова пуститься в путь.

Я уже назначил день отъезда, но Монтсуа не отпустил меня. Надо было осмотреть еще одного его подданного, зажиточного человека. Я согласился, и меня тут же проводили к больному. Это дало мне возможность познакомиться с бытом бечуанов.

Во дворе, имевшем в поперечнике около сорока шагов, стояли три обычные хижины бечуанов. Не успел я оглядеться и рассмотреть огромные корзины из травы, служащие для хранения сорго, как из домика вышел слуга и со словами «Бапила, сэр» («Подожди, сэр») предложил мне примитивный стульчик. Затем он побежал в другую хижину и вернулся в сопровождении двух женщин — молодой и старой. Последняя велела детям, находившимся во дворе, не шуметь.

Женщины вынесли из дома бычью шкуру и с помощью моего проводника вывели больного, который не хотел, чтобы белый доктор затруднялся и входил внутрь его жилища. Я увидел перед собой еще молодого человека, который глядел на меня с любопытством и в то же время немного испуганно. Он, видимо, давно уже страдал спондилезом*. На шее у него я увидел сплетенный из травы шнурок, на котором на расстоянии 1,5—2 дюймов были насажены зазубренные черные кусочки дерева. Нечто подобное виднелось и на икрах. То были амулеты, которые дали колдуны, взявшиеся его лечить.

Так же испуганно, как больной, смотрели на меня обе женщины — его жена и мать. Я нашел стопу его в очень плохом состоянии, на пяточных костях имелись признаки кариозного перерождения. Когда я ввел в рану зонд, жена закрыла больному глаза ладонью правой руки, и я заметил, что на его лбу и висках выступила обильная испарина.

Закончив осмотр, я высказал надежду, что к следующему моему приезду в Мошаненг больной будет чувствовать себя лучше. Он не говорил по-голландски и обратил вопрошающий взор на приведшего меня африканца. Пос-

* Заболевание костей, связанное с нарушением солевого обмена.

ледный сразу же перевел мои заверения, на что ему понадобилось в три раза больше слов. Затем я дал больному советы — переводчик снова разразился каскадом слов — большей частью образных выражений, сопровождавшихся жестами, — а когда мой проводник стал объяснять, что в рану надо впрыскивать теплую воду, а также лекарственный раствор, мне стоило большого труда не расхохотаться. Я принес с собой маленький стеклянный шприц, и все, разинув рот, смотрели, как он действует. Каждый из присутствовавших с изумлением подержал его в руке.

Мои слушатели не сразу усвоили принцип действия шприца, но еще труднее им было постигнуть, как удалять из раны поврежденные частички кости. Однако удалось объяснить им и это. Дошло до слушателей и то, что необходимо ежедневно несколько раз промывать рану, а также давать больному одно лекарство три раза в день, а другое (порошок) — два. Тут пришлось достать деревянную ложку, налить в нее воды, затем имитировать с помощью муки насыпку порошка. После этого проводник проглотил смесь, чтобы все присутствующие поняли мои слова, а сам больной проникся к ним доверием.

Когда я закончил объяснения, больной захотел пожать мне руку. Провожаемый добрыми напутствиями, я покинул двор и пошел готовить лекарства, а проводник поспешил к царю, чтобы во всех подробностях описать ему сцену, свидетелем которой он был, рассказать, что я делал, что говорил и т. д.

Монтсуа предложил мне поселиться в Мошаненге и заверил, что я не смогу жаловаться на недостаток больных: ко мне будут приходить жители Канье, Молематауна, Манупи и платить за молемо страусовыми перьями, шкурами, волами, козами. Как ни любезно было это приглашение, я вынужден был отклонить его, ибо ставил перед собой иные задачи.

Наутро я приготовился к отъезду. Провожать меня пришла вся знать Мошаненга. Монтсуа и Мартин принесли еще по красивому белому перу, и мне пришлось не раз пожимать царю руку. На прощание в знак благоволения Монтсуа предоставил мне проводника до Молепололе, где живет царь племени баквена. Хотя проводник показался мне невыносимым, я взял его с собой.

Пребывание в Мошаненге закончилось эпизодом, который заставил нас хохотать до упаду. Новый проводник от-

вел в сторону друга Боли и спросил, не позволит ли баас (господин), чтобы с нами путешествовали его жена и племянница. Боли отказал, и тогда африканец обратился с той же просьбой ко мне. На вопрос, зачем ему это нужно, он ответил, указав на Б., что *макоа тата, тата* (очень, очень) понравился его жене и племяннице и потому они хотят ехать с нами.

Сначала мы направились на северо-запад, потом на север. На нашем пути лежало плоскогорье, уступающее по красоте только горной области в стране Макалака.

Это обширное плоскогорье пользуется дурной славой из-за бесчинствующих на нем больших стай опаснейших хищников Южной Африки. Хищник этот — самый грозный враг домашнего скота. Меня предостерегали от него и господин Мартин и сам царь Монтсуа.

— Не оставляй волов на пастбище ночью и даже днем не теряй из виду, иначе лишь немногие из них достигнут Молепололе, — говорил он.

Речь идет о животном, известном в Южной Африке под наименованием дикой собаки. Оно принадлежит к числу тех созданий, которые наделены неутолимой страстью к уничтожению и невероятной прожорливостью. Величиной с молодого волка, только более поджарый, этот зверь, охотясь в стае, представляет собой опасность даже для крупных млекопитающих. Еще более опасен он для мелких животных (коз, овец). Убив одно, он тут же кидается на второе, третье и потому может принести огромный ущерб неохраняемым стадам. Особенно распространены дикие собаки на землях африканских правителей в Трансваале, а также в пограничных областях.

Этот хищник обитает в подземных пещерах. Охотится он иногда довольно далеко от них, но весной неизменно возвращается к месту постоянного жительства.

Высоко подняв хвост, он старается учуять добычу. Если это не удастся, стая разбегается, но далеко друг от друга хищники не уходят. Они бегут по траве, опустив морды к земле. Обнаружив свежие следы диких или домашних животных (кроме лошадей: их копыта опасны для дикой собаки, да и бегают они быстрее), хищники снова соединяются в стаю. С воем и лаем бросаются они вперед, невзирая на препятствия — кусты, камни, термитники. Обманутые их небольшой величиной, более крупные животные — волы, антилопы — часто подпускают к себе хищников и неизбеж-

но гибнут. Случается, что они обращаются в бегство только после нападения стаи. В то время как вол старается рогами отбиться от двух-трех диких собак, три-четыре других впиваются ему в ляжки и столько же — в брюхо. В конце концов он отказывается от дальнейшего сопротивления и обращается в бегство. Иногда волу удается спастись, хотя он возвращается в стадо с зияющими ранами на боках. Но если вол споткнется, если дикие собаки вопьются ему в горло или в ноздри, если они перекусят коленные суставы, если, наконец, через раны в брюхе вывалятся внутренности, вол обречен на мучительную гибель.

Из Молепололе в Шошонг

Еще сорок лет назад, когда племя баквена уже отделилось от банквакетсе и переселилось на север, оно жило богато, главным образом благодаря охоте и животноводству. Более слабая часть племени откочевала к озеру Нгами, где сильно страдала от лихорадки. Остальные же акклиматизировались, взяли верх над окружающими племенами и полностью слились с ними. Богатство племени составляли бесчисленные стада, пасшиеся на Нотвани, западном берегу Марико и ее западных притоках.

В 1842 году молодого вождя баквена по имени Сечеле в первый раз посетил Ливингстон и преподал ему основы рационального земледелия, хотя и в простейшей его форме. После этого Сечеле поселился на речке Колобенг в 20 милях от прежнего места жительства. Так возникла его первая собственная резиденция.

Земледелие явилось для баквена настоящим благословением. Несмотря на периоды засухи, племя настолько усилилось, что голландцы сочли его слишком могущественным. То, как они обошлись с Манкуараном, Монтсуа и Хацициве, показывает, что они стремились раздвинуть границы своих владений на запад и решили «сократить» баквена. Они обвинили это племя в краже скота с ферм и потребовали возмездия. В 1852 году буры перешли к насилию и произволу. Они напали на селение Колобенг и сожгли его, захватили скот, увели многочисленных пленных. После разрушения Колобенга возникло селение Литеяне, а позднее Молепололе.

Покинув котловину, в которой лежит Молепололе, мы направились по долине на север.

Утро 1 января 1874 года выдалось пасмурное. Второго, после полудня, я взял двустволку с двенадцатью патронами и отправился на запад, чтобы добыть дичи к столу. Шагах в семистах от фургона я заметил гну, а пройдя еще тысячу, обнаружил следы жирафа, пересекавших тропу в северном направлении. Я изменил курс и двинулся за жирафами. Очевидно, до меня тут побывало не менее двадцати животных.

Примерно через час следы разделились. Я пошел по более многочисленным, которые вели на северо-запад. Трава, хотя и невысокая, становилась все более густой, а следы — все менее отчетливыми. Тем не менее по нескольким сломанным сучкам я определил, что животные паслись здесь еще несколько часов назад. После этого я перестал следить за направлением и, пройдя еще 3 мили, совершенно сбился с пути.

Я чувствовал себя очень вялым и утомленным, сильно хотелось пить. Но хуже всего было то, что от палящего солнца в голове у меня стоял гул, как на мельнице, а в висках ломило. Возвращаясь в таком состоянии, я, сам того не замечая, два раза сделал крюк и оказался не более чем в 5 милях от фургона. Однако из-за растерянности и сильной головной боли я избрал направление, уводившее меня от фургона, и пошел настолько быстро, насколько позволяла усталость. До сих пор не могу понять, почему, сойдя со следа жирафа и направившись, как мне казалось, к фургону, я даже не взглянул на солнце. Сделал это я только тогда, когда оно стало клониться к западу и длинные тени деревьев возвестили о конце дня.

Тут я повернул на юго-восток, потом на восток, чтобы выйти на дорогу, ведущую из Молепололе в Шошонг. Однако к этому времени усталость достигла предела, и я едва мог пройти двадцать шагов, чтобы не присесть и не передохнуть. Жажда мучила меня ужасно. В надежде, что я, быть может, нахожусь ближе к фургону, чем предполагаю, а также чтобы привлечь внимание охотников из племени масарва*, если они недалеко, я дал восемь выстрелов с величайшим вниманием прислушался. Однако ничто не нарушало тишину.

* Бушменов.

Я с большим трудом взобрался на колючее дерево и, не обращая внимания на раны, которые оно мне причинило, выстрелил с его верхушки еще два раза. Я рассчитывал, что меня могут увидеть, но в какую бы сторону я ни обращал помутневший взор, в кустарнике не замечалось никакого движения, нигде не было видно ничего, что могло бы подать надежду. Меня охватил страх. Я не мог рисковать двумя последними патронами. От усталости и недомогания ружье стало казаться мне таким тяжелым, что я едва его не бросил. Что делать? Кричать? Да, кричать. Я не понимал, что это бесполезно и только привлечет диких зверей. Взобравшись на термитник, я закричал во всю мочь, но вскоре до такой степени измучился, что был вынужден уцепиться за термитник, чтобы не упасть.

С трудом спустившись, я положил ружье на землю, сам улегся рядом и, словно потеряв рассудок от палящих лучей солнца и полного изнеможения, громко захохотал. Мне показалось бессмысленным искать спасения в дебрях, где ни вблизи, ни вдалеке не было ни души. Нервный смех вызвал сильнейший приступ кашля, который привел меня в чувство.

Опасаясь потерять сознание от мучительной жажды, я стал искать листья, содержащие влагу, чтобы охладить пылающие губы. Но одни листья высохли, другие были покрыты пушком. Я сорвал несколько листьев с неизвестного мне куста и прижал ко рту, однако по иронии судьбы они оказались горькими как желчь. Еще несколько шагов — и я уронил ружье, но тут же осознал, что принес в жертву свое единственное средство защиты, своего лучшего друга; напрягая свои последние силы, я дотащился до места, где бросил ружье, из которого еще можно было выстрелить дважды, и поднял его. Чем стал бы я без ружья в этой чаще — беззащитной жертвой гиен?!

Я надеялся еще, что мне удастся разжечь небольшой костер, использовав порох патрона, и под защитой костра провести ночь. Однако и эта надежда обманула меня: сухие ветки, что я собрал, не занялись. Тут я впал в полное отчаяние, словно в бреду у меня рождались самые дикие идеи. С уст моих срывались проклятия, и я машинально хватался за ружье.

Силы покидали меня. Я еще помню только, что упал на колени. В этот момент рядом со мной на землю опустился какой-то черный человек, подполз и обнял меня. Я был спа-

сен спасен африканцем-масарва. Он шел в поселок, который мы вчера проехали, звать товарищей на помощь, ибо рано утром застрелил далеко отсюда антилопу гну.

Живительный напиток не придал бы мне больше сил, чем эта встреча. Африканец приподнял меня и, когда я полнес ко рту пальцы, показывая, что хочу пить, вытащил из кожаного мешка у себя за спиной пригоршню ягод и положил мне в руку. Проглотив ягоды и насладившись их сладким соком, я почувствовал себя помолодевшим. После этого я несколько раз произнес слово *колой* (фургон). Такого слова нет в языке бечуанов, но оно получило права гражданства у этого народа, а также у его вассалов* — макалака и других племен. Мой спаситель улыбнулся и показал на юго-восток. «*Пата-пата*», — сказал он. Это исковерканное голландское слово обозначает у местных племен дорогу, проходимую для фургона. Я кивнул головой в знак того, что понял его, и, поднявшись с земли, попытался двинуться в путь. Африканец взял мое ружье и перекинул его с тремя ассегаями через левое плечо, правое же — он был ростом ниже меня — подставил, чтобы я на него опирался. Собрав остатки сил, я начал продвигаться вперед, хотя и очень медленно, с остановками.

Когда солнце скрылось за горизонтом, мы достигли проезжей дороги. На востоке небо окрасилось в темный цвет, там засверкали молнии, до нас донесся гром. Стало прохладнее, и хотя все еще было тепло, я задрожал от дуновения ветерка, который прилетел с северо-востока и пошевелил кроны деревьев.

Я обливался потом, и моя рубашка (куртку я оставил в фургоне) пристала к телу. После получаса ходьбы я хотел присесть, но спутник мой этого не допустил. Вскоре он сошел с дороги в кусты и направился налево. Я не хотел идти за ним, так как фургон находился в противоположном направлении, но африканец показал на рот и сделал глотательное движение.

— Вода? — спросил я.

— Да, да! — кивнул он головой и ослабился.

Я повиновался.

Недалеко от дороги местные жители выкопали в песке небольшой колодезь. Вода в нем оказалась плохая, но мне она доставила блаженство. Не более часа назад здесь по-

* Бечуаны подчинили себе каланга и ряд других племен.

бывали гну и уголяли жажду этой же влагой. Едва я, напившись, поднялся, как масарва сделал мне знак следовать за ним. Он показал на тучу, шедшую с востока. Когда мы вернулись на дорогу, стало совсем темно и почти сразу же началась гроза. На нас низверглись потоки дождя. Большие капли, падавшие на тело, рождали во мне неприятное чувство усталости и бессилия.

Опираясь на плечо своего спасителя, я кое-как ковылял вперед, местами по колени в воде. Наконец послышался лай собак. Едва заметив нас, Э. и Б. бросились ко мне из фургона и стали бранить за то, что своим отсутствием я причинил им такое беспокойство. Они, видимо, и не подозревали, что со мной произошло.

Оказавшись внутри фургона, я просто ожил. Прежде всего попросил товарищей накормить масарва и уложить его спать с Питом у костра. Обильный ужин и продолжительный отдых настолько восстановили мои силы, что уже на следующее утро я мог ходить без посторонней помощи.

Обратно в район алмазных россыпей

Я хотел бы рассказать о нравах и обычаях бечуанов. Рядовой бечуан-язычник, как правило, имеет одну жену, зажиточный — две, старейшины — от трех до шести, цари — еще больше, однако не так много, как марутсе. Богатый муж дарит новой жене несколько голов скота.

Придя в город, бечуан убирает с тропы камни и либо забрасывает их в густой кустарник, либо укладывает на развилки ветвей. Он верит, что это принесет ему удачу.

Шкура, рога и мясо жертвенных животных — антилоп дукер у бамангвато, крокодилов у баквена и т. д. — неприкосновенны. Сова, сидящая на хижине, считается вестницей беды, и место, где она сидела, подвергается обряду очищения.

Если животные совершают странные с точки зрения бечуанов поступки, их считают опасными, приносящими несчастья, и убивают или подвергают тому же обряду. Так, например, если коза вскочит на крышу, ее пронзают ассегаем. Если в краале* корова или иное животное долго бьет

* В данном случае крааль — загон для скота.

по земле хвостом, то это уже больше не обыкновенная корова, а *тиба*, приносящая владельцу несчастье — убытки, болезнь или даже смерть. Богатый тотчас же убивает такое животное, а бедный продает белому или соседнему племени. Это единственный случай, когда бечуан расстается с молочной коровой.

Женщинам не разрешается прикасаться к рогатому скоту. Уход за ним — дело мужчин: мальчиков, взрослых, стариков. Они же пасут стадо, в то время как у готтентотов этим могут заниматься и женщины.

Форма правления у бечуанов в известной мере конституционная. Все важные мероприятия и решения должны обсуждаться на *пишо* (сходе). Однако, как правило, все решения принимаются втайне заранее, особенно там, где царь пользуется влиянием на вождей и умеет привлечь их на свою сторону.

Как и у других племен банту, царь (*морена* или *коши*) руководит всеми официальными церемониями. Ниже царя на иерархической лестнице стоят старейшины племени, а также изгнанники, ищущие его покровительства, и вожди других племен бечуанов, получившие разрешение поселиться в его владениях. Вожди и старейшины живут в своих селениях, находящихся иногда на значительном расстоянии друг от друга, иногда же совсем рядом. Все они представляют собой часть резиденции царя. В каждом селении, поблизости от двора старейшины, столбами огорожена небольшая круглая площадь — *котла*. Там обсуждаются все важные вопросы. Если царь созывает народ и старейшин, его гонец оставляет на каждой котле по ветке.

Для решения вопроса о войне за околицей, где не так легко подслушать речи, как на котле, собирается сход, *лечуло*. Так же называются облавы на зверей, которые устраивают колдуны, призывая дождь. На сход жители поселков являются во главе со своими старейшинами. Говорят очень много, в том числе и о мелочах, причем для лавины речей нет никакой преграды.

Сход, исполняющий функции суда, как правило, учитывает, пользуется ли обвиняемый благосклонностью при дворе. Если пользуется, то нередко он не несет наказания даже за убийство.

В случае кражи царский гонец расхаживает по городу и возвещает о том, какое наказание грозит вору. Обычно этого достаточно для того, чтобы под покровом ночи виновный

положил украденное на видное место. Нередко, однако, приходится вызывать *линьяков* (колдунов), которые, чтобы отыскать вора, бросают кости или прибегают к различным трюкам.

Один из них такой. После тщательного расследования царские гонцы вызывают всех заподозренных на котлу. Линьяка расставляет их по кругу, посередине становится сам и со словами: «Тот, кто украл корову (или что-либо другое—Э. Г.), должен сегодня умереть», несколько раз его обходит. Одновременно он приказывает принести горшок с горячей кукурузной кашей. Зачерпывая деревянной ложкой кашу, он произносит: «Проглотив эту кашу, вор сегодня же умрет». Эти слова он повторяет всякий раз, как засовывает ложку с кашей в рот одному из стоящих в круге. Закончив свое дело, линьяка пристально всматривается в каждого, затем подбрасывает кости и со словами: «Я нашел вора», обходит обвиняемых. После этого он приказывает всем открыть рот и — что же? Все, кроме двоих, проглотили кашу, а те, кто не проглотил, — это и есть воры, которые, страшась смерти, оставили кашу во рту, чтобы, улучив момент, выплюнуть ее. Будучи уличенным, вор возмещает украденное в двух-четырёхкратном размере. Вору, попавшемуся дважды, обваривают пальцы, а неисправимому рецидивисту — всю руку. Убийство обычно карается смертью, иногда, однако, преступнику предоставляется возможность внести выкуп, который передается ближайшим родственникам убитого.

Один бечуан из алчности совершил братоубийство. Его престарелый отец отдал старшему брату большую часть имущества, и тогда младший решил попросту отделаться от него, чтобы получить все. «Братец, — сказал он, — отец не говорил тебе, что линьяке нужна обезьянья шкура, чтобы она вернула силу его телу? Сегодня я пойду вон на тот холм, — он указал на скалистую возвышенность поблизости от города, — подстрелю обезьяну».

Старший брат счел своим долгом последовать за младшим. Через час они были у подножия возвышенности. Младший брат предложил вести охоту с противоположных сторон, старший, ничего не подозревая, согласился. Старуха, собиравшая ягоды неподалеку, обратила внимание на двух охотников. Поведение их показалось ей странным, и, незаметно приблизившись, она осторожно последовала за одним. Уже на середине склона младший брат, вместо того

чтобы подниматься к вершине, свернул в сторону и, выйдя на противоположный склон холма, застрелил старшего, как только увидел его. В селении он с превеликой скорбью сообщил, что принял брата за обезьяну и нечаянно убил. Однако старуха рассказала, как было дело, виновного по приказу царя привели на место преступления и там застрелили из ружья убитого.

Среди других обычаев, заслуживающих упоминания, отметим прежде всего обрезание. Для бечуанов-язычников это важнейший обряд, который следует пройти каждому мальчику, иначе он не будет считаться мужчиной и ни одна женщина не согласится вступить с ним в брак. Эта церемония, именуемая *богерой*, не совпадает с наступлением зрелости, она представляет собой одну из стадий закалки мальчиков. Ей подвергаются мальчики девяти лет и старше. Происходит она не чаще чем раз в два года и не реже чем раз в пять лет (это зависит от численности племени) и сопровождается большими празднествами. В них участвуют явившиеся добровольно или по принуждению мальчики и девочки. Их единственную одежду составляют набедренные повязки из тростника или передники из шкур. Грудь и лица детей раскрашены раствором мела. Церемония происходит за пределами селения, причем мальчиками занимаются старики, а девочками — старухи.

Когда я был в Шошонге, там как раз праздновали богеру, и я мог ближе познакомиться с этим обрядом.

Мальчики и девочки в сопровождении наставников с песнями уходят из города в отведенное для этой цели место. Там мальчиков обучают вести себя, как подобает мужчинам, а девочек — женскому труду. Их заставляют выполнять тяжелую работу: таскать большие вязанки дров, воду и т. д. При этом они большей частью монотонно поют. Мальчиков же партиями вызывают на котлу и подвергают порке. Почти голых ребят с сандалиями в руках ставят в два ряда, спиной друг к другу. Затем они опускаются на колени, и мужчины (как правило, ближайšie их родственники) стегают мальчиков по спинам. Как только мужчина размахивается, мальчик поднимает сандалии, стараясь удержать ими силу удара или даже отвести его от себя. При этом дети поют и поднимают то одну, то другую ногу.

Мальчиков, одновременно прошедших богеру, зачисляют в один полк. Бечуан-язычник старается привести для участия в богере как можно больше сыновей — это предмет

его гордости. Вождь посылает на богеру своего сына или по крайней мере сына ближайшего родственника, чтобы тот мог взять на себя руководство вновь сформированным полком.

Девочкам после церемонии долгое время не разрешается спать. Их заставляют сидеть по ночам на деревянных ступах для дробления зерна. Ступы эти обработаны так неровно, что на них трудно сохранять равновесие, и стоит девочке задремать, как она тотчас сваливается. С целью закалки молодежи через год после богеры предпринимается также охотничий поход. Бечуаны, принадлежащие к одному полку, образуют несколько отрядов и под командованием опытных охотников устраивают облавы на антилоп, а в следующем году — на буйволов или слонов. Во время охоты на долю юношей выпадают самые тяжкие испытания: испытуемых приучают к мукам голода, заставляют совершать длительные походы по безводной местности, даже в сильные холода им почти не разрешают приближаться к костру.

Рядовой бечуан определяет свой возраст по богере, т. е. по тому, к какому полку он принадлежит. Каждый полк имеет свое название и, кроме того, обозначается по имени влиятельных людей, входящих в его состав, в частности командира. Клятва в верности, дружбе и доверии, которую дают друг другу, например, властитель области и вождь, находящийся у него в качестве гостя или изгнанника, заключение союза между двумя вождями сопровождаются обрядами. Один из них такой: закалывают домашнее животное и вырезают у него желудок, в него оба вождя засовывают руки, а затем обмениваются рукопожатием.

Широко распространен обряд очищения воинов, вернувшихся с поля брани или из похода, их оружия, пленных и иных трофеев, а также всех, кто прикоснулся к трупам или еще прикоснется. Обряд этот совершается и над женщинами, разрешившимися от бремени. Их изолируют после родов в зависимости от достатка мужа на один-три месяца. Такой же изоляции подвергаются тяжелобольные.

Обряды очищения совершают, а иногда и предписывают леньяки, большей частью за плату. Эти обряды отличаются большим разнообразием. К числу их относится бритье головы при помощи маленького, но острого куска рога, ножа и т. д.

7 апреля 1874 года я вернулся в Дутойтспан. В фургоне находилось двадцать ящиков, доверху наполненных моими

коллекциями, прежде всего этнографической, насчитывавшей четыреста предметов. За нею, по количеству и ценности, следовали коллекции насекомых, растений, рогов, пресмыкающихся, шкур млекопитающих, минералов, птичьих чучел, анатомических препаратов, пауков и ракообразных моллюсков и окаменелостей. На протяжении всего путешествия я много внимания уделял нанесению местности на карту. К сожалению, недостаток воды и различные случайности помешали мне сделать все, что я хотел.

Из района алмазных россыпей к Молопо

После трех лет пребывания на горячей земле Черного материка я стоял теперь на пороге осуществления своего плана. Душу мою переполняли самые разнообразные чувства. Мог ли я, смел ли надеяться, что достигну далекой цели, ради которой покинул родину и любимых? Способен ли я преодолеть трудности предстоящего путешествия? Весь опыт двух предшествующих поездок, носивших рекогносцировочный характер, казалось, позволял ответить на эти вопросы утвердительно. Он подготовил меня к третьему путешествию, которое уже можно было назвать подлинно исследовательским. Однако где и когда самые упорные и энергичные усилия человека гарантировали ему успех в Африке? Ведь силы его все-таки имеют свои границы...

Мысленным взором я видел Атлантический океан у Луанды *. Это придавало мне мужество, веру в себя. До сих пор фортуна оказывалась моим верным союзником во многих трудных случаях, и я надеялся, что и на сей раз она улыбнется мне, поможет преодолеть непредвиденные препятствия, без которых не обходится ни одно путешествие по Африке. 2 марта 1875 года я выехал из Дутойтспана.

Из Якобсдала в Шошонг

Во второй половине дня 30 марта мы достигли берега Марико и стали лагерем около реки в таком месте, где пороги и два скалистых островка позволяли переправляться

* Цель третьего путешествия Голуба.

через нее, не опасаясь крокодилов. Мне здесь понравилось, к тому же на противоположном берегу водилось много дичи, и я решил провести у брода два-три дня. Примерно в ста шагах ниже брода я выбрал в зарослях на противоположном берегу местечко для засады, хотя Пит предупреждал меня, что видел у реки свежие следы льва. Из предосторожности я устроил невысокую изгородь, за которой укрылся после захода солнца. Переход в сумерки через бурлящий поток оказался делом трудным и утомительным, я достиг другого берега совсем без сил.

С наступлением ночи мной овладела сильная тоска по родине и особенно по матушке. Образ верной охранительницы моего детства встал передо мной так отчетливо, как если бы она находилась рядом. Эти внезапно нахлынувшие мысли и видения встревожили меня. Не лучше ли вернуться к фургону? «Нет,— сказал я себе,— ведь в этот час крокодилы уже начинают прогуливаться по берегу, чтобы избежать порогов».

Мрак сгущался, облака закрыли небо, и я решил, что пребывание мое здесь бесцельно: я различал предметы на расстоянии не более десяти шагов, а потому ружье никак не могло служить мне защитой. Длинный охотничий нож был единственным оружием, на которое я мог рассчитывать в случае нужды. Я судорожно сжал его правой рукой и опустился на землю. Но сколько я ни вглядывался в темноту, сколько ни напрягал зрение, разглядеть что-либо было невозможно — меня окутывал густой мрак. Через некоторое время перед глазами стали вспыхивать искорки, казалось, что это звездочки, и среди них мне снова померещился образ матери. Повторившееся видение сильно взволновало меня. Я не мог побороть ощущение опасности и решил в темноте вернуться к фургону.

Я сделал шаг вперед, но нога попала на сухую ветку, которая с треском подломилась, я упал, но тут же вскочил и, сжимая в одной руке ружье, а в другой — нож, двинулся дальше. Но чем могло помочь мне ружье во мраке? Я отбросил его. В тот же миг я услышал, как кто-то скребется и царапается,— быть может, то была мангуста, хотя звук казался иным, чем тот, который она обычно производит. Неужели это хищник, да еще так близко, неужели пятна цвета ржавчины, которые я как будто разглядел в кустах, действительно львы? Миновав изгородь, я почувствовал, как колотится мое сердце. Держа перед собой охотничий

пож, я старался избегать стволов деревьев и свешивающихся ветвей. После каждого шага я на мгновение замирал, стараясь уловить даже чуть слышный шорох и понять его происхождение. Несмотря на крайнюю осторожность, я все же иногда натыкался на ветви и каждый раз с бьющимся сердцем останавливался минуты на две, чтобы удостовериться, не подкрадывается ли хищник.

Мне нужно было пройти каких-нибудь сто шагов, но времени на это ушло очень много. Наконец, ориентируясь по журчанию воды, я достиг места, где узкая канавка, вырытая дождем, облегчала спуск к берегу. Ступив в нее, я через минуту оказался у реки. С величайшей осторожностью опустил в воду одну ногу, потом другую и пошел вперед, рассчитывая, что усиливающийся или ослабевающий звук журчащей воды поможет мне придерживаться брода. Не раз, поскользнувшись, я падал в реку, но быстро вставал, не теряя верного направления. Так ценой невероятных усилий я достиг первого островка, затем перешел узкий главный рукав, где течение было наиболее сильным, выбрался на второй остров и позволил себе несколько минут отдохнуть перед завершением переправы. Обливаясь потом, я третий раз вступил в воду и, балансируя на скользких камнях, наконец благополучно достиг берега, где стоял фургон.

Разумеется, это не значило, что все опасности уже позади, но все же я почувствовал большое облегчение, ощутив под ногами твердую почву. Усталый до крайности, я хотел отдохнуть, но вспомнил, что именно участок берега, непосредственно прилегающий к порогам, чаще всего посещают по ночам крокодилы: они подстерегают здесь дичь, приходящую на водопой.

Только я собрался уцепиться за кусты, нависшие над высоким берегом, как услышал над головой сильнейший шум, который приближался к реке. Я встал на колени, ухватился за куст, чтобы чувствовать себя увереннее, и весь обратился в слух. Несколько минут спустя я установил, что шум производит стадо антилоп пала, которые спустились к реке на водопой. Я узнал их по тому, как ударялись о кусты их рога, и по своеобразному ворчанию.

Напрягши все силы, я подтянулся по кустам на высокий берег. Тут я вздохнул свободнее. Путь к фургону проходил по поляне; выйдя на нее, я услышал лай собак, почуявших пала. Я свистнул, и через несколько мгновений

Нигер * был у моих ног. Вскоре я очутился у фургона, возле которого ярко горели костры.

На следующий день мы с Питом побывали на месте засады. Оказалось, что и само оно, и прилегающий участок покрыты львиными следами, а низенькая изгородь из сухих ветвей повалена и растоптана.

Пребывание на берегу реки стоило жизни одной из моих собак: она погибла от укусов мух, целые мириады которых нападают на животных, забиваясь им в нос, глаза и уши.

Из Шошонга к Большим соляным озерам

Двадцать восьмого апреля мы с Питом совершили несколько экскурсий по берегам реки Наты. Они покрыты густой растительностью, и так как нам часто приходилось переходить через реку и спускаться к ней по оврагам, вырытым дождем, мы прикрывали друг друга от возможных нападений. Многочисленные и довольно большие следы львов заставляли нас соблюдать крайнюю осторожность.

Вдоль реки, высоко над берегом тянулись звериные тропы, откуда хищникам открывался отличный обзор. Они видели все, что происходило в широком высохшем русле, куда часто приходили лизать соленый ил антилопы.

На краю овражка мы заметили дерево высотой около 20 футов, на котором отчетливо виднелись следы львиных когтей. Обитавшие поблизости хищники точили о него когти: становились на задние лапы, а передними водили по коре. Дерево казалось созданным специально для этой цели.

Еще до захода солнца, взяв с собой собаку, я с Питом пришел к дереву и выбрал удобное для засады место, имея в виду провести здесь двенадцать-четырнадцать часов. На участке ниже меня, кроме следов моих и Пита, виднелись отпечатки львиных лап. Противоположный берег зарос лесом, через который проходила львиная тропа. От нее отходила другая тропа, она вела к моему дереву. Ночи стояли очень холодные, что особенно ощущалось после дневной жары. Я почел за благо привязаться к толстой ветке, чтобы, задремав, не прийти внезапно в самое тесное и

* Собака Э. Голуба.

неприятное соприкосновение со львами, бродящими внизу. Я уселся в углубление, образованное тремя ветвями, и устроился с максимальным комфортом.

Между тем золотой диск солнца скрылся за горизонтом; сквозь густую листву крон иногда еще проникали красноватые отблески... В ту ночь мне довелось стать свидетелем интересных сцен из жизни животных. Уже на закате с поросших травой равнин послышалось громкое ржание жеребцов зебр — значит, они стоят на страже своих стад. Затем со всех сторон донесся жалобный лай чапрачных шакалов*. Можно было ожидать, что повешенное на воле мясо заставит их нанести визит нашему фургону. Так и случилось, ибо лай, звучавший сначала приглушенно, становился все громче — ближе к полуночи мне даже показалось, что я могу определить число участников концерта. После того как стемнело, мое внимание привлек своеобразный шум — кто-то царапался и скребся. То были землеройки, искавшие в песчаной почве червей и личинок. Маленькие хищники трудятся всю ночь напролет, но при малейшем шуме немедленно затихают.

Немного позднее, около десяти часов, антилопы и газели покинули пастбища, чтобы еще до появления крупных хищников полизать соленый ил в русле Наты и успеть вернуться на безлесные равнины. На львиной тропе появились стейнбоки, принадлежащие к наиболее грациозным из южноафриканских газелей. Не взгляни я случайно в их сторону, я и не знал бы, что они здесь. Всего я насчитал трех животных этой разновидности. Потом я различил быстрые, но осторожные шаги, перемежавшиеся паузами. Сколько я ни напрягал зрение, мне так и не удалось разглядеть нового пришельца. Снова несколько быстрых прыжков, и животное опять замерло. И так три раза.

В это же время на противоположном берегу по оврагу медленно спустилось большое стадо животных, которые не тратили время на то, чтобы прислушиваться. Овраг проходил таким образом, что они без труда попадали и в русло, содержащее соль, и к яме, где еще сохранилась пресная вода. Стадо легко было узнать по характерным звукам, напоминавшим удар палкой о ствол дерева. Это были антилопы куду, славящиеся своими чудесными рогами.

* Подрод шакалов, названных так за гриву, покрывающую всю спину и именуемую чапраком.

Немного погодя послышалась тяжелая поступь, и вскоре я заметил черное животное величиной с теленка. Мне удалось разглядеть, что это гиена. Она медленно двигалась по оврагу и почти на каждом шагу останавливалась на несколько секунд, принохиваясь. Добравшись до противоположного берега, гиена значительно ускорила шаг.

Мне казалось, что я не дождусь царя зверей, я уже почти не сомневался в этом, как вдруг с расстояния примерно тысячи шагов послышался хорошо знакомый глухой рев. Мне было ясно, что по привычке животное спустится по тропе и придет к своим любимым деревьям. Поэтому я постарался отвлечься от всего, что к нему не относилось, в частности от громкого лая, которым обе мои собаки старались напугать приблизившихся к фургону шакалов. Прошло больше получаса, прежде чем снова раздался рык льва, на этот раз совсем близко. Еще через пятнадцать минут я услышал шаги зверя. Он подходил не по обычной для него тропе вдоль края оврага, а по его дну.

Животное остановилось, прислушалось и сделало еще несколько шагов. Расстояние между нами сократилось метров до пятнадцати, но из-за густого мрака на дне оврага и высокой травы я все еще не различал льва. Стрелять наобум я не хотел, чтобы зря не спугнуть хищника. К этому времени он, видимо, достиг тропы, ведущей к моему дереву, и на целых четверть часа застыл, не шевелясь, у спуска в овраг. Очевидно, он все-таки учуял меня и колебался: нападать или отступать. Затем я снова услышал его шаги, после которых наступила пауза. Наконец лев прыгнул в кусты, росшие по другую сторону оврага, и исчез в них. Вскоре бешеный лай Нигера указал мне направление, в котором удалился лев, и я пожалел, что не стрелял.

Хотя все мое тело затекло, пришлось оставаться на посту до рассвета, когда пришел Пит с Нигером.

От берегов Наты к Тамасеце

Утром 29 апреля, после той приятной ночи, которую я провел в ожидании льва, я решил обследовать берега Наты. Отойдя немного от нашего лагеря, я увидел двух гигантских аистов, описывавших широкие круги над рекой. Чтобы не вспугнуть их, когда они садились на берег, я спрятался

в траве, а потом, незаметно подкравшись к птицам, подстрелил одну для коллекции. Аисты охотились за рыбой, великое множество которой искало укрытия от дневного зноя под камнями в мелкой соляной луже в русле реки.

После обеда я предпринял более продолжительный поход. Мне хотелось пойти по равнине на юг, найти селения матабеле и места, где они добывают соль.

Едва мы отошли от фургона, как подняли стадо зебр, в таком смятении бросившихся по направлению к реке, что мне казалось, вот-вот они слетят с крутого обрыва вниз. Но внезапно животные остановились, свернули в сторону и сбежали по узкой тропинке. Издали зебры кажутся значительно больше, чем они есть на самом деле: у них чрезвычайно развиты голова и шея; эти животные настолько упитаны, что их не трудно догнать на лошади. Масарва и макалахари называют зебр «кваги», имитируя их крик «квагга», где первый слог звучит намного короче второго.

Чем ближе подходили мы к селению матабеле, тем осторожнее себя вели, а так как на равнине не было укрытий, мы повернули на запад и спустились в высохшее русло реки, которое вело к Нате. Я решил, что это один из ее рукавов.

Наконец мы увидели поселение матабеле; оно было покинуто хозяевами. Посреди высохшего русла находилось несколько довольно глубоких резервуаров, скорее луж, наполненных до краев розовой и темно-красной жидкостью, чрезвычайно соленой. Земля вокруг была покрыта толстым слоем соли, пласт сухой глины толщиной 3—5 сантиметров усыпан очень красивыми кристаллами. Тут же валялись и колья, которыми, как видно, матабеле выламывали соль. Так как они ушли, можно было, не опасаясь нападения, спокойно осмотреть место добычи соли.

В глубину соляные лужи достигали не более полуметра, в ширину — 10—15 метров, в длину — 10—300. Слой соли достигал толщины 8 сантиметров и связывал края луж наподобие прочной ледяной коры на глубине 15—20 сантиметров под поверхностью жидкости. Когдаходишь в лужу, создается впечатление, будто стоишь на иголках, ноги мгновенно покрываются белым налетом. Эти места не посещали ни звери, ни птицы — здесь для них было слишком много соли. Мы набрали столько кристаллов, сколько могли унести, а на следующий день я вновь послал Пита и Мерику * за солью, необходимой в нашем хозяйстве.

* Слуга Голуба, африканец.

На обратном пути нам повстречались стада прыгунов и полосатых гну; возле неглубоких пресных водоемов на берегу Наты, где росла особенно высокая трава, мы заметили львиные следы. Они были совсем свежие, это дало основание предположить, что вниз по течению Наты обитает множество львов, которые регулярно приходят к водоемам утолять жажду и охотиться. Внезапно Тениссен* увидел на другом берегу антилопу стейнбок и мастерским выстрелом с расстояния 250 метров убил ее. В тот же вечер я разбросал возле нашей стоянки отравленное стрихнином мясо, рассчитывая заполучить таким образом несколько шакальих шкур, но утром нашел в кустах только четыре скелета: отравленных шакалов сожрали их же сородичи; на следующий день мы обнаружили и трупы самих обжор.

Низовья Наты покрыты густым пальмовым кустарником, здесь растут и многочисленные баобабы, чувствующие себя в просоленном грунте не хуже, чем на хорошо удобренной почве.

Утром 3 июля мы покинули нашу стоянку в мимозовой рощице и отправились в путь по левому берегу Наты, против ее течения. Передвигались с трудом: под ногами был глубокий песок. По пути нам встретилось стадо зебр. Желая испытать свои охотничьи способности, Тениссен подтолз к ним по густой траве шагов на пятьдесят и выстрелил. Пуля попала по назначению — одна из зебр упала, но сразу же вскочила, пробежала метров 10 и свалилась вновь. Мы все подбежали к ней, и Пит схватил зебру за голову; это едва не обошлось ему слишком дорого: хотя зебра уже выпускала дух, она все же сделала попытку укусить Пита, но, к счастью, не смогла дотянуться до его руки. Мы немедленно принялись свежевать тушу и унесли все мясо, за исключением шейной и грудной части, намереваясь провялить его. Вскоре нам удалось найти в густом лесу удобное место для лагеря. Там я начисто выскоблил шкуру и обработал череп убитого животного, а Тениссен и Пит занялись мясом. Они разрезали его на длинные узкие полосы, чтобы потом подвесить. Вооруженный мушкетом Мерико присматривал за волами.

Нигде не обнаружив львиных следов, мы соорудили вокруг лагеря низенькую ограду. Ночь обещала быть холодной, резкий ветер заставил нас держаться у костра. Когда на-

* Белый слуга Голуба.

ступила полная темнота, я уже начал сожалеть о том, что мы не построили более надежной ограды, и утешался мыслью, что шкура зебры к утру просохнет и мы уйдем отсюда. К восьми часам вечера начал моросить дождь; деревья шумели вершинами; все предвещало неприятную ночь.

Внезапно мы все вскочили: нас напугало беспокойное мычание волов. Они шарахнулись в сторону и, разломав ограду из валежника, бросились бежать. Нигер вскочил и бешено залаял, а вторая собака, скуля, забилась под фургон. Мы решили, что через ограду перепрыгнул лев и, может быть, даже не один. Недаром оставшиеся на месте волы сбились в кучу, стуча копытами и не переставая глухо реветь.

Где же Тениссен? Незадолго перед этим он пошел к волам, намереваясь привязать их покрепче, но теперь его нигде не было видно. Мерико и Пит вооружились головнями, я взобрался на козлы и схватил ружье.

— Тениссен,— крикнул я,— здесь лев?

В ответ послышался жалобный крик:

— Помогите!

Волы вторили ему громким мычанием. Мы бросились к животным и увидели такую картину: волы и Тениссен, опутанные поводьями, лежали на земле. Волы, по-видимому, испугались приблизившихся к ограде львов, сорвались с привязи и запутались в ремнях, а их собратья попросту удрали.

Бдительность Нигера спасла всех. К счастью, не пострадал и Тениссен. Беглецы вскоре вернулись на место. Мы крепко-накрепко привязали их к фургону, разложили пять костров и под их прикрытием сделали ограду немного выше.

Из-за сильного ливня мы только через день смогли отправиться дальше, но не жаловались на свою участь: песок стал намного плотнее, и волам было легче идти.

К вечеру следующего дня мы попали на большой луг, окаймленный кустарником, который кишмя кишел животными. Мы видели здесь страусов, антилоп дукер, полосатых гну и даже львов, выслеживающих зебр. Через несколько дней мы добрались по песчаному плоскогорью до леса, который простирался примерно на 100 миль к северу. Мор* назвал эту область «краем тысячи водоемов». Дей-

* Немецкий путешественник по Южной Африке (1828—1876).

ствительно, для нее характерны неглубокие пруды, скорее лужи, которые возникают из-за того, что рельеф поверхности здесь исключительно ровный и влага не стекает в реки. Почти все водоемы питаются только дождевой водой. Они невелики, в них буйно разрастается осока. Дождевая вода держится от двух до восьми месяцев; лишь четыре озера, берущих воду из подземных источников, сохраняют ее круглый год. Маденассана, живущие в окрестном лесу, называли их «Кламакленьянскими», что означает «Четыре в ряд».

«Край тысячи водоемов» окаймлен реками Соа и Натой на юге и притоками Замбези на севере; на западе его границей является Мабаби-вельд, на востоке — реки Гваай и Ната. Он изобилует крупными млекопитающими — слонами, носорогами, жирафами, — отсюда они распространяются на восток, запад и следуют вдоль Замбези на север. В период засухи здесь ощущается острый недостаток воды и путешествовать приходится с великими трудностями, а в начале лета, то есть с октября по декабрь, сущим бедствием становится ядовитое растение, которое развивается быстрее травы и очень вредно для волов. Поэтому торговцы слоновой костью, желающие завязать отношения с племенами, живущими по берегам Замбези, чаще всего избирают путь, именуемый восточным, то есть земли макалака и западные владения матабеле. Эта дорога не лишена многочисленных недостатков, но позволяет сохранить волов.

Мы только что миновали последнюю прогалину и въезжали в густой лес, когда Мерико — он шел впереди нашего каравана — что-то прокричал, указывая рукой влево. Я сидел с Тениссеном на козлах, и мне было, конечно, любопытно узнать, что взволновало моего всегда столь уравновешенного слугу из племени бамангвато. Оказалось, то были два страуса. Они стояли всего в двухстах пятидесяти шагах от нас.

Я немедленно спрыгнул на землю и попытался подкрасться к птицам, конечно, не ради добычи, так как она безусловно принадлежала царю бамангвато*, а только из охотничьего азарта. Один из страусов был настороже, он наблюдал окрестности, выставив над травой голову. Он заметил меня и, как только я подполз ближе, побежал. Выйдя из кустов на открытое место, я увидел, что птицы намере-

* Охота на страусов и некоторых других животных была монополией верховного вождя.

ваются уйти в лес и уже приблизились к дереву на опушке. Я выстрелил и угодил прямо в ствол, не задев страусов. Мой промах вызвал восторг у Мерико. Еще бы! Ведь собственность его повелителя, царя Камы, нисколько не пострадала! Он даже пообещал сразу же по возвращении в Шошонг рассказать царю об этом случае.

Я хстел как можно скорее добраться до ближайшего водоема (мы уже целый день не поили волов), и нам не оставалось ничего иного, как продолжать путь ночью, невзирая на трудности и неожиданности. Нигер бежал впереди, за ним шагал Пит, вооруженный мушкетом, потом с огромным факелом Мерико — он вел на поводу волов. Тениссен погонял, а я сидел на козлах с ружьем наготове, причем второе лежало у меня за спиной, так чтобы я мог в любой момент передать его Тениссену. Несколько раз уже случилось, что чем-то обеспокоенный пес останавливался и начинал лаять; останавливался и наш караван; в продолжение нескольких минут мы вслушивались в тишину, а потом опять трогались дальше.

На следующее утро я встретился у водоема со знакомым мне охотником и рассказал ему, что ночью мы без всяких помех прошли по местности, изобилующей дикими животными. Он объяснил нашу удачу весьма просто. Дело, сказывается, было в том, что накануне тут проехал торговец Андерсон, и его возница, боясь нападения львов, дал несколько холостых выстрелов в разные стороны, спугнув крупных животных, в особенности слонов и буйволов, чем вызвал негодование охотников, находившихся в районе водоемов. И в самом деле, все они в один голос жаловались на неудачу!

Невдалеке от первого Кламакленьянского водоема дорога разветвляется, здесь берет начало путь, по которому ездят в Мабаби-вельд охотники-голландцы. На этой развилке я повстречал Саула — слугу Андерсона, который вел с собой взрослого макалахари с четырьмя детьми. Саул рассказал, что познакомился с этими людьми на берегах Наты и пригласил с собой, так как уверен, что его хозяин не будет возражать, тем более что гости могут оказаться полезными при охоте на страусов.

— Мне известно, что ты неважный стрелок. Как же ты собираешься охотиться на страусов? — спросил я.

— А вот как, — отвечал Саул. — Когда я хочу убить страуса, то беру с собой несколько человек из племени ма-

калахари, и мы идем по следу птиц. Важнее всего выследить супружескую пару и найти гнездо. Как только находим, я выкапываю ямку и прячусь в ней, чтобы подкараулить птицу, когда она станет садиться на яйца. Попасть в страуса с близкого расстояния нетрудно, но ведь надо еще заполучить и другого! Для этого я подпираю труп первого колышком, который укрепляю возле гнезда. Случается, конечно, что второй страус застигает меня врасплох как раз в тот момент, когда я ставлю ловушку, и исчезает. Но чаще всего мне везет; таким вот манером я изловил немало страусов и собрал много яиц.

Через два дня вернулся с охоты приятель Андерсона и рассказал, что один знакомый бур убил в ближнем лесу слониху. Известие подняло настроение у охотников, а когда Тениссен сообщил после прогулки, что собственными глазами видел пять бегущих слонов, воодушевлению не было границ. И сам я, забираясь в лес, находил там следы жирафов, видел разных антилоп, слонов и буйволов. Накануне нашего приезда охотники выследили вечером у водоема стадо буйволов. К сожалению, животные ушли сразу после полуночи и охотники не смогли их догнать.

Осмотрев местность и поохотившись, мы сложили вещи и через два часа езды по раскаленному глубокому песку добрались до следующего водоема. Тут уже расположились охотники на слонов Майер и Гербст, а немного подалее, у третьего водоема,— Якобс и Куртин. Куртин пожаловался, что в первый свой приезд в «край тысячи водоемов» потерял шестьдесят шесть волов: они погибли от ядовитой травы. Якобс с увлечением рассказывал о своих охотничьих приключениях и о знаменитом охотнике Пите Якобсе.

У Кламакленьянских водоемов я впервые увидел людей из племени маденассана, состоящего в подданстве у бамангвато. Это красивые, хорошо сложенные люди с кожей иссиня-черного цвета. Мужчины высокие, широкоплечие, женщины чрезвычайно изящные, даже миниатюрные. Волосы у маденассана гораздо длиннее и гуще, чем у их соседей, спереди они закрывают лоб и свисают на глаза, а на затылке коротко подстрижены. Такая прическа придает лицу какое-то угрюмое выражение.

Когда бамангвато приходят в «край тысячи водоемов», они прежде всего разыскивают маденассана, чтобы те помогли им охотиться. Маденассана селятся в самой чаще, и охотники могут обнаружить их жилища только с помощью

самых маденассана. Старейшина селения одновременно является племенным вождем, поэтому тот, кто хочет нанять в услужение маденассана, должен переговорить прежде с ним. Тариф примерно такой: за несколько месяцев службы — от 2 до 4 килограммов стеклянных бус, или несколько шерстяных одеял, или порох и пули. Если же вы нанимаете слугу на срок от шести до десяти месяцев, это стоит мушкета.

Маденассана чтят брачные узы. Они освящают брак незамысловатым обрядом и довольно высоко ставят супружескую верность. Ревность, мало известная другим племенам, у них нередко бывает причиной серьезных преступлений.

Бамангвато посещают маденассана только один раз в год, чтобы собрать дань или использовать их на охоте. Бывают и неприятные случаи, один из них произошел год-полтора назад: трое бамангвато увидели, что несколько маденассана помогают охотнику на слонов Сварту, и потребовали, чтобы их подданные немедленно покинули белого человека и присоединились к ним. Маденассана отказались повиноваться. Тогда бамангвато начали избивать жену того, кто возглавлял бунтарей, надеясь образумить своих данников. Муж истязуемой схватил ассегай, бросился на бамангвато и наверняка убил бы одного из них, если бы те не навели ружья на маденассана.

Двенадцатого июля мы двинулись к третьему водоему, куда незадолго перед тем ушли Якобс и Куртин. Отсюда я взял направление на северо-запад. Мы ехали по живописной местности, поросшей верблюжьим терновником; встречались яворы, мимозы, пейзаж украшали пальмы, росшие группами. К полудню следующего дня мы уже расположились лагерем возле водоема. Здесь я встретил Барбера, Франка и Вилькинсона. Все они пришли охотиться на слонов, причем Барбер слыл великим специалистом этого дела и неплохим художником. Он показал мне альбом эскизов, в которых запечатлел свои приключения. Известна и мать Барбера, не только прекрасный художник, но и тонкий наблюдатель над жизнью животных, о которых она написала несколько книг.

Я решил обследовать окрестности и заночевал в лесу в нескольких милях от лагеря. Помню, там были очень высокие деревья, не менее 20 метров в высоту, которые голландцы именуют «дикой сиренью», а бамангвато «мóча».

Меня поразило обилие красных орхидей. Возле водоема я увидел множество следов газелей, антилоп куду, жирафов, буйволов, слонов, а также хищников: львов, леопардов, гиен, шакалов. Мне захотелось поохотиться по-настоящему, и я решил устроить здесь ночью засаду.

Прежде чем отправиться в лес, мы возвели вокруг фургонов хорошую ограду. Тениссен обещал быть настороже и отразить нападение львов, если только они появятся.

За час до захода солнца мы с Питом вышли в путь, чтобы засветло поспеть на облюбованное место. Представьте себе теперь довольно большую прогалину в лесу (примерно 400 метров в окружности), кое-где заросшую высокой густой травой. Прогалина была на 3 метра ниже почвы, также заросшей высокими переплетавшимися растениями. В центре ее была лужа с дождевой водой, по-видимому, оставшаяся от озера, всего несколько месяцев назад занимавшего всю прогалину. На западном берегу выросло могучее дерево, а в пятнадцати шагах от него — другое, почти десятиметровой высоты, под которым красовался огромный термитник, частично опиравшийся о мощный ствол. Нижние ветви дерева склонялись чуть ли не до самой земли; они могли надежно скрыть охотников. Собрав валежник, мы сделали невысокую ограду и с большим удобством расположились под деревом на огороженном пространстве.

Пит еще никогда не бывал в засаде ночью, и я спросил его, не захочет ли он спать. Он уверил меня, что все будет в порядке. К заходу солнца наши приготовления были закончены, ружья заряжены. По совету Пита мы срезали несколько тонких и длинных веток терновника и покрыли ими изгородь сверху. Теперь мы могли чувствовать себя в полной безопасности. Некоторое время над нами еще щебетали запоздавшие в свои гнезда птички, но скоро и они угомонились. Наступила полная темнота, и тогда издали донесся лай шакалов, возвестивший, что настал час, когда звери идут на водопой и хищники готовятся к разбойничьим набегам.

Мы терпеливо ждали. Пит по привычке устроился полулежа, я же присел на корточки, надеясь, что в такой позе будет легче преодолеть сон. Примерно с полчаса мы прислушивались, изредка обмениваясь короткими замечаниями, но потом я решил, что лучше молчать. Вскоре послышался какой-то странный шум. Я осторожно поднялся и выглянул за ограду, но ничего не увидел. Шум повторился.

Вскоре я понял, что это просто-напросто храп. Пит безмятежно спал, широко открыв рот. Я разозлился, растолкал его, отругал, и он, поклявшись, что больше ни за что не заснет, тотчас же захрапел опять.

Часам к десяти вечера прогалина озарилась слабым сиянием луны, и тут я услышал глухой гул. Казалось, что с западной стороны приближается табун лошадей. Я схватил ружье и выглянул в просвет между мимозой и термитником. Гул усиливался с каждой минутой, по-видимому, приближались зебры. И в самом деле: спустя четверть часа я увидел при свете луны на прогалине двух зебр. Остановиваясь едва ли не после каждого второго шага, они внимательно прислушивались. Весь их настороженный вид говорил об этом. Вскоре появилось и все стадо, состоявшее не менее чем из двадцати животных.

Я никак не мог решить, стрелять ли мне немедленно или прежде разбудить Пита, чтобы и он мог сделать выстрел. Зебры тем временем замерли на прогалине без движения, словно изваяния. Но эту прелестную картину я наблюдал не более двух минут. В тишине ночи Пит завернул носом такую руладу, что я содрогнулся: что если эту музыку услышат зебры, стоящие всего в семи шагах от нас? Я растолкал Пита. Тот спросонья ухватился за непрочную ограду, и она, не выдержав его тяжести, повалилась. Я подхватил Пита, опасаясь, как бы хруст валежника не спугнул зебр, но было поздно! В мгновение ока они повернулись кругом и исчезли с такой быстротой, что я не успел и подумать о выстреле.

Пит улегся и опять захрапел. Наступила полночь, все было спокойно. Наконец, примерно в час ночи, я услышал рев, доносившийся с северо-западной стороны и как будто приближавшийся. То было стадо буйволов. Однако животные почуяли нас, прошли мимо и остановились у соседнего водоема, шагах в пятистах. Я хотел, чтобы Пит услышал, как режут буйволы, и приподнял его.

— Коровы, коровы с телятами, — лепетал он сквозь сон. — Тениссен их плохо привязал.

Он упал на землю как труп и уснул еще раньше, чем я перестал смеяться.

Я устал, дремота начала одолевать и меня. Но тут мое внимание привлек новый шум, напоминавший сильный ветер. Минут двадцать я раздумывал, что бы это могло быть? Наконец словно затрубили в большую трубу, и я понял, что

у соседнего водоема собрались слоны, что они купаются, поливают друг друга водой и при этом шелестит высокая густая осока. В сильном волнении я схватил Пита за руку, стараясь растолкать его, но он остался верен себе.

— Да, да,— бормотал он,— укройтесь получше, поднялся страшный ветер!

Наконец мне удалось растолковать Питу, в чем дело.

— Помнится,— сказал я,— по дороге мы видели сухую траву. Если поджечь ее, то мы станем свидетелями такого зрелища, какого не увидишь и за сто лет скитаний по Южной Африке.

Но мой герой не пришел в восторг.

— А разве вы, доктор, не заметили там львиных следов? Как же вы хотите, чтобы мы пошли за травой? Ведь львы свалят нас, прежде чем мы успеем опомниться!

Луна уже зашла, стоял полный мрак. Подумав, я решил на сей раз послушаться совета моего слуги. Еще некоторое время мы прислушивались к шуму, производимому слонами, а потом Пит заснул; я помимо своей воли последовал его примеру.

Мы спали с полчаса. Разбудило меня грозное рычание. Рычал лев, ему вторила львица. Судя по звукам, хищники были не более чем в тридцати шагах от нас, но вот они приблизились, еще, еще... Я стал на колени и приготовился к выстрелу, хотя в кромешной тьме ничего не видел. Я понимал, что хищники давно выследили нас, и от волнения у меня вспотели ладони. «Но ведь тут Пит»,— подумал я и с такой силой пнул ногой в бок моего верного слугу, что он мгновенно вскочил. Тут как раз лев зарычал, и Питу не нужно было объяснять, что происходит. Он живо подпрыгнул и ухватился за ветку мимозы. Хищники услышали шелест листвы и остановились. И вновь слуга подал мне дельный совет: на дереве мы будем в безопасности. Но как залезть на него? Я велел Питу подсадить меня, а затем, упершись ногой на прочную ветку, подтянул его к себе. Пит подал ружья. Мы устроились среди ветвей в 3 метрах от земли, но было так темно, что я все равно не видел львов и не мог прицелиться; они рычали и метались в высокой траве до самого рассвета, а потом ушли в том же направлении, что и буйволы. Тогда и мы решили отправиться в путь. Осмотр соседнего водоема показал, что ночью там побывало не меньше тридцати слонов со слонятами.

Я намеревался отправиться дальше в тот же день, но приключения прошлой ночи настолько разожгли мое любо-

пытство, что я решил один сесть в засаду у водоема, где резвились слоны. Я осмотрел место и выбрал красивое толстое дерево высотой не менее 16 метров, рассчитав, что с него откроется великолепный обзор. Связав воедино восемь ременных поводьев, Пит и Мерико подняли меня на дерево, и я с удобством расположился среди ветвей.

Наступила ночь. Мне стало холодно. Я уже начинал сожалеть, что забрался так высоко, притом совершенно напрасно, когда около полуночи услышал, что приближается стадо слонов. Одновременно раздался знакомый звук африканского бича. Шум, производимый слонами, стал затихать; вновь наступила тишина. Тут недалеко я увидел фургон. Впоследствии я узнал, что это был Куртин, ехавший в долину Панда-ма-Тенги, чтобы встретиться там с братом, которого он послал вперед.

В ночь на 18 июля мы убили двух шакалов и двинулись по глубокому песку к водоемам Тамасеце, где переночевали. Дул сильный ветер; мы загнали фургон в рощицу, чтобы спокойно выспаться. Я хотел пробыть здесь дня два, рассчитывая убить саблерогую антилопу. Но антилопа не попадалась на глаза. Блуждая по лесу, я увидел самца и самку куду, непрерывно описывавших круги около дерева. Это показалось мне странным. Когда же я лег спать, меня разбудил страшный крик: Мерико обнаружил у себя на животе большую змею. К сожалению, этот визит так обозлил Мерико, что он тяжело ранил животное, пустившееся наутек, и я не смог спасти его для своей коллекции.

Я очень устал от напряжения последних дней, от бессонных ночей и радовался возможности спокойно посидеть у костра. Но мне так и не удалось насладиться покоем: только я углубился в свои записи, как Тениссен крикнул, чтобы я обернулся. Оказалось, что рядом очковая змея: по-видимому, ее привлекло тепло костра. Она, конечно, пополнила собой мои экспонаты.

От Тамасеце к берегам Чобе

Двадцатого июля утром мы двинулись из леса по зеленой равнине дальше на север и вскоре миновали место, куда, как нам рассказывали, сбегаются огромные стаи гиен. Солнце стояло уже высоко, когда нас нагнал всадник — бедно

одетый мальчик-голландец лет четырнадцать. Меня очень удивило, что мальчуган направляется куда-то совершенно один. Когда я спросил, куда и зачем он едет, он рассказал, что живет с родными в хижине у водоема и что отец послал его в страну макалака обменять стеклянные бусы и ситец на просо.

На следующий день мы добрались до озера, названного Генри-пэн по имени слуги какого-то охотника, который убил на этих берегах жирафа. Здесь уже расположились лагерем трое охотников-голландцев с семьями — Шмит и братья Лотрие. Шмит целый месяц жил в просторной тростниковой хижине и как раз накануне нашего приезда подстрелил саблерогую антилопу. Это был очень опытный и удачливый охотник. Когда я с ним встретился, он уже убил за сезон, который был еще в полном разгаре, девять слонов, а всего на его счету (он охотился неполных двадцать лет) было более трехсот толстокожих. Шмит обогатил мои заметки, рассказав несколько весьма интересных случаев.

Я приведу здесь только два. Незадолго до того как они произошли, миссионер, живший среди матабеле, обвенчал Шмита с вдовой одного охотника, и героем обеих историй является старший пасынок Шмита — Пит.

Как-то Шмит пришел с Питом к самому южному из Кламакленьянских водоемов, чтобы показать мальчику слонов и научить охотиться на них. Узнав, что большая группа животных побывала ночью у водоема, охотники отправились по следу, взяв с собой маленького слугу Пита из племени масарва.

Примерно через час Шмит увидел с седла лошади могучего слона: по-видимому, он заболел и отстал от стада. Шмит не хотел говорить мальчикам о слоне, прежде чем они не подойдут к нему на пятьдесят шагов. А когда они, соблюдая осторожность и прячась в кустах, приблизились, он приказал забежать вперед и напугать слона криком, чтобы тот бросился навстречу охотнику. Дети побежали, но, увидев слона, струсили и повернули назад. Шмит поскакал за ними, отвязал от седла бич из кожи бегемота, отхлестал их, вновь подогнав к слону и приказал стрелять с тридцати шагов. Пули увязли в мясистых боках гиганта. Шмит опять приказал зарядить ружья, а сам поскакал к слону, который поднялся на ноги и принялся обнюхивать воздух. Шмит громко закричал, рассчитывая, что слон сам бросится под

пули ребят, но животное нарушило его планы. Увидев всадника, слон круто повернул и помчался к нему, высоко подняв хобот и громко трубя. Опытный охотник, желая отвлечь внимание слона, стремглав кинулся туда, где стоял один из его маленьких помощников. Слон теперь был намного страшнее, чем тогда, когда он дремал, но мальчики не отступили ни на шаг, оба выстрелили, и две восьмидесятиграммовые пули попали слону прямо в ухо. Через две минуты он был мертв.

За год Пит вместе со своим слугой убил слониху, льва, двенадцать жирафов, шесть страусов, саблерогую антилопу и несчетное множество зебр и антилоп. А когда ему было всего одиннадцать лет, отчим как-то предложил застись свежим мясом для семьи. Они отъехали от лагеря уже на милю, но их внезапно встревожило глухое рычание, исходившее, как им показалось, из кустов впереди. Прежде чем они сообразили, где именно таится опасность, перед ними появилась огромная львица с оскаленной пастью. «Отец, — вскричал Пит, — мне стрелять или первый выстрел сделаешь ты?!» Старый охотник обратил внимание на то, что львица ведет себя как-то странно и невероятно разъярена, и оставил последний, решающий выстрел за собой. Пит дважды выстрелил из своей маленькой двустволки. Обе пули попали в зверя, пробив ему череп над левым ухом. Львица упала. Повинуясь приказанию отчима, Пит спрыгнул на землю, набросил уздечку на левую руку и еще раз выстрелил стоя. Когда убитую львицу осмотрели, оказалось, что она уже раньше была ранена в спину.

Я тешу себя надеждой, что если предприму новое путешествие по Южной Африке, то мне удастся уговорить Пита сопровождать караван и снабжать нас свежим мясом.

Застрелив в лесу самца саблерогой антилопы, Шмит показал мне большой сальник, окружавший сердце животного. Он весил около 15 килограммов, но Шмит сказал, что бывают сальники и больше. Сало антилопы представляет собой нечто среднее между смальцем и говяжьим жиром.

Двадцать шестого июля мы покинули Генри-пэн и поехали на север, стараясь как можно быстрее миновать безводный край. В однообразной местности — дорога шла лесом по глубокому песку — наше внимание привлек баобаб, объем которого в нижней части был равен 31 метру.

Пустынный край несколько оживляли птицы. Встречались хищники: канюки и карликовые совы, но особенно

удивляло великое множество певчих птиц. Их было гораздо больше, чем в краях, изобилующих разнообразной растительностью. Чаще других попадались сорокопуты, главным образом крупной разновидности, с красивым алым брюшком и зобом, гнездившиеся в низком, но очень частом кустарнике. Не редкостью были и желтозобые туканы, но больше всего бросались в глаза небольшие долгохвостые вдовки, дятлы и иволги. Я пополнил здесь свои коллекции пернатыми и, кроме того, собрал много интересных растений, семян и плодов.

На четвертый день мы выехали на плоскогорье, поросшее высокой травой; с двух сторон его окаймлял лес. Здесь я встретил животных, относившихся к давно интересовавшим меня видам, и увидел растения, которых до сих пор нигде не встречал. Тут, например, росли деревья со стручками на ветвях, рассеивавшие семена совершенно особым образом: стручки с треском лопались на солнце и веером выбрасывали семена. Возле таких деревьев жужжали тысячи маленьких пчелок, они запутывались в наших волосах, забирались в одежду, лезли в глаза, в уши, в нос.

Начиная от самой Наты, мы неуклонно, хотя и медленно, поднимались вверх, и теперь, казалось, достигли высшей точки плоскогорья. После полудня мы довольно долго ехали вдоль невысоких гряд глинозема, на которых изредка стояли могучие баобабы. Прочие же деревья и кусты были низкорослыми, вероятно им не шел впрок каменистый грунт.

Под вечер мы наконец достигли долгожданного притока реки Замбези. Его следовало бы именовать ручейком, хотя кое-где в нем были глубокие заводи, которые так и манили искупаться. Но мы устояли перед искушением: в таких местах часто водятся крокодилы.

Переночевав, мы вновь пустились в путь, пересекли несколько нешироких сухих оврагов, по которым дождевая вода стекала в ближайший приток Замбези, ряд песчаных, а иногда и скалистых возвышенностей и к вечеру добрались до верховьев реки Панда-ма-Тенга. Она течет на север, потом на северо-запад, вбирая по пути воды многочисленных ручьев, наполняющихся после дождя, и горных речушек, и недалеко от водопада Виктория впадает в Замбези. На берегу всегда можно увидеть несколько фургонов: еще с той далекой поры, когда английские охотники впервые начали торговать с племенами, живущими по берегам Замбези, бе-

лые встречаются тут с местными жителями. Торговец Вестбич оборудовал здесь настоящую факторию, представляющую собой домик и склад товаров посреди большого двора, который был огражден крепкой изгородью.

Вестбич находится здесь несколько месяцев в году, в его отсутствие все операции производят доверенные: Блокли и Брэдшоу. Вестбич отвозит слоновую кость в район алмазных разработок, закупает там различные товары, а потом отправляется с ними в Шешеке и далее вниз по течению Замбези.

На фактории я познакомился с Блокли, а у фургонов увидел Андерсона. На мой вопрос, почему здесь такая высокая ограда, он ответил:

— А как же? Да ведь тут львов, что собак.

И в самом деле невдалеке виднелись свежие следы хищников.

Известны три вида южноафриканских львов: обыкновенный густогривый, безгривый и так называемый «крахтманетье», который отличается короткой светлой шерстью, а главное, короткой гривой.

Обыкновенных густогривых львов, обитающих в Северной Африке, здесь на юге мало. Безгривых некогда было очень много на Молопо, они и сейчас попадают в районе среднего течения Замбези и на Чобе, но редко. Шерсть у них заметно светлее, чем у густогривых львов. Чаще всего встречаются львы третьего вида, имеющие светлую гриву до лопаток. Они обитают главным образом в долине Лимпопо, при впадении в нее Нотвани, и дальше на восток. В возрасте от двух до четырех лет эти хищники особенно отважны и представляют большую опасность.

Южноафриканский лев — животное умное и расчетливое. Он хорошо «сообразает». Встречаясь один на один с охотником, лев прежде всего старается оценить своего противника, независимо от того, кто является нападающей стороной. Если хищник решит, что враг сильнее, ничто, даже ранение, не заставит его напасть на человека. Он всегда стремится поразить воображение врага, напугать его, чтобы легче завладеть своей добычей. Иногда он добивается желаемого результата грозным рычанием, иногда тем, что медленно подкрадывается к врагу, подняв голову и обнажив клыки, иногда приближается гигантскими прыжками, иногда бежит рысью и тихо ворчит. Однако что бы ни делал лев, он не сводит глаз с противника и

подмечает каждое его движение, даже самое незначительное, поэтому в таких случаях самое правильное — совсем не двигаться. Взрослый лев, как правило, не реагирует на нерезкие движения рукой или ногой, но молодой может разъяриться и броситься на врага. Старые, опытные львы кидаются на равного себе по силе неприятеля, только когда забывают об осторожности. Так поступают львицы, защищающие своих детенышей, и затравленные самцы.

Охотник должен стараться первым увидеть льва и наблюдать за его поведением. Опытный человек и тот нередко теряется, если с глазу на глаз столкнется со львом. Охотнику трудно перехитрить хищника. Но хуже всего приходится натуралистам. Бывает, что пока любитель природы ищет жучков и необыкновенные растения, за ним часами наблюдает лев, а затем, взревев, кидается на него. Местным жителям иногда, хотя и редко, удается отогнать хищника общими усилиями, но не было еще случая, чтобы убегающий от льва одиночка не стал его жертвой.

Львы, которые водятся в местах, где нет дичи вообще или нет дичи, представляющей для них интерес, львы, которые часто подвергались преследованиям охотников и привыкли к ружейным выстрелам, гораздо смелее и опаснее прочих своих собратьев. Особенно дурную славу снискали себе хищники, обитающие близ рек Марецане и Сетлаголи, а также на территории, где живут матабеле.

Ни одно животное, за исключением лисы, не ведет себя так хитро, как лев, желающий овладеть труднодоступной добычей. Чем больше львов идет одновременно на охоту, тем умнее они поступают. Хищники делятся на две группы. Одна преследует облюбованных животных; подкравшись к ним, львы выскакивают из укрытий и гонят своих жертв в том направлении, где уже ждет своего часа другая группа. Так львы охотятся на зверей, которые бегают быстрее их и которые видят их в траве издалека: лошадей, зебр, жирафов.

Вскоре после моего приезда на Панда-ма-Тенгу львы таким вот манером задрали двух зебр. Местом действия была небольшая долина, где паслось их стадо. Два хищника помчались по левому краю долины, другие остались на месте. «Загонщики» забежали в тыл стаду и поползли к нему, но так как они оказались с подветренной стороны, то зебры учуяли их, прежде чем львы приблизились, и помчались в противоположную сторону, прямо в пасть врагу.

Оторвавшись в могучем скачке от земли, львы набросились на зебр. Две из них пали жертвами разбойников, остальные же, шарахаясь то вправо, то влево, в конце концов соединились в единый поток и умчались. Долина огласилась победным рыком царя зверей.

В те времена, когда в саванне между реками Хартс и Молопо водилось много страусов, охотники, загонявшие эту птицу на конях, часто теряли своих четвероногих помощников.

Львы умели выбрать момент и отогнать лошадь даже от самого фургона. Несколько хищников прятались в траве, а один отправлялся в лагерь. Он подползал к фургону, быстро вскакивал и пугал лошадь. В панике она бросалась бежать и часто именно туда, где ее поджидали остальные хищники. Так львы охотятся в тех местах, где трава не ниже метра.

На этом я пока закончу рассказ о львах.

В долинах Чобе и Замбези

Вечером 17 сентября мы отправились в путь, чтобы достигнуть гавани Макумба на Замбези. Лодочники соорудили для нас с Блокли шалаш, и в нем я провел первую ночь на берегу великой реки, к которой стремился годами. Макумба лежит у порогов, почти в 4 английских милях от слияния Замбези с Чобе.

Повсюду виднелись многочисленные острова, заросшие лесом или тростником. На голых сучьях, свисавших над рекой, сидели змеи-птицы, а на коричневых утесах, которые выступали из воды,— бакланы. Они ныряли в поток, неслись вперед и ловили рыбу, не опускаясь при этом на глубину, где обитают крокодилы. Затем снова взмывали в воздух, опять садились на утесы и расправляли крылья, чтобы просушить их. Ночью каждые десять минут раздавался рев бегемотов, однако большой костер, который мы разожгли между рекой и шалашом, спас нас от визита непрошенных гостей.

Восемнадцатого сентября после захода солнца я предпринял первую поездку на лодке по Замбези. Утлый челн шириной не более 18—20 дюймов, выдолбленный из одного ствола, возвышался над водой всего на 2,5 дюйма. Вода казалась иссиня-черной, что говорило о большой глубине.

Впереди и позади челна река напоминала темно-синюю ленту, опоясывающую острова, окрашенные во все оттенки зеленого. Справа от нас, примерно на высоту 6 футов, поднималась стена гигантского тростника, которая местами тянулась далеко в глубь суши. Кое-где в этих тростниковых зарослях виднелось нечто вроде гротов. К ним вели проходы — тропы бегемотов: по ним огромные толстокожие выходят из реки и отправляются на свои пастбища.

Ширина реки в зависимости от наличия и количества островов на ней составляет 300—1000 метров. Глубина ее в местах, заросших тростником, в 8 футах от берега достигает 6 футов.

Мы плыли не меньше трех часов, когда заросли леса и тростника на правом берегу сменились степью, населенной бесчисленными животными. Здесь я на время покинул лодку и пошел вдоль берега. Поблизости от зарослей тростника, а еще чаще на окраине леса бродили стада буйволов. Мне впервые довелось наблюдать здесь антилоп лечве и пуку, которые сотнями паслись в степи. Первые больше капской газели, вторые меньше и отличаются желто-коричневой шкурой, покрытой густой шерстью, и парой выгнутых вперед рогов. Кроме того, в высокой траве я видел стада антилоп ритбок. Ближе к лесу бродили бесчисленные стада зебр и полосатых гну, насчитывавшие десять-двадцать голов...

Лодка шла близко к берегу, так как мы опасались бегемотов. Обычно они держатся на середине потока, изредка показываясь на поверхности. Когда мы отошли от левого берега и достигли островка, покрытого зарослями папируса, мне бросилось в глаза, что лодочники вдруг замерли на месте. Рулевой прошептал: «Кубу». Смысл этого слова недолго оставался для меня непонятным, ибо любезный сосед указал на место в потоке шагах в двухстах от нас. Там вдруг появился чурбан темного цвета и брызнула вверх двойная струя воды. Вслед за первым чурбаном показался второй. То были головы бегемотов.

Когда темные туши их исчезли под водой, мы чрезвычайно тихо и осторожно пошли на веслах вперед и остановили лодку там, где только что виднелись животные. Блокли и я изготовились к стрельбе. Вскоре появились головы двух молодых животных, затем большая голова взрослого самца, а вслед за нею — самки. Из восьми пуль две вонзились в голову самца — за ухом. Лодочники утверждали,

что зверь поражен насмерть. Так, очевидно, и было: хотя мы еще целый час оставались на этом месте, на поверхности показывалась только самка с детенышами, а старый самец не всплывал. Кстати, оставались мы против воли местных жителей: они стараются держаться подальше от бегемотов и нарушают это правило только во время охоты, для которой употребляют самые маленькие челны и специальные копья.

Из всех крупных млекопитающих Африки бегемот, по моему, наиболее опасен для невооруженных людей. В естественной обстановке этот зверь терпит поблизости от себя только хорошо знакомые предметы. Все остальное нарушает его покой. Если, направляясь в реку или выходя из нее по проходам, проделанным в тростнике, бегемот встречает какое-нибудь препятствие, будь то бык, лошадь, кабан, ящик, кусок дерева, протянутое поперек одеяло, не говоря уже о человеке, он немедленно бросается на «врага», чтобы расчистить себе путь. Если, однако, препятствие быстро исчезает или (если речь идет о живом существе) скрывается в зарослях, бегемот спокойно направляется дальше, позабыв о «враге», который ненадолго вывел его из состояния оцепенения. Безоружный человек иногда остается невредим после встречи со львом и в большинстве случаев — с леопардом и буйволом, но не может рассчитывать на пощаду со стороны бегемота.

Если охотникам удастся ранить одного из бегемотов, одновременно всплывающих на поверхность, остальные реже поднимаются из глубины. Когда рана смертельна, через час после гибели животного труп его появляется на поверхности и плывет вниз по течению. В подобных случаях жители государства Марутсе знают, как завладеть трупом. На него забрасывают камень, подвязанный к сплетенной из травы веревке. Держа в руке свободный конец, африканец легкими движениями подтягивает к берегу тело исполина. Жители государства Марутсе — страстные охотники на этих толстокожих. Узнав об охотничьих успехах обитателей берегов Замбези и прежде всего марутсе, масупиа *, батока и мамбоэ ** (особенно мамбоэ), цари поселили их в небольших поселках на реке, поблизости от своих резиденций. Переселенцы снабжают царский двор, а также

* Басубиа.

** Мамбва.

вождей племен из провинций, прилегающих к реке, свежей и сушеной рыбой и мясом бегемота.

Марутсе охотятся в маленьких челнах, рассчитанных на одного человека. Управлять ими крайне трудно, но зато они позволяют совершать молниеносные маневры. Для поражения животных служат ассегаи, снабженные крючком и длинной рукоятью. Рукояти делаются из мягкого дерева, а потому ассегаи эти не тяжелее обычного метательного копья.

Когда я приехал потом в Шешеке, мне рассказали об очень печальном случае, который произошел поблизости от города годом раньше.

Один африканец из племени масупиа, спускавшийся по реке, заметил на песчаной отмели спящего бегемота и решил, что справиться с ним будет совсем легко. Стараясь грести как можно тише, он подплыл почти вплотную к животному. Затем покинул лодку, подошел еще ближе и ударил бегемота копьем ниже плеча. Однако железо скользнуло по ребру и причинило незначительное ранение. Почувствовав удар, бегемот поднялся и повернулся так быстро, что человек не успел отпрыгнуть в сторону. Понимая, что бегемот тотчас же перейдет в атаку, африканец бросился на землю, чтобы зверь потерял его из поля зрения, но, видимо, выполнил этот маневр недостаточно ловко и не смог провести даже тупоголового бегемота. Тот ринулся на врага, желая его растоптать. Защищаясь, охотник вытянул правую руку. Бегемот прокусил ее своими острыми зубами, так что она повисла на лоскутке кожи. С той же целью несчастный произвольно вытянул и левую руку, и это тоже привело к полной ее ампутации. Проезжавшие мимо рыбаки нашли африканца уже умирающим.

Я не раз ел мясо бегемота, но не нахожу его особенно вкусным. Местные жители считают лакомством поджаренную кожу животного. Из сыромятной кожи бегемота получают хорошие оправы для ножей: высушенная кожа сжимается и плотно охватывает железную часть инструмента.

Если на расстоянии десяти миль от Шешеке вверх или вниз по течению реки масупиа или марутсе удастся убить бегемота, то почти всегда половину туши они относят царю в Шешеке.

Вечером гиппопотам покидает родную стихию и отправляется пастись. Нередко он проявляет такую привязанность к определенному месту, что может, пройдя по

настигну девять миль, на рассвете снова вернуться именно в тот омут или лагуну, где провел день накануне. О своем пребывании там он даст знать, неоднократно всплывая на поверхность и «трубя». Иной раз бегемотов видят в лесу на расстоянии 9—10 миль от реки, по большей части спящими.

Жители восточной и южной части области матабеле, а также земли машона, куда бегемоты попадают по притокам Лимпопо и Замбези, проявляют большую сноровку в охоте на толстокожих. Торговцы-матабеле рассказывали мне, что сами видели, как машона убивали бегемотов, находившихся в воде, ножами с широким лезвием.

В прежние времена бегемоты были распространены по всей Южной Африке. Наскальные рисунки бушменов доказывают, что бегемоты жили не только в реках, но и в оврагах, дно которых содержит соль.

Мне передавали, что они попадаются еще в водоемах Наталя и Капской колонии. В центральной части Южной Африки гиппопотамы встречаются прежде всего в Лимпопо.

Первое посещение государства Марутсе

Ливингстон был первым европейцем, поведавшим миру об этом сильном африканском государстве. На картах Южной Африки область в среднем течении могучей реки Замбези обозначалась до 1878 года как царство Макололо. Макололо — одно из племен народа басуто. Оно покинуло насиженные места на реке Каледон и переселилось на Чобе, где вступило в войну с местными жителями, подчинило себе древнее государство Марутсе и основало новое. Однако из-за внутренних беспорядков, а также малярии и других болезней ряды завоевателей вскоре поредели. Порабощенные марутсе вновь обрели уверенность в своих силах и, объединившись, выступили против макололо и победили их.

К северу от Марутсе находилось государство Мабунда, которым правили цари из династии Марутсе. За несколько лет до моего путешествия умерла царица Мабунды, которая на смертном одре назначила своей преемницей Мок-

ваи — старшую дочь Сепопо *. Но Мокваи, опасаясь преследований со стороны отца, передала ему управление страной. Поэтому во время своего путешествия я нашел к северу от Замбези объединенное государство Марутсе-Мабунда (Мамбунда) во главе с Сепопо, прямым потомком древнего царского рода Марутсе. Имя Сепопо означает на языке серотсе ** «Сон».

О моем предстоящем приезде он знал уже несколько месяцев и неоднократно справлялся обо мне у Вестбича и Блокли, говоря: «Пора бы уже приехать *ньяке* (врачу), который хочет путешествовать по моему царству, как Монари (Ливингстон)». Я решил воспользоваться представившейся возможностью и формально попросить у царя разрешения на поездку по его государству.

Как только я пришел во двор его жилища, мне бросился в глаза человек, который выделялся среди тридцати присутствующих своим необыкновенно подобострастным и униженным видом. Вместе с тем выражение его лица было настолько хитрым, что он явно не мог быть коренным жителем государства Марутсе. Всмотревшись в него получше, я решил, что это мулат. Улучив подходящий момент, я заговорил с царем о своем деле, спросил, передал ли ему Вестбич мою просьбу, и, получив утвердительный ответ, сообщил о цели своего путешествия.

Выслушав меня, царь несколько минут хранил молчание, а потом задал вопрос:

— Говорит ли белый доктор на серотсе или сесуто?

Я ответил отрицательно.

— Говорит ли белый доктор на языке этих людей? —

Он указал на двух человек, находившихся слева от него. Один был тот самый мулат, который возбудил во мне такое недоверие. На вопрос, кто эти люди, мулат ответил смиренным голосом, приподняв шляпу:

— Мы португальские торговцы из Матимбунду — добрые христиане.

Это были те самые мамбари, о которых я слышал так много плохого. Тот, которого царь представил мне как «большого человека» и доктора, звался Сикенду. Человек этот посмотрел на меня с таким лицемерием во взгляде, что я лишь укрепился в своем первоначальном мнении о

* Правитель государства Марутсе.

** Серотсе и сесуто — языки народов баротсе и басуто.

нем и его товарище. Услышав, что я не понимаю и их языка, Сепопо посоветовал мне изучить его в Шешеке, ибо в качестве проводников и переводчиков эти люди могут оказать мне большие услуги.

Так я узнал, что португальские торговцы из Луанды, Мосамедиша и Бенгуэлы* (позднее я познакомился еще с несколькими) во всех подробностях изучили местность между западным побережьем и озером Бангвеоло, а на восток — до устья Кафуэ, ту самую местность, которая являлась для нас *terra incognita*** . Им были известны не только различные африканские государства и цари, но и вожди племен и даже их характеры. Знали они также все возвышенности и реки, которые приходится преодолевать, путешествуя по этим областям. И все же эти люди, как и их белые коллеги на западном побережье, считали возможным умалчивать о своих познаниях, чтобы не привлекать торговцев других национальностей в области, богатые каучуком и слоновой костью.

Я попросил Сепопо предоставить мне двух проводников, но прежде чем он успел ответить, в разговор неожиданно вмешался Сикенду. В свою очередь приподняв шляпу, он склонил голову до самой земли и, перекрестившись, поклялся именем богоматери, что он и стоящий рядом брат его — самые лучшие христиане в глубине материка, а следовательно, и самые лучшие проводники. Это было, видимо, ответом на недоверчивые взгляды, которые я невольно бросал на них. После того как на несколько минут воцарилось молчание, Сепопо сказал, что было бы хорошо, если бы я смог изучить язык серотсе или макололо. Он считал, что в этом случае я избегну тех трудностей, с которыми встретился Ливингстон во время перехода через северную часть области мамбоэ. Монари не мог объясниться с тамошними жителями, а потому вожди племен решили, что он колдун, упавший с неба вместе с дождем. Чтобы разуверить их, пришлось подарить каждому по ружью.

Сикенду тут же поинтересовался, знает ли «англичанин», что проводникам надо хорошо платить. Сепопо поспешил успокоить его на этот счет. Тогда Сикенду потребовал в качестве вознаграждения за услуги четыре крупных слоновых бивня весом 80 фунтов, я же предложил

* Города в Анголе.

** Неизвестной землей (лат.).

четыре 40-фунтовых при условии, что они будут лежать у Сепопо и проводники получат их только по возвращении из Матимбунду, куда они должны меня доставить. Однако, покидая Шешеке несколько месяцев спустя, я все же не взял с собой мамбари: за это время я узнал, что они торговцы. Было немало и других оснований не доверять им.

В тот вечер, когда обсуждался вопрос о мамбари, Сепопо обещал предоставить мне челны и лодочников. Кроме того, царь обещал отдать жителям прибрежных поселков приказ снабжать меня и моих спутников продовольствием. Вместе с тем он посоветовал мне повернуть на север к озеру Бангвеоло, ибо тогда я смогу путешествовать с носильщиками и обойдусь без челнов, что для царя удобнее, а для меня безопаснее.

Как часто сокрушался я потом, что не последовал этому совету! Мне казалось, что я принесу больше пользы науке, поднявшись по Замбези до ее истоков. К тому же я надеялся, что плавание на челнах меньше утомит меня и сбережет силы для предстоящего большого путешествия по суше.

Поездка на водопад Виктория

В фактории в Панда-ма-Тенге жизнь была ключом. Особенно оживленно было в краале Вестбича, куда съехалось несколько охотников и торговцев. По двору сновали слуги-африканцы, под ногами у них бегали с лаем не менее двадцати собак. К моему огорчению, обнаружилось, что в наш фургон проник дождь, упаковка из звериных шкур промокла и большая часть насекомых, растений и семян совершенно испорчена.

После моего отъезда в фактории произошло немало событий: тяжело заболели лихорадкой несколько торговцев, а придворного царя бамангвато Камы, нанятого на сезон охотником-мулатом Африкой, убил слон; когда Африка вернулся в Шошонг, ему пришлось дать королю 50 фунтов стерлингов отступного.

Вестбич собирался на водопад Викторию, а оттуда на три месяца в Шешеке. Блокли думал тем временем завязать торговые отношения с Ванке, вождем племени мака-

лака, населяющего земли к востоку от водопада. В Панда-ма-Тенге должен был остаться один Брэдшоу, чтобы охранять склад и обменивать товары на слоновую кость у маденассана и масарва.

Тениссен работал не покладая рук: он приготавливал лекарства на случай заболевания лихорадкой. Я же в течение дня обычно готовился к новому путешествию по Замбези, а ночью писал письма и вел дневник.

Десятого сентября 1875 года вернулись Вестбич и Френсис, побывавшие в гостях у Сепопо. Каждый принес по слоновому бивню весом не менее 20 килограммов — подарок их женам от самого царя! На обратном пути они наткнулись на целое стадо крокодилов, не менее тридцати голов, и видели гиппопотамов, один из которых бросился на охотников.

В Панда-ма-Тенге я собрал довольно много всякой всячины, и меня огорчало, что не удавалось найти подходящего слугу или нанять носильщиков. Но печальнее всего было то, что, как сообщил мне один знакомый торговец, Тениссен больше не хотел путешествовать и собирался возвратиться к себе на юг. А я ведь рассчитывал на него и отказался от других предложений! Тениссен был необходим мне, однако раз не везет, ничего не поделаешь. Пришлось рассчитать и Пита, который начал вести себя очень плохо. Я заметил, что, когда хочешь довести до конца какое-нибудь дело, непременно появляются препятствия, они словно волны, отдаляющие пловца от желанного берега. Как нанять слугу? Где взять носильщиков? К счастью, Френсис и Вестбич, узнав о моих злоключениях, обещали сыскать носильщиков в племени мананса, живущем к югу от водопада, или среди матока — их соседей. Однако они поставили неперемное условие: я должен сопровождать их на водопад, куда они собирались вместе с женами. Отказываться было нельзя, и я стал собираться. В эти дни мне удалось нанять одного масупиа, который пришел искать работу с самой Замбези.

Прежде мне никогда не приходило в голову поехать полюбоваться водопадом Виктория: для этого пришлось бы сильно отклониться от моего маршрута, но теперь я не жалею, что побывал там.

Оставив фургон на попечение слуг Вестбича, я отправился с новыми друзьями в путь. Было уже около трех часов утра, когда мы добрались до первых водоемов на Га-

шумской равнине. Чтобы как можно быстрее преодолеть места, где водилась муха цеце, мы решили оставить фургоны с волами около одного водоема и пересечь в тележку, запряженную шестью длинноухими. Наше общество составляли Вестбич и Френсис с женами, Опеншоу и Уолш, я с четырьмя мулатами из Капской колонии, мой новый слуга-масупиа, человек двадцать макалака и матабеле, которые несли провизию, посуду и одежду.

У водоема мы задержались до 15 сентября. Надо было обнести фургоны надежной оградой, так как вокруг мы видели множество львиных следов. Степь была выжжена, только кое-где пробивалась молодая травка, привлекавшая газелей. Они паслись, тесно прижавшись к земле, так что заметить их было почти невозможно. Когда мы подходили, проворные красивые животные вскакивали и удалялись топорливыми прыжками, решаясь оглянуться только с расстояния нескольких сот шагов...

Мы с Опеншоу решили поохотиться на газелей и незаметно для себя довольно далеко отошли от нашего каравана, который уже снялся со стоянки. Возвращались мы с пустыми руками, и тут перед нами внезапно появились две газели. Опеншоу выстрелил в ту, что была ближе, и повредил ей переднюю ногу у лодыжки, но газель ушла и на трех ногах. Мы пошли по следу и вскоре увидели, как она вышла из кустов, выстрелили, но оба промахнулись. Только третья пуля настигла животное — я угодил ему прямо в пах. Газель подпрыгнула и упала. Носильщиков с нами не было, и нам пришлось самим тащить убитое животное по страшной жаре; только через два часа, совершенно выбившись из сил, мы набрали в лесу на наших товарищей.

После обеда мы отправились по глубокому песку дальше и прошли еще 6 миль (всего с утра мы сделали 13). Миновав четыре неглубокие лощинки, мы расположились на ночлег в пятой, самой удобной. По дну ее извивалась речушка, которую окружала высокая густая трава, достигавшая там, где почва была илистой, не менее 2 метров. В этих местах водились разнообразные животные: еще в пути мы заметили стадо жираф (оно прошло в шестистах шагах от нас), а затем видели газелей, антилоп куду, буйволов, слонов, зебр или их свежие следы.

Речушка, близ которой мы заночевали, называлась Чечете. Она бежала тоненькой струйкой то по камням, то по

заросшей тростником топи, образуя местами широкие заводи. Эти прозрачные заводи верхних притоков Панда-ма-Тенги, которые находятся на такой высоте, что туда не добираются крокодилы, составляют достопримечательность гористой местности близ водопада Виктория. Немало часов провел я здесь.

Вода в заводях спокойная, совершенно чистая: видно, что крокодилов здесь нет. С легким сердцем ложишься на траву и наблюдаешь жизнь под сверкающей гладью. Дно испещрено темными и светлыми полосами различной ширины, над ними несколькими ярусами поднимается сборчатая ткань водорослей, напоминающая нежные облачка на лазурном небе; слева, недалеко от места впадения речушки в заводь, ткань гуще, ее хитросплетения похожи на лабиринты, образуют гроты; справа скопления водяных растений складываются в панораму, напоминающую разрушенную крепость. Вот гора, на ней четырехгранник главной постройки, караульные помещения, башня... Все они связаны стеной, в которой виднеется брешь — отверстие в нижнем ярусе водорослей, где проплывают рыбки, — оно походит на ворота в готическом стиле.

От дальнего берега до самой середины по дну выстроились темно-зеленые колонны; под водой они кажутся намного толще, чем на самом деле. Это стебли тростника, верхушки которого шелестят над водой. На поверхности заводи привлекают внимание три больших, блестящих листа, один из них украшен великолепным голубым цветком водяной лилии. Как мерцающая звезда, красуется он на зеркальной глади. У самого дна видишь растения, похожие на папоротник.

На первый взгляд кажется, что все это царство зелени дремлет, но еле заметное движение воды, причиной которого является впадающая в заводь речушка, заставляет растения колышаться; быстрее, медленнее, потом опять быстрее и вновь медленнее раскачиваются стройные колонны из тростника; гроты и башни из водорослей дрожат; тянутся к речке длинные побеги растений, словно бы вознамерившиеся уплыть отсюда; водяные растения с желтыми цветами и папоротники распрямляются, устремляясь по временам ввысь, к голубому цветку, признанному властелину этого небольшого мирка, колышавшемуся на зеркальной поверхности заводи, где днем его согревают лучи солнца, ночью охлаждает сумрак, утром освежает роса.

А как интересен животный мир водоема! У самого дна, посдадь от растений, дремлет несколько рыб, напоминающих полосатыми спинками наших окуней; они едва заметно шевелят плавниками и хвостовым оперением. Иногда из зеленого лабиринта выплывают небольшие длинноусые сомы; они идут парами, рядом или друг за другом, играя и резвясь. А что это за темное в желтую полоску существо, притаившееся в камышах на противоположном берегу? Змея? Да нет же: это легуан*; он подкарауливает мелких обитателей заводи, которые служат ему пищей. Все эти жучки и паучки живут кипучей жизнью. Одни, запасшись крохотным пузырьком воздуха, торопятся вниз, чтобы отдохнуть под листьями водяных растений, другие стремительно поднимаются вверх. словно канатоходцы, балансируют по стеблям водяных лилий их личинки и куколки.

На следующий день утром мы двинулись дальше, намереваясь 17 сентября во что бы то ни стало быть у водопада. Последний день наших странствий явился для меня началом невообразимых мучений. Дело в том, что, желая сохранить свою обувь для длительного путешествия, я перед походом к водопаду купил у торговца башмаки, которые развалились уже на следующий день, так что мне пришлось привязывать их остатки к ноге ремешками. Прибавьте к этому, что каменистый грунт, по которому мы шли, днем раскалялся под лучами солнца.

Я шел быстрее, чем мои спутники, чтобы иметь возможность опередив их, немного посидеть, и первым услышал глухой гул, напоминающий дальние раскаты грома. Долго я не мог взять в толк, что это такое, пока не сообразил, что слышу шум знаменитого водопада.

В продолжение дня мы несколько раз перебирались через реку Матопа, иногда с большими трудностями, однако я неуклонно шагал впереди, мечтая только о том, как бы отдохнуть несколько часиков. Меня одолевала усталость; к вечеру я нес подметки от разбитых башмаков в руках, надеясь дойти до водопада босиком. С каждой минутой усталость чувствовалась сильнее, к тому же я давно не ел. Наконец, в четыре часа пополудни, я увидел водопад. Пробравшись через кусты, я остановился на краю пропасти,

* Большая ящерица, которая водится в Америке. Говоря о существовании этих пресмыкающихся в Африке, автор допускает ошибку.

в которую низвергался могучий поток воды. Никогда не забыть мне этой картины!

От голода я едва держался на ногах, и мне пришлось пренебречь великолепным зрелищем, чтобы поискать на берегу каких-нибудь диких плодов. Я не шел, а скорее полз, держась за деревья и кусты, чтобы не свалиться. Наконец на одном из деревьев мне попался плод, я сбил его камнем, расколол желтоватую скорлупу и съел содержимое. Через несколько минут я почувствовал себя очень плохо, началась рвота. Из последних сил я подполз к реке, напился и словно родился заново: вода Замбези меня воскресила. Чтобы привлечь к себе внимание спутников, я выстрелил несколько раз из ружья, но ответа не последовало. Через полчаса, немного отдохнув, я поднялся на ноги, пошел по направлению к лесу и тут-то увидел всю компанию.

Тот, кто путешествует по местам, богатым дикими животными, знает, что на месте каждой новой стоянки первым делом следует соорудить надежную ограду — *скерм*: только внутри ее можно спокойно провести ночь. Обычно *скерм*, состоящий из высоких кольев, вбитых в землю и переплетенных ветками, имеет форму полумесяца. В огороженном таким образом пространстве устраиваются на ночлег, открытую же часть ограничивают кострами. Дежурные всю ночь поддерживают в них огонь.

Мы соорудили четыре *скерма*. В одном разместились обе супружеские пары, в другом поселили холостяков — Уолша, Баурена, Опеншоу и меня, третий отдали мулатам из Капской колонии, — они считали себя благороднее зулусов и матабеле и не желали спать рядом с ними, — в последнем устроились все слуги-африканцы.

Мы пробыли у водопада три дня. Несмотря на то что у меня страшно болели ноги, я считаю эти дни самыми счастливыми за время моего пребывания в Южной Африке. Водопад Виктория на Замбези — одно из удивительнейших явлений природы. Одни водопады, как, например, Ниагарский, поражают мощной массой падающей воды, другие — высотой обрыва, с которой она низвергается. Виктория же вызывает удивление и восхищение не только самим каскадом, состоящим из множества отдельных струй, но и стоком бурлящей воды меж отвесных скал по глубокому и узкому ущелью, которое в тринадцать раз уже, чем река выше водопада.

К сожалению, край пропасти, куда устремляется поток, настолько скользкий, что подойти к нему невозможно. Поэтому мы остановились в двухстах шагах от темно-бурой отвесной стены высотой 400 футов. Основания ее не видно: с вершины низвергаются в пропасть воды Замбези.

Примерно в ста шагах от западного берега несколько островов, покрытых буйной тропической зеленью, делят единый поток на струи. А со стороны восточного берега его дробят около тридцати больших и малых скалистых островов, расположенных чуть выше пропасти. Между зелеными островами и западным берегом обрыв круче. Поэтому вода с силой устремляется здесь к его краю и низвергается цельной лавиной шириной в сто шагов. Между нею и соседней струей виднеется большой участок темно-коричневой стены. Она проступает повсюду между узкими и широкими светлыми струями, которые летят в глубину подобно стрелам или падают отвесно вниз. На фоне темной скалистой стены водопад выглядит еще эффектнее и прекраснее.

Некоторые струи настолько узки, что не достигают дна и превращаются по пути в водяную пыль, которая поднимается вверх. Другие — шириной от 3 до 5 метров — распыляются только по краям. Дальше виднеется широкая струя, которая, коснувшись выступа скалы, превращается в каскад. Наиболее мощной показалась мне струя, падающая в глубину со стороны левого берега. По многообразию водяных струй водопад не имеет себе равных.

На севере над водопадом — лазоревая даль, на ее фоне виднеются восхитительные пальмы, растущие на островах. Их зелень красиво гармонирует с цветом неба и с темно-синими полосами воды, окаймляющей берега и острова. Река течет так медленно, так спокойно, что, кажется, не движется совсем. Но если проследить за ее течением, замечаешь, что оно становится все более быстрым. Волны достигают цепи скал, выступающих из воды. Отброшенные назад, они устремляются в промежутки между этими препятствиями, стремительно мчатся к краю пропасти и с грохотом летят в глубину.

Стоя на краю пропасти, мы наслаждались прохладой в тени сикомор и мимоз, чувствуя себя словно под раскрытым зонтом. Лианы толщиной в руку спиралью обвивали деревья или свисали с них подобно канатам. По ним лазали обезьяны. Густые заросли пальмового кустарника и ги-

гантские папоротники придавали берегу особенно нарядный вид.

Мы ходили по пружинящему ковру из цветущих мелких растений и мха, пропитанному влагой водопада. Над ним стоит столб водяной пыли высотой несколько сот футов — его видно и за 50 миль. Вздыхаясь ввысь, водяная пыль издает своеобразный, слегка звенящий звук, услышать который можно в тех случаях, когда ветер немного ослабляет шум, доносящийся с невидимого дна пропасти. Грохот оглушает, притупляет все чувства. Кажется, что большая скала, на которой ты стоишь, сотрясается, словно грохот исходит из пещеры под ногами. Если бы только заглянуть на дно! Это могло бы успокоить. А так кажется, словно ты попал в преддверие ада, где смешались все стихии. Каким ничтожным и слабым чувствует себя человек перед лицом природы!

Накануне отъезда, 20 сентября, произошло забавное приключение. Когда я вернулся в лагерь после очередной прогулки к водопаду, пришел с охоты на птиц Уолш и объявил, что не более чем в 1200 метрах от лагеря он видел льва, который, направляясь к реке, переходил через лужайку, поросшую высокой травой. Мы посоветовались и решили преследовать льва; к несчастью, обе дамы заявили, что и они пойдут с нами. Супруга Френсиса твердила, что уже не раз бывала на охоте и ни за что не откажется от такого интересного зрелища. Жена Вестбича — она была замужем всего несколько месяцев — объявила, что не покинет мужа в опасности.

Долина Замбези окаймлена песчаной грядой, отстоящей от реки где на сто шагов, а где на несколько миль. Вся долина покрыта густым лесом, а близ реки находится несколько довольно больших лужаек, заканчивающихся у самой воды пальмовым кустарником, шириной 2—3 метра. Уолш собирался перейти такую лужайку, когда из-за дерева показался лев и скрылся в кустарнике на противоположной стороне.

Мы остановились у этого дерева, рядом с которым было другое, служившее опорой для огромного термитника, и разделились на четыре партии. В первой были Вестбич, Френсис, Уолш и я, во второй — Опеншоу, Баурен и мулаты, два их товарища вместе с двумя матабеле составляли третью, а в четвертую вошли остальные африканцы, вооруженные ассегаями и палицами. Первые три группы

должны были пойти к кустарнику, четвертой было приказано оставаться на невысоком пригорке и немедленно сообщить, если покажется что-либо подозрительное.

Не успели мы пройти и пяти шагов, как нас окликнули дамы. Им казалось, что под деревьями небезопасно; они хотели, чтобы мы помогли им взобраться на термитник. Мужья выполнили их желание, после чего мы с великими предосторожностями двинулись вперед по высокой траве.

До кустарника оставалось не более 2 метров. Лев не подавал никаких признаков жизни, и преследователи было расхрабрились; однако их энтузиазм исчез, как только из кустов послышался громкий рык. Хищник был близко; он в любую минуту мог выскочить и загрызть любого из нас. Прежде чем мы сообразим, что происходит. Мы остановились, внимательно всматриваясь в кустарник, но ничего не увидели. Кто-то посоветовал отступить. Целясь из ружей в то место, откуда послышался рык, мы начали отходить. Несколько выстрелов по кустам не дали никаких результатов; тогда мы подожгли сухую траву, чтобы выкурить льва из его укрытия, но судьба не благоволила к нам: ветер дул в нашу сторону, мы сами едва не задохнулись. Опять закричали дамы. Ветер пригнал дым к дереву, на которое они взобрались для большей безопасности, и теперь они задыхались. Забыв про льва, мы побежали спасать дам.

Продолжать охоту уже не хотелось, и мы начали подумывать о том, как бы вернуться в лагерь, но Вестбич — за ним водилась слава необыкновенно удачливого охотника — не хотел и слушать о возвращении, да и его молодая жена ни за что не соглашалась упустить такой случай. Пришлось осматривать кустарник вновь.

На этот раз только супруга Вестбича осталась на прежнем месте под защитой слуг-африканцев. Мы шарили в кустах, как вдруг услышали крик о помощи. Разом оглянувшись, мы увидели, что жены Вестбича нет на месте. Первым пришел в себя Вестбич и повернул назад. Мы поспешили следом и были очень удивлены, когда он, внезапно вскрикнув, тоже исчез. Крайне встревоженные, мы не заметили, что матабеле, которые спешили нам навстречу, громко смеются. Тут Френсис — он бежал впереди — сделал два больших прыжка, тоже захохотал и, отбросив ружье прочь, устался в землю.

— Подайтесь в сторону! — крикнул он.

Из травы появилась голова Вестбича, затем и он сам, а вскоре мы увидели и супругу нашего предводителя.

Ларчик открывался просто: когда охотники племени мананса еще не имели огнестрельного оружия, они выкопали множество ям для ловли зверей. Длина ям была 3—4 метра, глубина — 2,5—3, ширина чуть больше полуметра. Животное угодившее в яму, уже не могло из нее вырваться. В таком же положении оказалась и жена Вестбича, а ее супруг, поспешивший на помощь, ввалился в другую яму, на противоположном краю лужайки. Пострадавшие, к счастью, отделались легкими царапинами. Однако и этого было достаточно, чтобы прекратить охоту и вернуться в лагерь.

Вечером нас посетили люди из племени батока с другого берега, и мы спросили, много ли тут львов. Они сказали, что есть один лев недалеко от нашей стоянки, но он здесь очень давно и настолько привык к людям, что они чувствуют себя в полной безопасности даже ночью.

Второе посещение государства Марутсе

Ниже я расскажу подробнее о крокодилах, обитающих в центральной части бассейна Замбези, сейчас же хочу упомянуть о трагедии, которая разыгралась незадолго до нашего прибытия поблизости от пристани*.

Человек из племени масупиа с женой и дочуркой плыл вдоль левого берега Чобе. Только он остановился, чтобы нарезать тростника для своего жилища, как порыв ветра перевернул челн и все трое оказались в воде. Благодаря тому, что течение в этом месте сильное, мать и дочь благополучно достигли песчаной отмели. Они видели, как глава семейства пробирается сквозь тростник к берегу. Он уже был почти у цели и подтянулся на высокий и крутой обрыв, но сорвался. После нескольких попыток ему удалось наконец схватиться за свисавшую ветвь кустарника. Через мгновение он оказался бы наверху, но тут крик радости замер на устах у его родных: в тростнике показалась бесформенная туша. Крокодил бросился к масупиа, схватил его

* Близ Шешеке.

за ногу, уже поднятую из воды, и потащил несчастного за собой в реку.

Однажды, гуляя после обеда, я вышел к реке, на берегу которой заметил большую толпу энергично жестикулирующих жителей. Оказалось, что волны реки только что выбросили на берег труп девушки, убитой во время купания крокодилом. Это животное не в состоянии проглотить человека или крупное млекопитающее и увлекает его на дно. Когда жертва перестает биться, крокодил разжимает свои огромные челюсти и выпускает ее. Крокодил остается сторожить труп, пока не начинается процесс разложения и мертвое тело под воздействием газов не всплывает на поверхность. Только тогда крокодил разрывает труп на части и пожирает его. Если, однако, рыба или какой-нибудь предмет отвлечет внимание зверя от еды, крокодил не дохнет до трупа, пока не наступит ночь.

Сепопо и его подданные сообщили мне, что ни в одной части его страны крокодилы так не свирепствуют и не внушают такого страха жителям, как в окрестностях Шешеке. Незадолго до моего прибытия крокодилы вытащили из челна мужчину. Несколько дней спустя погиб купавшийся в реке мальчик. Пока я жил в Шешеке, хищные пресмыкающиеся убили более тридцати человек.

Маленькие крокодилы попадаются иногда в сети вместе с рыбой, взрослых же ловят на огромные крючки и затем убивают. Конструкция приспособления для ловли очень остроумна. Оно состоит из железного крючка, нескольких тонких веревок из коры, каната из того же материала и связки тростника. Приманку, в которую спрятан крючок, удерживает сеть. Несколькими очень прочными веревками длиной около 4 метров и толщиной в ствол птичьего пера крючок привязывают к канату, в свою очередь прикрепленному к связке тростника. Длина каната 3—4 метра.

Крокодилы губят много людей, но и царские охотники не бездействуют. Они кладут связки тростника на берег, приманку с крючком (обычно разлагающееся мясо собаки) укрепляют на трех тростинках так, что оно как бы покоится на стульчике. Учув запах мяса, пресмыкающееся подплывает, но не трогает его до наступления ночи. Затем, приподнявшись из воды, оно хватает приманку. Однако острия крючка не только мешают проглотить мясо, но и не дают сомкнуться огромным челюстям, и речная вода вливается в гортань и бронхи. Крокодил ныряет в глубину,

мало-помалу его попытки освободиться от засевшего в гортани крючка ослабевают, и животное отдается во власть течения. Связка тростника, увлекаемая рекой, дает точные сведения об этой борьбе. Через полчаса-час пресмыкающееся выбивается из сил, и течение приносит его к берегу или выбрасывает на песчаную отмель.

В Шешеке случалось, что на пять выставленных крючков попадалось за ночь два-три хищника. Однажды, когда были поставлены пять крючков, я отправился на берег, чтобы посмотреть, чем кончится охота. Три крючка исчезли, зато по реке к Шешеке поднялись три больших челна с двумя лодчиками в каждом. В челнах лежало по огромному крокодилу, в брюхе которого мог бы свободно уместиться человек. Животных вытащили на берег, и люди Сепопо отрезали им головы.

Копьями крокодилов убивают, только если находят еще живыми с крючком в гортани или случайно встретят при рыбной ловле, охоте на слонов, бегемотов и выдр. Крючки для охоты на крокодилов, как и рыболовные сети, являются собственностью царя.

Двадцать седьмого октября должна была наконец состояться давно намечавшаяся охота на слонов. Уже на рассвете во всем Шешеке царило необычное оживление. Царский двор был настолько забит вооруженными людьми, что я с трудом туда протиснулся. Как раз в это время царь стал раздавать порох и пули. Я поспешил к своим друзьям-англичанам, чтобы сообщить им о предстоящем развлечении, но они уже знали о нем от самого царя и, хотя он не прислал им формального приглашения, тоже собирались участвовать в охоте.

Особенно людно было между царским двором и рекой, а также на берегу. Крича и смеясь, жители шли или бежали к пристани — я никогда еще не видел их такими веселыми и приветливыми. Подобное волнение объяснялось тем, что большие охоты бывают редко, к этой готовились уже несколько месяцев, она неоднократно откладывалась — все это делало ее еще привлекательней, а кроме того, среди охотников был сам царь и трое белых.

У нашего берега виднелось множество челнов, стоявших почти вплотную друг к другу. У противоположного находилась целая флотилия. Гребцы, расположившиеся на песке, были готовы отчалить в любой момент. Вдоль берега шли толпы людей. Они хотели спуститься до реки Каштен,

там дожидаться флотилии и с ее помощью переправиться на противоположный берег. Это были большей частью манкоэ, мабунда и западные макалака, которые прибыли в Шешеке с караванами. На берегу перед Шешеке вожди выстроили своих людей. Их челны ждали в условленном месте, а гребцы либо сидели в них, либо на берегу запасались водой и подготавливали оружие. Больше всего хлопот доставляли ружья.

Царь собирался уже покинуть свой двор, но к нему подошли мои английские друзья, чтобы напомнить об обещании, которое он им столько раз давал. Тут выяснилось, что Сепопо просто не хотел, чтобы они охотились. Во-первых, он привык каждого убитого слона считать своим трофеем. Даже если сам он не уложил ни одного животного, все равно говорилось, что всех слонов застрелил царь. Во-вторых, он опасался, что, убедившись, как много здесь слонов, белые зачествят в его страну. Однако под давлением нескольких вождей царь в конце концов уступил и предоставил охотникам (к ним присоединился торговец по имени Дорхилл) один из своих челнов.

Ближе к полудню царь дал сигнал к отправлению и под звуки оркестра вся эскадра — только у Шешеке находилось около двухсот лодок — двинулась в путь. Я очень сожалел, что сам не участвую в охоте: не хотелось возбуждать у царя подозрение, что я намерен, путешествуя по его государству, убивать слонов.

Двадцать девятого октября я остался сторожить наш двор, а Вестбич со своими слугами отправился на охоту. Им повезло больше, чем мне накануне, и они притащили домой антилопу лечве. В теле бедного животного засело не менее десяти пуль. Мне кажется, ни одна антилопа не обладает столь развитыми шейными мускулами, как лечве.

Тридцатого к нам пришли несколько марутсе. На лбу и на груди у них были повязки из змеиной кожи. Они верили, что повязки предохраняют от болей в голове и груди. Кроме того, по словам этих людей, повязки должны были ограждать их и от голода. Известно, что для этого же макалака носят на нижней части туловища ремни, а матабеле перевязываются кусками ткани.

К вечеру пришли за продуктами двое гребцов с челна, предоставленного белым. Они сообщили, что охота до сих пор не принесла удачи и на следующее утро будет продолжена. Еще через час неожиданно вернулись Дорхилл и

Коули. Они были очень огорчены и разочарованы. Вместе с Сепопо и наиболее знатными его подданными они заняли позицию в зарослях тростника и стали ожидать приближения слонов, которых уже выследил авангард охотников. Но царь оказался настолько неосторожным, что выстрелил с дистанции шестидесяти шагов. Стадо немедленно обратилось в бегство и рассеялось в делях. Поблизости от царя находилось восемьсот стрелков и столько же загонщиков. Как только слоны побежали, все ружья выстрелили по ним. При этом многие охотники даже не приложили оружие к щеке, а потому не приходится удивляться, что было убито всего пять слонов. Англичане бросились на землю, чтобы уберечься от пуль, которые летели, как градины, во все стороны.

Вся масса загонщиков действовала очень неумело — на ее месте двое масарва успели бы куда больше. Неудовольствие по поводу неудачной охоты царь выразил обычным способом: лупил палкой своих подданных до того, что у него разболелись руки.

Собираясь в лес, он намазался всякими снадобьями, надеясь, что они помогут ему справиться со слонами.

Первого ноября я предпринял большую экскурсию в окрестности Шешеке. Еще до восхода солнца я прошел место, где стоял Старый Шешеке, а затем взял направление на запад. Слева от меня раскинулась долина Замбези — необозримая равнина, поросшая деревьями и тростником. Ее пересекали многочисленные рукава реки, глубокие и достигавшие нескольких миль в длину. Опушка леса, вдоль которой я продвигался, находилась примерно на 20 футов выше уровня реки. Некоторые лагуны простирались в северо-западном направлении от реки до самого леса и несколько миль тянулись вдоль него.

Милях в 10 от Шешеке, над одной из лагун, я заметил двух птиц-змей. Эти существа, которые сидели на голом суку, свешивавшемся к воде, производили странное впечатление: приземистое изогнутое тело и короткие ножки не гармонировали с длинной и тонкой шей, которая, ни на минуту не останавливаясь, совершала движения, похожие на змеиные. Еще более удивительной кажется эта птица, когда плавает. Все ее тело, а также половина длинной шеи погружаются в воду. Над поверхностью возвышаются только головка с очень острым клювом да наиболее тонкая часть шеи. Я встречал эту птицу в восточной части Кап-

ской колонии, а затем — на Замбези. Трудно поверить, что она способна настолько расширить глотку, что без особых затруднений заглатывает целую рыбу шириной в ладонь. Мне удалось подстрелить несколько птиц-змей, но они упали в воду, а достать их было нелегко, так как лагуна кишела крокодилами.

Вскоре мы наткнулись на свежие следы буйволов. Мы пошли по следу и вернулись в лес, потом миновали африканское селение и снова углубились в лес. Примерно в 3 милях за деревней мы обнаружили рядом со следами полуразжеванные стебли травы и насторожились, полагая, что животные совсем близко. В окрестностях Шешеке лес в этом направлении довольно густой, но низкорослый. Часто попадаются поляны, покрытые высокой травой, а также заросли кустарников, которые чрезвычайно затрудняют передвижение.

Мы шли согнувшись на расстоянии трех шагов друг от друга, все время пристально всматриваясь в окружающую местность. Вдруг Чукуру, слуга из племени матока, велел остановиться и, наклонившись вперед, прошептал:

— Буйволы.

— Где? — спросил я. — Не вижу ни одного.

Чукуру слегка надавил на мое плечо, чтобы заставить нагнуться ниже. Его жест поняли и все остальные и залегли за деревьями. Посмотрев в указанном направлении, я заметил примерно в ста двадцати шагах темные тела, лежавшие на земле. Это были буйволы. Голова одного была обращена в мою сторону. Я прицелился и выстрелил. Пуля попала животному в мясистую часть затылка, и оно начало кататься по земле. Однако мгновение спустя буйвол вскочил. Его примеру последовали и остальные животные. У меня не создалось впечатления, что буйвол тяжело ранен.

Мы преследовали стадо очень осторожно: и нам, и слугам было хорошо известно, как хитер раненый и разъяренный буйвол, хотя в спокойном состоянии он менее опасен для безоружного человека, так как лучше бегемота отличается врагов от безвредных для него предметов.

Раненый буйвол до последнего момента старается сблизиться с противником, чтобы уничтожить его. Для этого он придерживается определенной тактики: отбежав от врага, он старается спрятаться в кустарнике и дожидаться своего преследователя, затем выскакивает и бросается на него.

Южноафриканскому буйволу удается иной раз перехитрить и тяжело ранить даже опытного охотника. Иногда животное довольствуется тем, что, опустив голову, кидается на человека и подбрасывает его вверх (жертва, как правило, получает вывих ноги, перелом руки или ноги), иногда же прибегает к помощи копыт, прижимая рогами к земле тело сбитого с ног охотника. Мне известен случай, когда на Лимпопо буйвол убил белого и трех африканцев и тяжело ранил четвертого.

Буйволы остановились в двухстах шагах от того места, где мы впервые их заметили. Подойдя ближе, мы увидели, что передние стараются учуять нас. Когда расстояние сократилось до пятидесяти шагов, они обратились в бегство. Только один сначала брел за ними медленным шагом, а потом остановился, стараясь укрыться за деревом. Я велел моим спутникам стоять на месте, чтобы они отвлекали на себя внимание животного, а сам подполз и всадил в него пулю. Буйвол опустился было на землю, но тотчас поднялся. Держать под ветром, я продолжал ползти к нему и выстрелил еще раз. Эта пуля попала животному в грудь. За нею тотчас же последовала другая, поразившая левую лопатку. Тут буйвол выбрался на сравнительно свободное место и опустился на колени. Слуги, распевая и пританцовывая, бросились к нему. Я же с двадцати шагов попал ему еще за ухо, после чего голова его откинулась назад, могучие ноги вытянулись — и обладатель их стал нашей добычей. Теперь уже слуг невозможно было удержать. В несколько прыжков они очутились на туше и принялись свежевать ее. Затем развели костер, поджарили кусок сердца, после чего выломали бедренную кость, разбили ее и положили на огонь костный мозг.

К вечеру мы с Нарри отправились домой, остальные же слуги остались в лесу, чтобы окончательно разделать тушу. Из-за диких зверей — повсюду виднелось множество львиных следов, а на опушке у следующей лагуны были замечены и следы леопарда — мясо пришлось подвесить на дереве. Ночью разразилась сильная гроза. Слуги не смогли развести костер, и им пришлось провести ночь скрючившись на том же дереве.

В тот момент, когда я достиг города, поднявшийся ураган перевернул лодку, полную рыбы, — весь улов двух рыбаков. Как ни странно, рыбаки добрались до берега невредимыми, поверхность же реки покрылась мертвой рыбой,

которую течение быстро прибило к берегу. Мгновенно, словно из-под земли, появились ребята, которые решили завладеть добычей рыбаков. Некоторые успели уже сбросить накидки из шкур и наполнить их рыбой, как вдруг между ними началось какое-то движение. Те, кто находился ближе ко мне, бросили рыбу и поспешили вскарабкаться вверх по берегу. Оказалось, что на ребят хищной птицей ринулся надсмотрщик за рыбаками, о сани которого свидетельствовало красное шерстяное одеяло. Палка его заплясала по спинам маленьких флибустьеров.

Утром 2 ноября я немного удивился, увидев множество вооруженных людей, спешивших к лесу, расположенному на западе от города. Не могло быть и речи о том, чтобы они двигались навстречу врагу. Вскоре загадка разрешилась: к нам подошли гонцы, передали приветствие своего вождя и пригласили участвовать в охоте на львов. Четыре льва напали на царские стада и убили четырех быков. Вестбич и Уолш отклонили приглашение, а мы с Коули последовали за гонцами.

Коули, восемнадцатилетний юноша с розовым девичьим лицом, симпатичный и очень предупредительный, страдал, на мой взгляд, только одним недостатком: он хотел любой ценой стать новым Гордоном Каммингом*. Несмотря на свою юность, он убил уже двух львов, и мне была понятна поспешность, с которой он устремился в лес, чтобы прибавить к ним еще одного. В охоте принимало участие около ста семидесяти человек, но только четверо имели ружья. В дальнейшем я имел случай заметить, что марутсе мужественно идут на льва только в том случае, если он причинил им ущерб.

Через полчаса, когда я обогнул лагуну, навстречу мне показалось целое шествие. Охотники шли по следу самого большого льва. Предварительно они опросили пастухов и выяснили во всех деталях, что именно произошло. Никто не предполагал, что хищники отважатся подойти так близко к городу, а потому царские стада оставались ночью на открытом месте, пастухи же спали в шалашиках из травы.

Как только мы присоединились к охотникам, толпа разделилась. Несколько человек в сопровождении двух собак пошли по следу. За ними двигались мы с Коули, а замы-

* Знаменитый охотник.

кали шествие, громко крича и жестикулируя, остальные охотники. Однако, когда следы привели нас к зарослям колючих кустарников, сквозь которые даже собакам было трудно пробиться, каждому пришлось прокладывать себе путь. Ясно, что при этом было нелегко держать ружья наготове. Еще более затруднительным стало наше положение, когда следы привели к высохшим водоемам, заросшим высоким тростником.

Мы увидели зверя не сразу, и это придало храбрости африканцам: они решили, что лев, чувствуя свою вину, обратился в бегство. После часа преследования мы вышли из ложины и поднялись на дюну, заросшую колючим кустарником. В этот момент собаки яростно бросились в сторону соседнего оврага, который пересекал наш путь, соединяясь с ложиной. Он имел около 3 метров в глубину и 8 в ширину и тоже зарос тростником. В этом месте след был настолько свежим, что у нас не осталось сомнений: хищник где-то вблизи. Тогда мы попросили местных жителей, толпой шедших позади, как можно больше шуметь. Я обошел впадину по краю и занял позицию на противоположной стороне. Коули же пустил собак в тростник. Между тем ко мне подошли несколько африканцев, в том числе Марансиан*.

Лай собак показал, что хищник обошел нас и находится позади. Мы его не видели, но я надеялся, что замечу зверя снизу, с противоположного края зарослей тростника, и решил пересечь их. Пока я спускался, за мной последовали все африканцы. Вскоре около ста человек достигли намеченного места и принялись искать хищника, но безуспешно. Коули стал на левом фланге, а я избрал позицию, откуда удобнее всего было стрелять во льва, если он выйдет. Однако, сколько ни кричали африканцы, сколько ни бросали в гущу тростника камни и ассегаи, лев не показывался. Тогда я велел африканцам вернуться на место, где меня обошел лев, и обыскать заросли, тыча в них копьями.

Поднялся адский шум, все орали во всю силу легких, держа оружие наготове. Марансиан стоял в двадцати шагах впереди меня. Его окружали подданные, вооруженные ружьями. Преследователи все больше смелели, видя, что зверь не выходит из своего убежища. Вдруг словно сверкнула молния. Это львица прыгнула из кустарника в трост-

* Местный вождь.

ник перед нами. Прежде чем ее успели поразить металлические копья, последовал второй прыжок. Громко рыча, львица бросилась на двойной ряд охотников в каких-нибудь пятнадцати шагах от меня. К сожалению, в этот вообще-то благоприятный момент мне не удалось выстрелить: я боялся попасть в толпу, находившуюся между мной и зверем. Львица разбросала людей, не причинив никому серьезных ранений, а затем, сделав третий прыжок, исчезла в особенно густом кустарнике, который начинался в двух шагах от нас и достигал высоты 12 футов. Все мы немедленно повернулись к ее новому убежищу. Марансиан приказал своим людям ломать тростник и гнать хищницу к противоположному краю зарослей.

Нас очень удивляло, что собаки молчат. Они исчезли в зарослях, и только после того, как люди принялись ломать тростник, до нас донесся с поляны их лай.

Мы бросились туда со всех ног и увидели, что львица удирает, делая большие прыжки. Собаки гнались за нею. Последовавшая затем сцена достойна, вероятно, кисти художника. Представьте себе заросшую высокой травой поляну длиной 800 метров и шириной 600—700. С юго-запада и запада она окаймлена зарослями тростника, с севера — густым кустарником. На этом фоне, впереди своры собак, — желтое тело львицы. За нею мчатся собаки, которых не всегда удастся различить, а позади — толпа преследователей — около двухсот черных людей. Люди стараются обогнать друг друга, задние идут быстрым шагом. На большинстве только красные, белые или коричневые набедренники, у некоторых на плечах плащики — кароссы, которые при быстром беге развеваются. Одни размахивают длинными копьями, другие положили их на плечи. Те, кто впереди, ободренные бегством львицы, выпускают громкие крики, задние затягивают мелодию львиного танца.

Львица укрылась метров за 800 в зарослях тростника, имеющих очертания треугольника площадью около 70 квадратных метров. С северной, более длинной, стороны его окаймляла заросшая кустарником песчаная дюна высотой 10 футов. Марансиан с отрядом из шестидесяти отборных охотников расположился примерно в 8 метрах впереди заросли. Я встал на восточном крае, наверное в 5 метрах от основания треугольника, лицом к нему. Коули укрылся за кустом на дюне приблизительно в тридцати шагах за мной, ибо полагал, что преследуемая снизу, львица взбежит на

дюну и попытается ускользнуть вдоль нее. Рядом со мной расположилось человек десять местных жителей.

Тут разыгрался, пожалуй, наиболее интересный эпизод нашего приключения. Охотники, находившиеся с Марансианом, начали ломать тростник примерно на половине высоты, прыгая на него. Заросли тростника передо мной постепенно превращались в качающуюся темно-зеленую платформу высотой 4 фута: из-за того, что сохранять равновесие на ней было чрезвычайно трудно, около сорока черных тел выделявали такие пируэты, что, несмотря на серьезность положения, я не мог удержаться от смеха. Один растянулся во всю длину, сделав сальто-мортале, двое других попадали на спины.

Сцена менялась каждое мгновение. Африканцы начали с вершины треугольника и продвигались к основанию его, где находились мы. Постепенно они переломали весь тростник. Незатронутым оставался только уголок у дюны. Львица несомненно отступала назад, и каждое мгновение следовало ожидать, что она выпрыгнет из своего убежища. Напряжение и возбуждение все росли, только Марансиан оставался на своем месте и сохранял полное спокойствие.

Вдруг раздалось сердитое рычание — из нетронутого тростника выпрыгнула львица и бросилась на своих преследователей. Один из них выстрелил, пуля ударила в песок справа от меня. Несколько человек метнули в зверя копьа; львица вернулась в свое убежище и присела на задние лапы, готовясь к спасительному прыжку на дюну. В этот момент, завидя голову животного, я бросился вперед и выстрелил с расстояния 2 метров. В то же время в тростник полетели три копьа, которые поразили хищницу, сразу переставшую рычать. Львица была мертва, но для страховки мы с Коули одновременно выстрелили в нее, и прежде чем труп зверя вытащили из тростника, в него вонзились еще двадцать копий. После этого к нему поочередно стали подходить участники охоты и, бормоча заклинания, втыкали в тело зверя свои ассегаи. Поскольку львы задрали быков, принадлежавших царю, череп убитого зверя должен был послужить талисманом и украсить собой изгородь, окружающую крааль для скота в Шешеке.

Мы с Коули вернулись домой, а трофей с шумом и пением доставили после полудня в город. Двое сильных мужчин несли на палках тело львицы; передние и задние лапы ее были связаны, а голова почти волочилась по земле. Ус-

лышав, что процессия приближается — это было почти в одно время с возвращением моих слуг, доставивших мясо буйвола, — все остальное мужское население вышло встречать охотников. Встречающие били в барабаны и исполняли львиный танец. При этом толпа разделилась на две группы — тех, кто нес добычу, и охотников. Во главе последних шел сановник, руководивший облавой. За ним следовали охотники, находившиеся ближе всего к зверю. Внезапно из толпы выбежали танцовщики со щитами и копьями в руках и стали изображать борьбу самых смелых охотников со львом. Песне танцовщиков вторили те, кто шел впереди. Она была не такой монотонной, как песни, исполняемые в других случаях.

На следующий день меня почтил визитом Марансиан. Речь зашла, между прочим, о покойном наследнике царского престола по имени Марителла. После его смерти царь велел согнать на могилу усопшего на несколько часов весь скот, принадлежащий жителям города и его окрестностей. От голода и жажды животные стали реветь. «Видите, — сказал правитель, — животные тоже скорбят по сыну моему Марителле».

После полудня я нанес второй визит Сепопо. На этот раз его двор был полон людей. Когда я вошел в дом, царь спросил меня, видел ли я уже машукулумбе. Я ответил отрицательно. Тогда он взял меня за руку и подвел к шести мужчинам, сидевшим на корточках. Они произвели на меня странное впечатление, и мне захотелось разглядеть их поближе. Кожа у них была черная, носы большей частью орлиные, но в то же время в выражении их лиц было нечто женственное, может быть, из-за отсутствия растительности или из-за того, что верхняя губа была как бы вдавлена. Гости выделялись среди окружающих еще и тем, что тщательно сбривали волосы повсюду, за исключением черепа. Зато бросалась в глаза их прическа — кеглеобразный шиньон из нескольких слоев волос — гордость мушукулумбе.

У себя в стране они ходят голые, только женщины опоясывают тело ремнем с железными колокольчиками.

Сепопо сообщил мне, что земля машукулумбе граничит с его государством на востоке и на севере. Гости явились как посланцы своих правителей. Такие посланцы ежегодно прибывают с приветствиями и подарками к царскому двору марутсе и, пробыв несколько недель, возвращаются с ответными дарами.

Вверх по Замбези

Утром 1 декабря 1875 года меня посетил один из вождей марутсе и пригласил следовать за ним. Придя на берег Замбези, я нашел три предназначенных мне царских челна. Их было, однако, недостаточно для перевозки всей моей поклажи, а потому я обратился с просьбой предоставить мне четвертую лодку. Эта просьба была удовлетворена, но моим слугам все равно пришлось идти по берегу.

Незадолго до полудня мы покинули Шешеке и стали довольно быстро подниматься вверх по течению. Я обнаружил столько островов и бухт, что меня крайне огорчила необходимость быстро уходить из этих мест из-за приближения сезона лихорадки. Таким образом, у меня не хватило времени на то, чтобы нанести на карту русло Замбези со всеми подробностями и во всю ширину, включая острова, лагуны и т. д.

К вечеру мы высадились на берег, в месте, где кто-то уже соорудил штук двадцать шалашей. Собиралась гроза, и, прежде чем я выгрузил на берег свою поклажу, пошел сильный дождь. Буря продолжалась до полуночи. Дождь проникал в хижины, и я попытался сберечь вещи, покрыв их одеялами. Сидя на ящике, я задремал и соскользнул на пол. Проснулся я, к своему удивлению, рано утром в луже дождевой воды; последствия не заставили себя ждать.

На следующее утро я уступил настояниям лодочников и предпринял охотничью вылазку на заросшую высокой (до 5 футов) травой равнину с многочисленными лагунами и болотами. На небольших возвышенностях стояли малолюдные селения марутсе. Самое значительное называлось Катонга. Во время половодья вся равнина Замбези до этих селений покрывается водой.

Возвращаясь с охоты, к сожалению безрезультатной, я почувствовал небывалую усталость. Она настолько усилилась, что в полудне ходьбы от нашего лагеря я не смог дальше двигаться, и в хижину меня внесли слуги. Судя по симптомам, я заболел лихорадкой.

На следующее утро мы продолжили путешествие. Я насчитал на протяжении 14 миль один водопад и двадцать четыре порога. Возникновение здесь порогов объяснялось несколькими причинами: либо наклоном скалистого русла реки, либо образованием в нем ступеней, либо утесами.

Только в одном месте я наблюдал скалистый барьер, перегородивший реку. Вода с яростью пыталась пробить себе путь через отверстия в нем.

Перебраться на челнах марутсе через пороги можно было только потому, что их избегали крокодилы. Отсутствие крупных ящеров позволяет лодочникам выходить из челна и, то подталкивая его сзади, то таща волоком, преодолевать преграду. На наиболее трудных участках приходится выгружать поклажу на утесы, поднимающиеся из воды, и проводить через пороги пустые челны.

Первые пройденные нами пороги называются Катима Молело. Они состоят из нескольких порожистых участков. Один мы преодолели, не покидая челнов, на других же лодочники перетаскивали их через камни. Едва миновав препятствие, они спешили вскочить в челны, чтобы не стать добычей крокодилов, которые прячутся в глубоких местах.

Пятого декабря наш путь пролегал через порог Мучила-Уумсинга. Это самый тяжелый участок пути между Шешеке и водопадом Намбве. К сожалению, мне пришлось испытать это на собственной шкуре.

Болезнь моя усилилась, однако я, не обращая внимания на то, что мне стало трудно даже сидеть в челне, продолжал наносить местность на карту.

Пороги Мучила-Уумсинга образуются довольно сильным уклоном скалистого русла, а также многочисленными подводными утесами. Однако опасность, угрожающая путешественникам, которые плывут по реке, объясняется другим обстоятельством. Лесистый остров отделяет от реки рукав шириной всего 50 метров, в котором трудно различить два образованных островками боковых потока. В борьбе с ними силы лодочников истощаются, тем более что в реке нет мелких мест, по которым можно было бы протаскивать челны. К тому же на моих лодках было много груза, но мало людей.

Ружья, дневники, стеклянные бусы, патроны и подарки, предназначенные вождам и царям, находились в одном челне со мной. Он шел третьим. На второй были погружены порох, медикаменты, провиант, а также насекомые и растения, собранные в Шешеке (остальные коллекции я оставил Вестбичу для отправки в Панда-ма-Тенге). Гребцы с трудом справлялись с течением. Увидев это, я крикнул им, чтобы они уцепились за ветви деревьев и кустов, свисающие

над водой. Так по крайней мере можно было удержать челн на месте. Однако мои крики потонули в реве реки. Весла отскакивали от скалистого ложа, как от зеркальной поверхности. Лодочники хорошо знали, какая им угрожает опасность, но это не только не придавало им сил, а, наоборот, сбивало с толку. Их весла стали двигаться беспорядочно; челн был обречен.

Я до последней минуты не мог поверить, что судьба обойдется со мной так жестоко и несправедливо. Неужели мои коллекции — труды стольких лет, а также продовольствие и медикаменты будут поглощены рекой и навсегда потеряны для меня? Да еще сейчас, когда я болен лихорадкой и больше всего нуждаюсь в них!

Видя отчаянное положение челна, шедшего впереди, лодочники, находившиеся со мной, пришли в смятение. Течение начало свою игру и с нами, однако мы находились близко к берегу и смогли вовремя уцепиться за ветви и подтянуть челн к острову. Между тем второй челн все больше уступал силе потока; если раньше он шел параллельно течению, то теперь повернулся к нему бортом.

— Помогите же! — крикнул я моим спутникам и сам приготовился прыгнуть в воду, забыв о лихорадке, под действием которой я в течение последних двух часов так потел, что одежда прилипла к телу.

Меня удержали насильно. Тем временем челн, увлекаемый течением, стал клониться на борт. Гребцы, у которых при отчаянной попытке преодолеть силу потока, сломались весла, потеряли равновесие и в тот же миг первая волна влилась в челн. За нею последовала вторая, третья, и — я не поверил своим глазам! — челн перевернулся. Общими усилиями удалось с большим трудом спасти лодку и некоторые вещи.

Но мои смелые надежды, планы и желания, мечта о возвращении на родину — все погибло. Злой рок безжалостно уничтожил в несколько мгновений плоды семилетней подготовки к выполнению задачи, которую я себе поставил. Это несчастье, в тысячу раз большее, чем все пережитое до сих пор, да к тому же еще лихорадка, заставили меня отказаться от продолжения путешествия, на которое я потратил столько усилий.

Пройдя пороги Мучила-Уумсинга, которые я буду помнить до конца своих дней, мы высадились на правом берегу Замбези.

Культура государства Марутсе

Жители государства Марутсе-Мабунда ведут менее примитивный образ жизни, чем родственные им племена, осевшие южнее Замбези. У марутсе земля щедро вознаграждает земледельца: животноводство процветает на двух третях территории; та же треть, где этому мешает муха цеце, изобилует дичью и рыбой.

Деревья здесь буквально усыпаны съедобными плодами и семенами. Повсюду можно найти корнеплоды. Благодаря этому население никогда не страдает от недостатка продовольствия, даже в засушливый сезон, то есть в ту пору года, когда бечуаны буквально мрут с голоду. Изобилие влаги, плодородная почва и ровный теплый климат благоприятствуют земледелию и животноводству.

Трудятся на полях женщины; обработка земли производится просто, без затей, роют только канавы, по которым уходит излишек влаги. Когда приближается время жатвы, воздвигают дозорные вышки, причем стерегут урожай круглые сутки как взрослые, так и дети. Спелые колосья и початки ссыпают на большие шкуры и на соломенные и тростниковые циновки и вымолачивают цепами. Значительная часть урожая — собственность женщин, они могут распоряжаться ею по своему усмотрению и стараются по-выгоднее продать. Когда я покупал что-нибудь у местных жителей или присутствовал при сделках, совершаемых белыми торговцами, то всегда замечал, что с женщинами сторговаться гораздо труднее, чем с мужчинами. Даже когда товар, принадлежащий женщинам, продавали их мужья, они всегда запрашивали втридорога, объясняя, что такую цену назначила жена.

Каждая семья, состоящая в среднем из пяти человек, обрабатывает от одного до трех участков по 3000 квадратных метров каждый. Расположены они главным образом в лесистых районах, и перед обработкой мужчины подлесок сводят, а с больших деревьев обрубают ветви; их используют для сооружения надежной ограды от зверей. Стволы поджигают, их золой удобряют поле, и только тогда его засевают.

Посев производят обычно в сентябре и октябре; дыню, бобовые, табак сажают в период между концом октября и началом декабря. Эти культуры созревают удивительно

быстро, в январе они уже бывают готовы. Кафрское просо * можно снимать в феврале, а бобовые — и в том и в другом месяцах.

Чаще всего выращивают кафрское просо двух сортов: белое и красное. Оно всегда дает большие урожаи и как предмет торговли пользуется большим спросом у других племен.

Большое распространение имеет кукуруза, которая неизменно дает хорошие урожаи, а также бахчевые культуры: арбузы, тыквы и великое множество различных дынь. Марутсе охотно выращивают и бобовые, особенно два их вида: с маленькими бесцветными бобами и с плодами несколько большего размера, красного или фиолетового цвета. В вареном виде, с приправой из сала и мяса бегемота они гораздо вкуснее, чем наши европейские сорта.

По всей стране культивируют мансу (земляные груши) и масошвани (арахис). Земляные груши объявлены царским достоянием, и почти весь урожай этой культуры отправляют ко двору. Арахис идет в уплату дани и налогов. Восточные племена выращивают для своих надобностей хлопок, из которого ткют грубые, но прочные ткани. Вокруг жилищ и по межам, отделяющим кафрское просо от кукурузы, повсюду виднеется сахарный тростник, который достигает большой высоты. Местные жители пользуются им для утоления жажды. Это тот самый сорт, который распространен по всей Южной Африке; с декабря по февраль он достигает наибольшей степени сахаристости.

В небольших лощинках, площадью 10—20 квадратных метров, сажают табак. Его сушат, режут, увлажняют, а потом прессуют в тех же самых ступах, в которых толкут зерно. Приготовленный в этих местах табак спрессован гораздо плотнее, содержит намного больше никотина, да и гораздо дольше сохраняется, чем у других южноафриканских племен.

Чем же питаются местные жители? Прежде всего мясом диких животных, просом, кукурузой, тыквой. Едят рыбу, кислое и сладкое молоко, говядину, козлятину, баранину; в повседневном употреблении не менее сорока пяти видов дикорастущих плодов, два сорта бобов, корнеплоды, куры и другая домашняя птица, арахис, мед. Мясо варят по большей части в глиняных горшках, плотно закрытых или

* Сорго.

даже замазанных глиной, или жарят его над угольями, иногда на вертеле.

Марутсе хорошо готовят, особенно мясо. В Южной Африке вы никогда не отведаете таких блюд, какими угостят вас здешние гастрономы. Не удивительно ли? Ведь государство Марутсе гораздо дальше от какой бы то ни было цивилизации, чем, например, земли бечуанов! Птицу, вареную или жареную, марутсе подают к столу на красивом деревянном блюде, причем головку оставляют в перьях.

Чтобы сохранить мясо и рыбу про запас, их вялят без соли. Кашу варят из целого или толченого зерна. Тыкву едят в вареном виде, арбузы — и в сыром и в вареном. Арахис долго толкут до получения очень мелкой муки, а потом приготавливают из него кашу — великолепный гарнир к мясным кушаньям!

Дикие плоды сушат, иногда пекут на угольях, иногда варят в молоке. Плоды в этих краях зреют непрерывно, в продолжение всего года, и жители могли бы прокормиться одними ими.

Соль употребляют только самые зажиточные люди. Она дорога: ее привозят издалека, с западного или с юго-западного побережья. Алкогольные напитки, крепкие и слабые, готовят из проса. К первым относится *матимбе* — он прямо-таки валит с ног, ко вторым — *бучуала*, род пива. Приготавливают напитки из сухих и свежих фруктов, а также из меда.

Те, кто побогаче, едят дважды в день: первый раз — через полтора-два часа после восхода солнца, второй — при заходе; остальные приготавливают себе горячую пищу только вечером.

Готовят в государстве Марутсе чрезвычайно опрятно. продукты и готовые кушанья держат в чистых деревянных и глиняных горшках, корзинках и калебасах.

Заметим, кстати, что жители Марутсе гораздо чище, плотнее многих других африканцев. Они следят за гигиеной тела и очень часто купаются, даже если из-за крокодилов это сопряжено с опасностью для жизни.

Местные жители курят гораздо больше, чем те племена, которые познакомились с табаком благодаря белым. Очень многие, даже женщины, начинают курить и нюхать табак с самого юного возраста.

Одежда у жителей государства Марутсе простая, но выглядит гораздо привлекательнее, чем у большинства южноафриканских племен. Вместо набедренника из шкур, состав-

ляющего одеяние зулуса, или ремня шириной в ладонь, которым перепоясывают себе бедра бечуаны, макалака и другие племена, мужчины марутсе носят передник из кожи или ситца, конец которого пропускают между ног и прикрепляют сзади к поясу. Ситец покупают только те племена, представители которых бывают на южном берегу Замбези (матока, макалака, мананса, масупиа, марутсе) и часто встречаются с белыми. Те, кто носит передники из кожи, используют шкуры молодых млекопитающих. Марутсе и масупиа предпочитают кожу антилопы — в ней с боков прорезают отверстия для ремешков, а головную часть ремешками подвязывают к талии. Очень своеобразны и накидки. Племена, говорящие на языках банту, предпочитают плащ наподобие испанского, но короткий, едва достигающий до бедер. Царь и его приближенные одеваются иногда по-европейски, но чаще разгуливают в одном переднике и только в плохую погоду закутываются в шерстяное одеяло.

Девочки ходят совершенно нагие до четырех лет, мальчики — до шести, а то и до десяти. В четыре года девочка получает передничек из узеньких ремешков длиной не более 25 сантиметров, причудливо переплетенных между собой, а иной раз и украшенных бронзовыми бляшками; десятилетние девочки носят маленький четырехугольный передничек из кожи, а когда становятся постарше, особенно в предбрачный период, — два передничка, покорооче спереди, подлиннее сзади.

У замужних женщин передник до колен. Он сделан из хорошо выделанной телячьей шкурки шерстью внутрь, натертой с внешней стороны приятно пахнущей яркой красно-коричневой краской. Кормящие матери нередко надевают накидку, спуская ее на спину, но при появлении гостя или незнакомого человека прикрывают ею грудь.

В плохую погоду женщины — мужчины реже — носят плащи с круглым вырезом, достигающие до лодыжек. Плащ скреплен у горла ремешками либо специальной металлической или деревянной пряжкой; в этой одежде люди напоминают огромный косматый мешок. В родных местах, где почва песчаная и нет острых камней, обувь марутсе не нужна. Пускаясь в путь, они обувают сандалии из бычьей кожи, которые привязывают к ноге ремешками.

Женщины у марутсе пользуются бóльшим уважением, чем у других народов Южной Африки. Правда, они тоже возделывают поля и помогают при постройке жилищ, но

тяжелая работа — охота, рыбная ловля, заготовка строительных материалов — возложена целиком на мужчин. Людей старшего возраста я встречал преимущественно в лесах и на полях. Мужчины собирали дикие ягоды, женщины выполняли сельскохозяйственные работы, не требующие больших усилий, и передавали свой опыт молодым. Сыновья рабов* и мальчики из бедных семей обычно пасут скот. Дети богатых учатся охотиться с копьем или с ружьем. Когда приходит пора уборки урожая, все мальчики отправляются в поле на сторожевые вышки. Их задача отгонять птиц, а в случае появления антилоп, буйволов и слонов немедленно звать односельчан на помощь.

Спят марутсе немного. Встают за час-полтора до восхода солнца, много и охотно трудятся, ложатся поздно. Развлечения начинаются с наступлением темноты; чем ниже общественное положение человека, тем меньше остается у него времени для веселья. Спят марутсе на кароссах, шкурах или циновках. На царском ложе двадцать пять великолепных каросс, положенных одна на другую; каждую ночь покой повелителя охраняют, сидя на краю его постели, три или четыре жены.

О маленьких детях заботятся матери, но мальчики очень скоро выходят у них из повиновения и льнут к отцу. Дети невольников воспитываются вместе с детьми свободных людей: они вместе играют, а потом будут вместе охотиться и воевать. Девочки помогают по хозяйству: до десяти или даже двенадцати лет они только носят воду.

Свадьбу справляют очень пышно. Она сопровождается празднествами, напоминающими оргии. Как и на похоронах, присутствующие стараются как можно больше пить и танцевать.

Девушку выдают замуж сразу же по достижении зрелости, часто будущие супруги бывают помолвлены еще в раннем детстве. Случается, что мужчина, уже имеющий несколько жен и детей, женится на дочери своего приятеля, обещая при этом выдать за него одну из своих маленьких дочерей. Так возникает новое родство; марутсе не видят ничего особенного в том, что зять является в то же время и тестем своего тестя. Сепопо, например, был и зятем и тестем нескольких своих сановников.

* Рабство в государстве Марутсе носило патриархальный характер.

Девушка, достигшая зрелости, проводит восемь вечеров подряд в окружении своих подружек; они танцуют и поют, сопровождая себя погремушками. Если девушка эта — дочь царя, одного из его приближенных или родственников, родные уводят ее в лес или в заросли тростника, где в продолжение целой недели она живет одна с рабыней. По вечерам к ней прибегают подружки, умащают ее волосы благовониями и готовят беседы к супружеской жизни.

Танцуют на свадьбах исключительно мужчины; даже если женится невольник, танцы длятся до трех суток. Невольники женятся только с разрешения своего господина — он сам подбирает рабынь им в жены.

Мертвых хоронят не так, как к югу от Замбези. Там совершают погребальный обряд ночью, покойника закапывают между дворами или под изгородью, стараясь, чтобы не было видно никаких следов захоронения; марутсе, наоборот, стараются выделить погребения своих близких, особенно охотников, укладывая горкой на могилы черепа убитых животных. Чтобы дикие звери не разрыли захоронения, могилы обкладывают сухими ветвями. У большинства здешних племен погребальный обряд очень развит. Объясняется это тем, что они верят в загробную жизнь.

Подданные из дальних поселений извещают царя о своем приходе словами *Тау-ту-ня, тау-ту-ня*, садятся у входа в резиденцию на корточки и молча ждут, когда их позовут. Иногда пришедших представляет царю их старейшина, живущий в Шешеке. К царю вновь прибывшие подползают на четвереньках, останавливаются в четырех или шести шагах от него и хлопают в ладоши до тех пор, пока он не начнет говорить. По окончании беседы они удаляются, так же хлопая в ладоши. Те, кто прибыл из ближних селений, приветствуют царя возгласом *Шангве-шангве!* Обычное приветствие в этой стране — *Румела, румела интате!* Белым говорят *Шангве, коши!* Имеется еще один способ приветствовать гостя, принятый особенно у аристократии. Побеседовав с посетителем, хозяин набирает полную горсть табака из своей табакерки, пересыпает его в левую руку и, понюхав, передает тому, кого хочет особенно отличить, а затем и всем остальным.

Законодательная система и судопроизводство в государстве Марутсе имеют ряд положительных сторон. Особенно выиграли они от образования Большого совета; однако, к величайшему сожалению, этот институт государственной

власти, учрежденный когда-то одним из самых гуманных царей, мало-помалу лишается своего значения. При жестоком деспоте Сепопо он и вовсе захирел. С каждым годом в стране все больше нарушений законов, если считать законами стародавние обычаи, полученные в наследство от предков. Местные жители верят в них и охотно им повинутся, ненавидя всякие нововведения и нарушения привычных правовых норм. Сепопо пренебрег древним порядком: часть законов он отменил, часть переделал на свой лад и впридачу к ним издал свои собственные: о движимом и недвижимом имуществе, о правовом положении племен, имея в виду их взаимоотношения друг с другом и с марутсе, о престолонаследии, о возможных оговорках при заключении договоров, о применении наказаний. Однако не вызывает сомнений, что древние законы марутсе еще обретут свою прежнюю силу.

Незначительные споры улаживаются старейшинами селений или племенными вождями, более серьезные — царскими советниками, все же тяжкие преступления, в особенности совершенные недалеко от столицы, подлежат рассмотрению царя и Большого совета. Ничто и никогда не вызывает у Сепопо снисхождения: ни долголетняя верная служба, ни давняя дружба, ни родство. Человек, подозреваемый в государственной измене, в убийстве, в любовной связи с одной из цариц, в попытке бежать за пределы государства, в торговле слоновой костью или медом, в хищении царской собственности, присуждается часто вопреки закону к смерти через отравление или сожжение. Драка, нанесение друг другу ран и незначительные хищения караются тяжелой работой на царских полях * или пожизненным рабством. Если судебное дело не затрагивает интересов самого царя, он доверяет вынесение приговора Большому совету. Казни совершаются в столице.

Еще до того как я перебрался через Замбези, я уже слышал много похвального о ремесленных изделиях племен марутсе и мабунда. Они превосходят даже хорошо известных искусников юга — машона.

Прежде всего обращает на себя внимание их кухонная утварь. Глиняную посуду делают главным образом женщины. В кувшинах готовят и хранят пиво, держат моло-

* Земли, урожай с которых поступал в распоряжение верховных вождей.

ко и воду, в горшках варят пищу. Посуда украшена темным и светлым рисунком по горлышку и по ободку, некоторые изделия сверкают глянцем, напоминая майолику. Ручек глиняная посуда не имеет. Огромные сосуды для зерна сделаны из необожженной глины и имеют более простой вид. Горловина прикрыта крышкой в виде тарелочки, спереди, чуть выше дна, полукруглое отверстие, закрытое втулкой. Такие ссыпки очень тяжелы. Когда царь переселялся в Новый Шешеке, я видел, как около одной из них хлопотало шестнадцать человек. Переносят их обычно на специальных носилках из крепких кольев.

Деревянную посуду делают мужчины. Лучшие знатоки этого ремесла — мабунда. Деревянная посуда распространена не меньше, чем глиняная, но гораздо разнообразнее. Некоторые изделия подвергаются обжигу, благодаря чему кажется, что они сделаны из черного дерева. Многие кувшины и чаши украшены рельефной резьбой симметричного рисунка, некоторые снабжены ушками, крышки красиво вырезаны. Великолепны блюда для мелко нарубленного мяса, а также сосуды для муки, мелких плодов и пива. Некоторые сосуды предназначены для питья и по форме напоминают наши чашки или лодочки. Круглые и овальные изделия с волнообразно вырезанным краем по карману только богачам. Еще лучшие образцы у царя. У матабеле я видел большие деревянные чаши с двумя ручками, в которые кладут нарезанное крупными кусками мясо. С внешней стороны они украшены рельефным рисунком. Таких чаш, больших и маленьких, в каждом доме множество: хозяйки держат в них молоко, растительное масло, животный жир.

Широко распространена посуда из сушеных плодов тыквы. Она служит для воды и удобна в дороге, так как легка. Сама природа позаботилась о разнообразии форм такой посуды, но еще больше делают искусные руки мастеров. Кувшины и бутылки из тыквы окрашивают в разные цвета — желтый, коричневый, кирпичный, красно-коричневый, бурый, — оплетают сеткой из лыка или из соломы. Те сосуды, которыми пользуются реже, украшены выжженным рисунком. Лучшие выжигальщики — мабунда. Я видел выполненные ими изображения людей, млекопитающих, птиц, рыб и насекомых, сложный орнамент; на некоторых кувшинах воспроизведены хижины, различные инструменты и оружие, весы, лодки, трубки, деревья, солнце, луна, а иног-

да и целые сценки войны и охоты. Эти рисунки говорят о большой художественной одаренности их создателей, об их недюжинном вкусе. Из маленьких тыков выделывают табакерки, из продолговатых с узкой шейкой — половники.

Местные жители любят красивые ложки. Их режут из дерева. Большими ложками, длиной до 60 сантиметров, хозяйки одевают членов своей семьи кашей, кислым молоком, вареными плодами. Ложки марутсе славятся по всей Южной Африке изящной формой и красивым узором.

Очень хороши плетеные изделия. Самые простые из них — небольшие круглые корзинки из тростника или коры баобаба, предназначенные для зерна. В корзинах большего размера, также изготовленных из тростника, из кустарника некоторых видов или из пальмового листа, транспортируют сушеную рыбу и кокосовые орехи.

Большинство местных жителей умеют быстро шить мешки из лыка толщиной в палец и из хлопчатобумажной пряжи. Распространены корзины для плодов, напоминающие трубу с закрытым дном, с деревянным или кожаным ушком. Такие корзины делают из одного куска коры и прошивают лыком. Макулуана плетут из пальмового листа очень красивые и прочные корзинки с крышкой, которые с успехом выполняют роль сундуков и сейфов. Интересно, что среди великого множества таких корзинок никогда не встретишь двух похожих. Прекрасные корзинщики и матабеле; их изделия из травы или соломы сплетены так плотно, что корзинки совершенно водонепроницаемы, и из маленьких пьют пиво. Но гордость марутсе — макенке. Это подлинные произведения искусства; я не видел еще ни одной такой корзинки, которая бы не была украшена прекрасным цветным орнаментом. Они ценятся очень дорого.

Ножи для повседневного пользования представляют собой тонкое, заостренное к концу лезвие, часто изогнутое, иногда даже наподобие серпа, которое вбито в короткую рукоятку, обтянутую кожей змеи.

Оружие для войны и охоты имеет множество разновидностей. Наиболее характерны для государства Марутсе ассегаи — всевозможные копья, выработанные со знанием дела и отменным вкусом. Копье вождя, например (своеобразный знак власти, который имеют право носить только высокопоставленные люди), имеет в длину почти 2 метра, причем третья часть его сделана из металла. Деревянная рукоять богато украшена резьбой.

Ассегай — страшное оружие, особенно в руках матабеле. Представьте себе граненое массивное острие на прочной шейке, скрепленное с древком несколькими металлическими кольцами. Древко короткое, но прочное, утяжелено на конце железным набалдашником. Совсем иначе выглядит длинный боевой ассегай: это легкое копье для метания, имеющее в длину чуть больше 2 метров, с небольшим просто заточенным острием.

Для охоты применяются ассегайи разной длины, обычно с одним или двумя рядами зубцов. Некоторые острия раздвоены наподобие гарпунов.

На крокодила ходят с длинной острогой, снабженной четырьмя добавочными зубцами. Острога для ловли больших рыб заканчивается четырехгранным или закругленным наконечником. Зубчики на гранях очень остры и загнуты назад.

Охотники на бегемота пользуются ассегаями с очень длинным древком из мягкого дерева, достигающим иногда 3 метров. Зато на слонов охотятся с ассегаем, который целиком сделан из металла; только на самой середине его накручен кусок кожи, заменяющий рукоятку. Простейшие ассегайи охотники укрепляют острием вверх на дне ловчих ям, чтобы, падая, зверь на них напоролся.

Очень популярны кинжалы. Особенно славятся помимо своих боевых качеств красотой и качеством работы изделия мастеров марутсе. Очень хороши ажурные ножи, иногда напоминающие пламя светильника, сделанные, как и рукоятка, из твердого дерева, украшенные резьбой и обожженные до черноты. Тонкий клинок кинжалов изготавливается не из такого хорошего металла, как, например, боевые топоры и ассегайи, зато богато украшен насечкой.

Боевые топоры каждое племя делает только для себя. Большинство из них красивы и легки. На секиру идет хороший металл, топориче украшено орнаментом, обычно выжженным. Топор очень легкий: в руках взрослого мужчины он кажется игрушкой, хотя на самом деле представляет собой грозное оружие. Большое распространение получили палицы, вытачиваемые из плотного твердого дерева или из рога носорога.

Следует упомянуть и о щитах, хотя здесь они не так хороши, как к югу от Замбези. Обычно их делают из черных бычьих шкур.

Для самообороны употребляются длинные тонкие палки с обмоткой из толстой проволоки на обоих концах.

Производство одежды менее развито, чем другие ремесла. Покрой довольно изящен, но жители государства Марутсе не умеют подбирать кожи и сшивать незаметно. Дырки от пуль и ножа они закрывают заплатами из меха любого оттенка с ворсом любой длины, резко выделяющимися на фоне основного материала. Бечуан, желая запастись кожами для приготовления одежды, убивает животных только одного вида и, собрав достаточно шкур, группирует их по цвету, по густоте шерсти, по величине самих шкурок, а потом делает одежду только из тех, что подходят друг к другу; житель государства Марутсе шьет одежду, соединяя несоединимое.

Поскольку курение и нюханье табака широко распространены, очень развито производство трубок и табакерок. На западе страны курительная трубка представляет собой длинный прямой чубук с утолщением и маленькой головкой из обожженной глины на конце. Такая трубка обильно украшена рисунком. Южане предпочитают чубук из продолговатой, оплетенной сеточкой тыквы, узкий конец которой служит мундштуком. Местный житель не выйдет из дому без трубки, он берет ее с собой и на близкую прогулку, и в дальнее путешествие.

Местные жители любят курить через воду, в частности *даху* — высушенные листья одного из сортов конопли, которую в большом количестве сажают около жилищ. Кальян состоит из трех частей: головки, тростникового чбука и рога с водой, через который курильщик втягивает дым.

У южноафриканских народов множество табакерок, и собственного производства, и привозных, но такого обилия, как у марутсе, я нигде не встречал. Марутсе делают табакерки из слоновой кости и из зуба бегемота, из полых костей зверей и птиц, из рогов домашних и диких животных, из змеиной кожи, из дерева разных пород, из тростника, из круглых и продолговатых ореховых скорлупок. Табак хранят также в мешочке из кожи и материи, а не то и просто в куске материи или кожи. Табакерки из слоновой кости очень дороги. На них вырезаны или выжжены рисунки, преимущественно мелкие; носят их на нитке бус или на ремешке у плеча или у пояса. По внешнему виду к ним близки табакерки из рога носорога: и те и другие напоминают флакончики с отверстием в горлышке. Из тростника и кос-

тей птиц делают совсем простые табакерки для детей; те же, что выточены из рогов домашних животных и лесных зверей, часто покрывают резьбой. Ореховые скорлупки женщины соединяют по три-пять штук, окрашивают, главным образом в темные цвета, и полируют.

По художественной отделке самые лучшие табакерки — деревянные: они украшены резьбой и выжженным рисунком. Однако столь простой материал не в чести у богачей — табакерками из дерева пользуются только самые бедные племена — мамбоэ и мананса, которые нередко держат табак просто в тряпице.

Местный житель не всегда может взять с собой в дорогу кальян или простую трубку, однако табакерка не изменяет ему, оставаясь верным другом днем и ночью, на отдыхе и во время работы.

Украшениями в стране Марутсе служат предметы, которые имеют практическое значение: табакерки, амулеты, футляры, коробочки для лекарств. Их изготавливают из металла, кости, в том числе, конечно, слоновой, из зубов различных зверей, из кожи, рога, из панциря черепахи, из стручков, перьев, раковин, дерева, травы, лыка, тростника, плодов, скорлупы и семян.

Путешествуя по стране Марутсе, я видел различные украшения из металла. Чаще других мне попадались кольца и браслеты, а также маленькие подвески из железа, меди и латуни; золотых вещей я не встречал. Марутсе сами выплавляют железо и медь, а латунную проволоку покупают у белых. Привозные украшения они переделывают по своему вкусу. Очень большим спросом пользуются металлические ножные браслеты, толщиной в палец. Простолюдинки носят по одному-два браслета на каждой ноге, жены старейшин и других младших начальников — по три, реже по четыре, богачи — по восемь. Лучшую проволоку покупает царь, поэтому самые красивые браслеты можно увидеть в столице и прилегающих районах.

Весьма разнообразны украшения из слоновой кости. Из нее также делают браслеты и кольца. Все они плотно прилегают к телу и благодаря соразмерности форм и изяществу линий красивы, даже если лишены рисунка. Купить их довольно трудно; мне с большим трудом удалось приобрести несколько штук для коллекции.

Из полых костей и из зубов бегемота местные жители делают очень красивые шпильки, украшая их резьбой и

рисунками. Но верх совершенства — деревянные гребни с длинными ровными зубьями, легкие, удобные, украшенные великолепной резьбой, которая придает им большую ценность.

Невольники изготавливают для себя украшения — кольца, браслеты, ожерелья — из необработанной кожи гну, зебр и буйволов; масарва делают диадемы из гривы зебры. Вообще из гривы животных, из шерсти и щетины плетут разнообразнейшие вещи.

Широкое применение находят перья, как мягкие, так и жесткие: изделиями из них местные жители украшают волосы. Многие просто втыкают в прическу два или три красивых пера. В таком виде являются на аудиенцию к царю, танцуют, идут на охоту и на войну. Встречаются очень большие пучки перьев. Я купил один такой; он был гораздо больше, чем голова, которую должен был украсить собой.

Траву, употребляемую для украшений, выбирают с большим знанием дела. Годятся только строго определенные травы, собранные в определенный день и час; чтобы придать им цвет — желтый или пурпурный, — их соответствующим образом обрабатывают.

Когти птиц и зверей нанизывают на тонкие шнурки и обертывают вокруг запястья, а иногда подвязывают сзади к волосам. Щитки от маленьких черепах прикрепляют к талии. Морские раковинки, круглые косточки, темные блестящие семена, мелкие плоды с твердыми скорлупками также нанизывают на шнурки из конского волоса или травы и вплетают в волосы или же носят как браслеты.

Украшения, привозимые европейскими торговцами, главным образом стеклянные бусы, заменяют деньги, ими оплачиваются все услуги. У каждого племени есть свой любимый цвет. Светло- и темно-фиолетовый, желтый, розовый цвета не популярны. Наибольшим спросом пользуются голубые бусы и темно-синие, после них — ярко-красные, оранжевые, белые, черные, зеленые. Форма бусин значения не имеет. Если бы я заболел во время путешествия или если бы мне понадобилось вдруг множество носильщиков, я мог бы все необходимое приобрести за красивые синие бусы, имей я их в достаточном количестве. Сам царь и его сановники, мужчины и женщины, свободные и рабы, даже маленькие дети не в силах устоять перед таким искушением! Должен заметить, однако, что, украшая себя бусами, жители государства Марутсе проявляют большой

вкус и умеренность, в то время как южнозамбезийские племена буквально обвешиваются стеклянными ожерельями.

Я еще ничего не сказал о прическах. Жители этой страны тщательно ухаживают за волосами. Некоторые заплетают свои короткие курчавые волосы в косички, но я не замечал у них высоких короноподобных причесок, какие делают себе, например, зулу; они и не красят волосы, как бечуаны.

Игрушки делают из глины, чаще всего из темной. Лепят их, притом чрезвычайно искусно, подростки. Это, как правило, фигурки улыбающихся танцоров, охотников, всадников, рогатых животных, слонов, бегемотов, достигающие 12 сантиметров в высоту или в длину. Мабунда вырезают разнообразные фигурки из дерева.

Всевозможные циновки плетутся просто, но аккуратно; часто они украшены орнаментом из более темного материала: черные и красные узоры красиво выделяются на желтом фоне.

Вместо подушки марутсе употребляют кусок дерева, иногда красиво выточенный и украшенный росписью.

Во время выходов слуги носят за своими господами низкие деревянные скамеечки.

В каждом доме обязательно есть приспособление, которым отмахиваются от мух: кисть из конского волоса или концы хвоста буйвола, гну или шакала, укрепленные на рукоятке из дерева, тростника или рога, украшенной орнаментом.

Я очень коротко рассказал о своеобразной культуре племен, проживающих на территории государства Марутсе-Мабунда, но мне кажется, что и этого уже достаточно, чтобы опровергнуть бытующее еще кое-где мнение, будто эти жители Африки — дикари.

По земле Макалака и западной части области матабеле

К вечеру мы распрягли волов на правом берегу реки, которую местные жители называют скалистой Шашей. Воспользовавшись свободной минутой, я предпринял экскурсию в восточном направлении. На одной из многочисленных гранитных скал с круглой вершиной я обнаружил раз-

валины, которые в дальнейшем могут раскрыть историю прежних обитателей центральной части Южной Африки.

Это была стена, окружавшая вершину скалы, сложенная частично из больших каменных глыб, а частично из гранитных плиток, которые покоились друг на друге, не будучи скреплены решительно ничем. Высота ее составляла от 20 сантиметров до 2 метров, толщина — 30—50 сантиметров.

На северной стороне, где стена имела с двух сторон выступы, находился вход. Гранитные плитки оказались плоскими, длина их составляла 10—25 сантиметров, высота — 8—15, ширина — 6—25, верхние и нижние грани имели форму трапеций. Я почти уверен, что люди, которые прежде периодически или постоянно жили в этой крепости (периметр ее составляет примерно 130 метров), сооружали на стене еще и забор из бревен или сучьев колючих кустарников. Уже через два с половиной часа мне пришлось покинуть это место, а потому я не смог произвести раскопки, которые дали бы ключ к разгадке тайны крепости.

Достигнув берегов реки Тати, мы заметили на пологих склонах невысоких холмов несколько строений в европейском стиле. Только два из них были в то время обитаемы. В одном жил охотник за слонами Пит Якобс, в другом — скупщик слоновой кости шотландец Броун.

На следующий день я осмотрел соседние возвышенности и обнаружил повсюду шахты глубиной до 50 футов, вырытые в поисках золотоносных жил. На холме с двумя вершинами я увидел развалины стен. На северной, что выше, когда-то находилась стена, имевшая в три раза меньшую протяженность, чем стена на соседней возвышенности. Первая имела высоту 1—1,5 метра, вторая — 1,5—2 метра, толщина обеих составляла 1,25 метра. Сложены стены из ничем не скрепленных сланцевых кирпичей. Их внутренние стороны сооружены из одинаковых четырехугольных плиток толщиной 3—10, длиной 10—15 и шириной 10—20 сантиметров. Наружную же сторону стены, вероятно для украшения, покрывали два ряда черепицеобразных плиток, уложенных косо, но под прямым углом друг к другу.

Вход в оба окруженных стенами укрепления находится с севера, причем в более крупном он защищен следующим образом: правое крыло стены имеет выступ наружу, а от левого отходит прямая загородка, доходящая до середины огороженного пространства. В целом эти развалины анало-

гичны найденным на реке Шаше и, вероятно, остались от строений, возведенных каким-нибудь племенем, которое добывало здесь золото. В следующее свое путешествие я намерен заняться раскопками и в этой местности, чтобы решить, кто возвел стены — живущие к востоку машона или жители государства Мономотапы*.

Вечером я навестил вернувшегося домой Пита Якобса — второго по своей популярности охотника Южной Африки. С огромным вниманием слушал я воспоминания о двадцати пяти годах его охотничьей жизни.

Утром 2 апреля я отправился к управляющему мистера Броуна, чтобы купить кое-какую утварь. В то время как мы беседовали, в помещение вбежал африканец с криком «Львы, львы в стаде!». Хотя в глубине Южной Африки водится много львов, нигде эти могучие хищники не ведут себя так смело и дерзко, как в окрестностях фактории Тати. Еще золотоискатели, работавшие тут**, очень страдали от этих зверей. Именно здесь львы, перепрыгнув через ограждение из сучьев колючего кустарника высотой 2 метра и с такой же шириной основания, задрали находившихся в краале упряжных животных. По утрам Якобс и Броун очень часто находили следы львов, бродивших между их домами. Еще когда разрабатывались рудники, один из рабочих-африканцев вышел из своей хижины, чтобы набрать дров для паровой машины. В тот же момент на него набросился лев. Африканец не погиб только потому, что лев оказался старым, с тупыми зубами.

Во время нашего пребывания в фактории Тати в моем присутствии застрелили львицу. В день отъезда на нашем пути были замечены семь львов. Неделю спустя Пит Якобс застрелил льва, а еще через несколько дней лев ночью задрал в конюшне лошадь Броуна, воспользовавшись тем, что со стороны жилого дома конюшня не была огорожена забором из бревен. Эти случаи могут дать читателю представление о дерзких выходках львов в районе Тати.

Услышав, что лев напал на стадо, мы тотчас же решили покарать хищника. Я побежал в наш лагерь, находившийся примерно в четырехстах шагах от реки, чтобы взять вин-

* Мономотапа — средневековое государственное образование, созданное народами банту в междуречье Замбези — Лимпопо.

** Речь идет о европейских колонистах, безуспешно пытавшихся наладить добычу золота в этой местности.

товку и патроны. Брэдшоу * присоединился ко мне со своей волшебной двустволкой, заряжавшейся с дула. Оставив слева увенчанный развалинами холм, мы двинулись вдоль левого берега вверх по течению Тати. Ширина русла составляла всего двести-триста шагов. Справа его окаймляла цепь поросших кустарником холмов. Местами берег также порос кустарником, но полоса, непосредственно прилегавшая к воде (шириной около 100 метров), была покрыта высокими мимозами.

Кроме Брэдшоу и меня, а также примерно двадцати вооруженных чем попало африканцев, в охоте принимали участие сын Пита Якобса и охотник Африка. На пути к месту происшествия слуга рассказал нам, что хищник напал на стадо у ямы для водопоя, вырытой только накануне в русле реки. Ширина русла составляла в этом месте около ста шагов. Примерно в тридцати шагах от нашего берега находился островок, покрытый густой растительностью; между ним и нашим берегом и была выкопана яма.

Когда стадо пришло на водопой, с острова внезапно ринулась львица. Животные побежали к берегу. Преследуя одну из коров, львица (против обыкновения хищников этого вида) перекусила своей жертве суставы на ногах, после чего корова упала. Это произошло под мимозой, на которой при виде львицы укрылся один из невооруженных пастухов. Однако собака его оставалась поблизости от дерева и с громким лаем носилась вокруг хищницы.

Мы поспешили на лай и оказались на небольшой поляне. Из травы торчала голова коровы. Между тем Африка уже заметил с седла хищницу. Прежде чем мы успели ее разглядеть, загремело его ружье для охоты на слонов. Только после этого я увидел львицу, прижавшуюся к траве. Голова ее откинулась назад. Стрелок перебил зверю второй шейный позвонок. Сразу же вслед за выстрелом собака, хорошо известная белым жителям Тати, бросилась на львицу и, вцепившись ей в ухо, оттянула голову назад. Затем подскочили матабеле и начали колоть зверя.

Оказалось, что хищница не убила корову, но вырвала большой кусок мяса из области крестца, а затем принялась пожирать вывалившиеся через сделанное ею отверстие внутренности. Мы тут же избавили бедное животное от мук. Шкуру львицы Африка оставил за мной.

* Один из англичан, живших в фактории Тати.

Уже после того как я повстречал Африку на Чобе, Кама * выслал его из страны за охоту на страусов и львов. Теперь он приехал в Тати, чтобы за известное вознаграждение получить от Лобенгулы ** лицензию на право охоты за страусами.

Прежде чем расстаться с Тати, я хочу рассказать о необычайном событии, происшедшем в доме Пита Якобса в феврале 1876 года. В то время старый охотник со старшими сыновьями и дочерью охотился за слонами в южной части страны матабеле. Жена же его осталась в Тати со второй дочерью, помолвленной с мистером Броуном, двумя маленькими сыновьями и слугой-масарва.

Ночь уже спустилась на холмы, прилегающие к реке Тати, сон объял жителей фактории, и только через полузакрытую дверь жилища Якобса, состоявшую из двух створок, и окошко над ней наружу проникал слабый свет. Дом голландского охотника состоял из четырех тонких стен, опиравшихся на тонкие бревна, обмазанные красной глиной. Заходившая за стены двускатная крыша была сделана из жердей и травы. Деревянная перегородка делила внутреннее помещение на две комнаты, из которых бóльшая служила столовой, ванной и кабинетом, а меньшая — семейной спальней. Вдоль стены столовой тянулась деревянная скамья, а у другой стены близ двери стоял простой деревянный стол. Под окном, закрывавшимся ставней, находилась швейная машина — подарок Броуна своей невесте. Скамья была короче стены, и остававшееся свободным пространство заполняли сундуки с одеждой. Во втором помещении стояли только две грубо сколоченные кровати, из коих одна располагалась против входа, проделанного в перегородке близ окна, а вторая — непосредственно у входа.

В момент происшествия Броун, пришедший в гости к своей невесте, еще находился у нее. Слуга давно заснул в хижине, стоявшей напротив дома, мать семейства ушла спать к детям. Она лежала с младшим, трехлетним мальчиком на кровати, напротив входа, а второй мальчик спал на другой. Когда дети уснули, мать стала время от времени вставлять слово в разговор своей дочери с женихом (они находились в первой комнате). Чтобы дополнить картину,

* Кама — верховный вождь восточных бамангвато (крупнейшего племени бечуанов) в 1875—1923 гг.

** Лобенгула — верховный вождь матабеле в 1870—1894 гг.

скажу еще, что домашняя кошка против обыкновения усе-
лась у открытого окна.

В это время факторию почтил своим визитом голодный леопард, который перед этим несколько дней охотился в окрестных зарослях без всяких результатов. Он обходил один загон для скота за другим, но все краали были окружены высокими колючими изгородями. Тогда хищник приблизился к жилищам людей, рассчитывая разжиться хоть несколькими курами. При этом он тихо обошел и вокруг счастливого семейного очага Пита Якобса. Заметив кошку, леопард решил, что с голодухи и она сойдет. Он подполз поближе и прыгнул. Однако кошка своевременно заметила своего врага и, соскочив с окна, спряталась под швейной машиной. Хищник же, к ужасу жениха и невесты, очутился посреди комнаты, причем сам перепугался. Оглушенный криками людей, ослепленный светом свечей, зверь совсем обалдел и стал искать укрытия. Зарычав, он привстал, оглянулся и бросился в темную дыру, которая оказалась входом в спальню. Тут жених и невеста снова закричали, ибо в спальне лежала беззащитная мать семейства с двумя детьми. Госпожа Якобс заметила животное, которое вскочило в ее комнату и спряталось под кроватью, и спросила, кто это. Жених и невеста, желая ее успокоить, ответили, что это всего лишь собака. «Если собака, то почему вы так кричите?» — спросила она. Полагая, что в комнату забралась гиена, женщина взяла на руки лежавшего рядом мальчика, и, совершенно забыв о втором сыне, выбежала в переднюю комнату, настаивая, чтобы молодые люди назвали ей зверя.

Они признались, что это был не сервал * и не гиена, а леопард. Мать огласила комнату жалобными стонами и хотела броситься в спальню, чтобы спасти свое дитя. Ее пришлось удержать силой.

В спальне на стене висело несколько заряженных ружей для охоты на слонов, но от страха и волнения все о них забыли. Под рукой оказался только большой кухонный нож. Тут госпожа Якобс вспомнила, что рядом в хижине спит масарва и что его ассегай мог бы сослужить лучшую службу, чем нож. Слугу немедленно позвали. Решено было, что, вооружившись ассегаем, Броун войдет в спальню, а невеста с фонарем в руках за ним. Как только на леопарда упал луч света, он громко заворчал и прыгнул из своего укрытия

* Хищное животное, которое зоологи рассматривают как нечто среднее между кошкой и рысью.

на кровать, где, несмотря на шум, продолжал спокойно спать пятилетний Якобс. Женщины в ужасе снова закричали. Им казалось, что, если ребенок еще и жив, то гибель его неотвратима. Однако хищник опустился на кровать непосредственно перед мальчиком или за ним, не обратив на него ни малейшего внимания. Мальчик даже не проснулся и на следующее утро очень удивился, узнав о ночном происшествии.

Леопард сидел на задних лапах и, скрежеща зубами, рычал на людей. Чтобы помогать жениху советом и лучше освещать сцену действия, дочь Якобса, держа перед собой фонарь, оперлась на Броуна, а госпожа Якобс, желая лучше видеть происходящее и в случае надобности ободрить в нужный момент детей, оперлась на дочь. Под этой тяжестью Броун едва держался на ногах. Ясно, что в таких условиях он не мог нанести зверю смертельный удар и едва пропорол ему шкуру. Леопард тотчас же бросился на врагов, и когти хищника впились Броуну в голову и шею. Тут под тяжестью дочери с матерью и любопытного слуги-африканца, который в свою очередь оперся на госпожу Якобс, Броун вместе с леопардом рухнул на пол. Лишившись опоры, упали, верные в беде, и госпожа Якобс с дочерью и слуга-масарва. Леопард очутился вдруг на двигающейся груди тел, из которой неслись крики на голландском, английском и языке сесарва. При падении фонарь погас и наступил такой мрак, в котором даже леопарду стало не по себе. Вместо того чтобы кусать и рвать когтями, он выпрыгнул в первую комнату, а затем через полуоткрытую входную дверь наружу. Постепенно люди стали выбираться из кучи. И когда помещение снова осветилось, неподдельное веселье охватило участников приключения, которое могло закончиться трагически.

Возвращение в район алмазных россыпей

Достигнув Бракфонтейна, я направился в Липокану, но не юго-западным путем через Буиспорт, а южным. При этом, взяв направление на ферму Лоувфонтейн, я пересек саванну с севера на юг. Я заметил, что речушка Морупа за Буиспортом пересыхает и только при сильных дождях про-

кладывает себе путь в Мариико через заросли травы. В долине этой реки, поблизости от фермы Лоувфонтейн несколько лет назад произошло приключение, о котором я расскажу здесь, потому что оно необычно и потому что героем его был знаменитый охотник Ян ван Вильюн.

В 1858 году ван Вильюн со старшим сыном и с голландцем по имени Энгельбрехт предпринял путешествие в саванну. Они покинули место, где расположен сейчас Лоувфонтейн, и собирались пересечь долину реки Морупа в нижнем ее течении. Охотники ехали впереди, так как фургоны двигались очень медленно.

Внезапно перед ними показалось стадо антилоп пала. Ван Вильюн решил испытать свое охотничье счастье и, оставив спутников, углубился в заросли. Осторожно приблизившись к животным на расстояние ста пятидесяти шагов, он убедился, что может взять на мушку чудесного самца.

Когда он прицеливался, ему показалось, что слева мелькнула какая-то тень. Он обернулся; тут же на него прыгнул лев и стал рвать его зубами. До сих пор на его лице виднеются глубокие шрамы. Прыжок могучего зверя свалил охотника наземь, но лев тут же отпустил его и принялся рассматривать то распростертого на траве человека, то лошадь, которая давно привыкла к четвероногим разбойникам и спокойно стояла рядом. В результате падения Вильюна порвалась подпруга, и седло висело теперь на задних ногах лошади.

Внимательно оглядев коня и всадника, лев попытался схватить охотника за грудь, чтобы унести, но Вильюн успел прикрыть грудь правой рукой, а левой уцепился за ухо зверя. Тогда хищник впился ему в руку и в грудь. В этот решающий момент жизнь охотнику спасла его лошадь. Желая, очевидно, избавиться от седла, она стала биться так, что оно поднялось в воздух, а подпряжки, столкнувшись, зазвенели. Лев бросил охотника и устоялся на лошади. Она стала биться сильнее, так что лопнул подхвостник и седло полетело в охотника и льва. Этого оказалось слишком много даже для бывалого разбойника. Он сделал несколько прыжков в сторону и, остановившись метрах в десяти, стал наблюдать. Вильюн тут же поднялся и схватил лежавшее рядом ружье. Однако, прицеливаясь, он почувствовал острую боль во рту. Охотник подумал, что лев прокусил ему челюсть; опасаясь, что выстрел причинит ему при отдаче такую же рану, как укус льва, он решил прибег-

нуть к оружию только при самой крайней необходимости. К счастью, спускавшиеся с ближайшей возвышенности бахурутсе громкими криками спугнули льва. Вскоре спутники Вильюна с удивлением увидели залитого кровью товарища.

Раны в груди и на руке заставили охотника целых двадцать шесть дней пролежать в постели. Лев же в ту ночь убил пастуха, жившего в близлежащем селении. Большая толпа бахурутсе уже на следующее утро устроила облаву, разыскала и застрелила хищника.

Через Капскую колонию к побережью

Этнографическая и естественнонаучная коллекции, собранные мной за время трех путешествий по Южной Африке, составляют 30 900 предметов. Из них 12 500 были представлены на выставке в Вене, с мая по октябрь 1880 г. В первой коллекции — 1300 предметов, собранных среди бушменов, готтентотов, финго, гайка*, галека, пондо, зулусов, южных** и северных, матабеле, басуто, бечуанов, батлапингов, баролонгов, бангвакетсе, макоси***, манупи, бахурутсе, бакхатла, баквена, восточных и западных бамангвато, южных и северных макалака, машона, мананса, матонга, масупиа, марутсе, мабунда, манкоэ. Кроме того, в ней имеется несколько вещей, приобретенных у жителей островов св. Елены и Мадейра, а также образцы продукции промыслов колонистов. Естественнонаучная коллекция содержит шкуры, предназначенные для набивки чучел, и 41 череп. Чтобы можно было набить чучела животных, я производил на их трупах необходимые измерения. В ту же коллекцию входят 14 мелких животных, сохраняемых в спирту. Кроме того, в ней имеется 71 шкура, не предназначенная для набивки чучел, 62 анатомических препарата, 10 экспонатов патологического характера, 134 пары рогов газелей, антилоп, буйволов и т. д.

* Часть народа коса, которая в конце XVIII — начале XIX в. объединилась вокруг вождя по имени Гайка.

** Под южными зулусами автор подразумевает собственно зулусов.

*** Коса.

Я собственноручно изготовил 271 птичье чучело. Кроме того, я приобрел 62 чучела у Брэдшоу и еще 69 выменял на слоновую кость у господина Уолша. Далее, 42 чучела были приобретены у мистера Х. и 20 куплены у препаратора Южноафриканского музея в Капштадте*.

Коллекция содержит 25 черепашек (2 анатомических препарата), 256 ящериц (2 анатомических препарата), 87 змей (10 анатомических препаратов), 45 жаб, 69 рыб (4 анатомических препарата), 2256 образцов членистоногих.

Насекомых в 1872—1878 гг. было собрано свыше 18 тыс. Моллюсков — 782.

Из 1138 выставленных окаменелостей 60 я получил в подарок, остальные собрал сам. Кроме того, на выставке были показаны 1130 образцов высушенных морских водорослей, 364 — плодов и семян, а также разновидностей деревьев и т. д., 3328 высушенных растений в гербариях. Из минералов были выставлены 720 образцов.

После семилетней разлуки с родиной я не мог больше противиться желанию свидеться с близкими и друзьями в Европе. 5 августа 1879 года я простился с Южной Африкой и взошел на борт парохода «Джермен». Мои коллекции были отправлены в Европу отдельными партиями. Самую крупную — около 50 ящиков — я вез с собой.

В душе моей зреет решение при первой же возможности вернуться в Африку, чтобы подольше задержаться в интересных местах, которые я видел только мельком, и лучше с ними познакомиться. Кроме того, я хочу, основываясь на опыте, приобретенном за семь лет путешествий, заняться исследованиями в новых районах Южной и Центральной Африки.

Подготовка к экспедиции в Центральную Африку**

Мучила-Уумсинга! Эти два слова навеки запечатлелись в моем сердце!

Некогда добрый отец посеял в моем сердце семена «любви к природе». Дневники Ливингстона помогли им прорасти, благодетели, учителями именуемые, заботливо

* Немецкое наименование Кейптауна.

** Из книги «Из Капштадта в страну Машукулумбе».

ухаживали за всходами. Вот почему сразу же после окончания университета я сменил берега Молдавы на южноафриканские степи, а стобашенную Прагу на палаточный городок Нью-Раш *. И вот в 1875 году я достиг своей цели — Замбези — и начал путешествие вверх по течению. В тот момент не было на земле человека счастливее меня. Я стоял на пороге того Эльдorado, о котором мечтал двадцать лет, и проник в *terra incognita*, хотя и на углу челне.

Я стал бы врагом каждого, кто еще 4 декабря 1875 года указал бы мне на хрупкость этой скорлупки. И когда она пошла ко дну, мне показалось, что вместе с челном погрузились в водяную могилу и слава моя, и успех экспедиции, и все мое земное счастье. Через какое-то время ко мне вернулась способность рассуждать, и я понял, что, потеряв боеприпасы, медикаменты и товары, взятые для обмена, нельзя думать о продолжении путешествия. Но в тот же миг в голове моей родилась мысль: «Ты вернешься и продолжишь то, что начал!». Не только моя беспокойная натура заставляла меня желать снова отправиться в области, лежащие к северу от Замбези. Опыт, приобретенный во время пребывания на Замбези в конце 1875 и начале 1876 года, ясно показал мне, что на этой реке можно еще сделать много открытий. Уже тогда я убедился, например, что государство Марутсе представляет собой одну из интереснейших областей на африканском материке. И не только потому, что оно населено множеством племен со своеобразными обычаями. К обстоятельствам, интересным для этнографа, присоединялись необыкновенно богатая фауна, а также тропическая флора с новыми для нас разновидностями растений. И, наконец, таинственный зов страны, где не ступала еще нога европейца! Государство Машукулумбе, лежащее к северу от матока, как магнит, влекло к себе исследователей Южной Африки. Поэтому я использовал пребывание на родине с 1879 по 1883 год в первую очередь для того, чтобы подготовиться в научном и материальном отношении ко второй большой экспедиции в Южную Африку. Стремление сорвать покров с таинственных стран, дружелюбно улыбавшихся смельчаку, стало делом моей жизни, единственной ее целью.

Я намеревался начать путешествие у водопада Виктория или у устья Чобе, а затем взять курс на север, чтобы

* Поселок старателей близ Кимберли.

достигнуть озера Бангвеоло. Однако сначала я хотел исследовать область машукулумбе. После восьмимесячного пребывания на Замбези я знал, что в эту область можно попасть из района среднего течения Замбези, если подняться вверх по реке или же направиться прямо на север от устья Кафуэ. Основной целью моего второго путешествия стал переход через области, населенные матока и машукулумбе.

Если меня спросят, почему эти края настолько увлекли меня, что заставили отказаться от намерения пересечь материк и выйти к Занзибару или в Луанду, я отвечу: причиной тому чары, которыми неизведанные страны способны околдовать всякого настоящего исследователя. Я поставил перед собой задачу ближе познакомиться с северными матока и машукулумбе, которых видел в 1876 году в качестве посланцев при дворе Сепопо, причем познакомиться у них на родине, изучить их и стереть еще одно белое пятно с карты Африки. Надеюсь доказать своей книгой, что это была достойная задача.

Путь от Замбези до Бангвеоло целиком проходил через неведомые земли, а потому был опасен, но такое путешествие должно было дать много нового во всех отношениях. Переход же из района среднего течения Замбези в Мосамедиш и Луанду уже не представлял собой проблемы, ибо в столице государства Марутсе английские купцы, приехавшие с юга (из Шошонга), обменивались рукопожатиями со своими соотечественниками и с немцами, осевшими в Юго-Западной Африке (в частности, в Китовой бухте), а также с португальцами с западного тропического побережья. К тому же этот маршрут был неудобен из-за большой протяженности и не мог обогатить географическую науку. Этнографические исследования также не обещали добавить ничего существенного к тому, что я узнал о племенах марутсе во время первого путешествия, и к тому, что рассказал Серпа Пинту*.

Помимо решения географических загадок района, лежащего к северу от Замбези, я ставил перед собой задачу собрать возможно более богатые коллекции для отечественных музеев. Скажу сразу же, что эти коллекции явились ошутимым результатом моих научных исследований. Экспонаты, собранные во время первого путешествия, попол-

* Португальский путешественник и колониальный деятель (1846—1900).

нили сто тридцать музеев и научных учреждений. Мои новые коллекции в большинстве случаев уступают прежним по объему, но в научном отношении стоят значительно выше.

Меня сопровождали восемь человек. Первой я назову свою супругу, с которой вступил в брак всего за несколько дней до отъезда в Африку. Дочь инспектора здания Дворца всемирной выставки в Вене, где министерство торговли предоставило мне место для мастерских, она имела возможность ознакомиться с моей работой и устремлениями. Любознательность переросла в интерес, а интерес — в желание самой отправиться в дальние страны. Итак, она последовала за своим избранником в еще не изученные области Черного материка, лишь отчасти сознавая, с какими опасностями это сопряжено. Ей пришлось вынести все тяготы путешествия по Африке, но ни разу она не пожалела о своем решении. Хрупкий организм ее вопреки всем пророчествам сумел противостоять коварному климату. Да и в моральном отношении она не согнулась под тяжелыми ударами судьбы. Напротив, она то серьезным словом, то шуткой поддерживала нас, мужчин.

Моя жена стала лучшим специалистом по набивке маленьких птичьих чучел, производила измерения убитых млекопитающих, перед тем как с них сдирали шкуры, и с особенным удовольствием занималась ловлей четырехкрылых. К северу от Замбези она превзошла всех участников экспедиции в умении закупать продовольствие и полностью взяла на себя провиантскую часть.

Со мной было шестеро слуг, выбранных из семисот, предложивших свои услуги. Это были венцы Карл Букач и Освальд Зельнер, уроженец Нижней Австрии Игнац Лееб, чех Йозеф Шпираль, уроженец Моравии Антон Галушка и венгр Фекете Янош. Исходя из опыта изученных мной экспедиций, я отклонил многочисленные просьбы представителей так называемых образованных слоев и взял с собой только наемных работников.

Слуги обладали высокой квалификацией и владели многими ремеслами, в которых ощущается надобность во время экспедиции. Однако я стремился сделать их еще более разносторонними специалистами. С этой целью перед началом путешествия, во время переезда из Вены в Капштадт и пребывания в этом городе и в горах Сомерсет-Уэст, я вел с ними теоретические и практические занятия.

Мои люди полностью оправдали возлагавшиеся на них надежды. Особенно способным оказался Лееб. Разумеется, чтобы не вносить раздоров среди участников экспедиции, я старался никому не отдавать предпочтения и не выделять Лееба.

Мы фактически не имели дней отдыха. И все же никогда я не слышал жалоб, хотя нередко нам приходилось работать до глубокой ночи, чтобы справиться с неотложными делами. Люди не роптали, потому что знали: руководитель экспедиции будет бодрствовать еще несколько часов, после того как они отправятся спать, а может быть и до самого рассвета.

В южной части страны восточных бамангато. Царь Кама

Еще до рассвета мы оседлали лошадей и после часа езды по живописной холмистой местности, кое-где засеянной кукурузой, достигли широкой долины Шошонга. На склоне северной цепи холмов Бамангато, близ устья реки Шошонг, мы увидели город того же названия. Сначала показались белые домики маленького европейского поселка, а затем и самый город, населенный африканцами-банту.

В предыдущий мой приезд хижины города отстояли на несколько сот шагов от жилищ европейцев. Так распорядился Кама, желая поддержать нравственность своих подданных. Приказ его преследовал, в частности, ту цель, чтобы по вечерам ни одна африканка не могла показаться незамеченной на незастроенном пространстве. Однако в правление Камы благосостояние восточных бамангато настолько возросло, что большинство из них расширило свои дворы, и многие семьи, жившие на равнине, вдалеке от резиденции черного Марка-Аврелия, переселились в Шошонг. Это соответствовало планам Камы. Он хотел сделать Шошонг большим неприступным городом, чтобы в случае нападения матабеле или буров иметь возможность оказать энергичное сопротивление. Шошонг стал быстро расти, но так как на востоке его ограничивали естественные препятствия — горное ущелье, река и скалистые высоты, — он мог расширяться только на запад и юго-восток, то есть в сторону европейского квартала. Объективные ус-

ловия оказались сильнее царской воли. В настоящее время Шошонг простирается с одной стороны до европейского квартала и, огибая его, подходит к нему и с другой.

Самым важным для Шошонга как в мирное время, так и в тревожные дни войны всегда был вопрос о воде. Как я уже сказал, Шошонг расположен близ устья одноименной реки, которая удовлетворяет его потребность в воде. В окрестностях нет другого водоема, который бы круглый год не пересыхал. Поэтому врагу, стремящемуся захватить Шошонг, достаточно овладеть узким ущельем, по которому протекает река: единственный искусственный колодезь, вырытый во дворе дома фирмы Френсис и Кларк, легко может быть засыпан.

Кама уже несколько лет назад разработал план обороны на случай нападения матабеле. Шошонг открыт только со стороны европейского квартала, и здесь царь создал неприступную стену, насадив полосу колючих кустарников шириной до 100 метров. В ней оставлено только несколько проходов. Кама имеет верных союзников, люто ненавидящих общего врага, в лице масарва, которые больше всех страдают от разбойничьих набегов матабеле. Это тем более важно, что масарва — прекрасные разведчики. Даже североамериканский индеец прошлых времен не сумел бы вести разведку хитрее, чем масарва. Получив сообщение о приближении матабеле, Кама быстро укрыл бы в скалах над Шошонгом стада своего племени, обычно пасущиеся в местности Гунова в 17 милях от города и в других районах, где достаточно воды. Вся эта операция может быть закончена через шесть часов, после того как конные гонцы сообщат пастухам царский приказ. За этот же срок женщины перенесли бы на скалистые возвышенности за своими жилищами запасы зерна. Владея стратегически важными пунктами и имея несколько тысяч винтовок, Кама сумел бы дать отпор нападающим.

Матабеле всегда действуют тысячами. В открытом поле они подобны урагану, и все соседние народы с полным основанием страшатся их. Однако матабеле сами всегда боятся голода и жажды. Именно по этой причине они так долго не нападали на Шошонг. О том, что матабеле больше всего боятся жажды, свидетельствует их поход на западных бангват, предпринятый незадолго до моего приезда. Пройдя по безводной местности, отряд матабеле вышел к реке Зуга. В этом месте река заболочена и изобилует

крокодилами, форсировать ее нелегко. Матабеле шли с севера, а на южном берегу расположилось селение макалака, подданных Камы. Едва завидев воду, матабеле бросились к реке, чтобы утолить жажду, хотя на противоположном берегу выстроились вооруженные винтовками макалака. Они очень плохие стрелки, но тем не менее уничтожили гридцать восемь врагов, потому что матабеле вели себя так, словно впереди им ничто не угрожало.

Чем ближе подъезжали мы 24 июля 1885 года к Шошонгу, тем больше людей попадалось нам навстречу. Преобладали женщины и девушки, но встречались и старухи. Все они с песнями шли работать на поля и собирать хворост. Одеты они были в короткие, до колен, передники из шкур и перекинутые через плечо накидки, украшенные белыми и черными кружочками, вырезанными из козьих шкур, и нитями стеклянных бус. На головах красовались европейские платочки, пестрые носовые платки или остроконечные соломенные шляпы, искусно изготавливаемые в Шошонге. На руках и на икрах виднелись многочисленные украшения толщиной подчас в ладонь, из синих стеклянных бус. В руке или на голове они несли корзины с мотыгами. Женщины выходили из дома утром, а возвращались только к вечеру. Те, кто побогаче, ехал в фургонах, запряженных волами. Веселые и счастливые, африканцы щелкали огромными бичами с такой силой, что наверху откликалось эхо. Почти каждый приветствовал нас словами: «*Киатумела баас!*» Около девяти часов утра мы приехали в Шошонг.

Мы нанесли Каме визит на котле, а жене его Ма-Бесси — матери старшей принцессы, которая при крещении получила имя Бесси (теперь она была уже замужем), — в ее домике. По обычаю бечуанов царица со служанками построила этот домик для себя и своего господина.

Вокруг котлы располагались дворы царя, его приближенных и слуг. Все они имели обычную у бечуанов круглую форму, только были просторнее других хижин. Я принес в подарок Каме револьвер, а царице — красивый шерстяной платок, одеяла и другие вещи. Кама принял меня самым сердечным образом, осведомился о моей судьбе после 1876 года, когда мы виделись в последний раз, и принялся уговаривать, чтобы я не ездил, особенно в сопровождении жены, в область к северу от Замбези, населенную дикими племенами.

Прощаясь, он обещал прислать мне курдючную овцу, что потом и сделал, и напоследок спросил, не потерял ли я седло по дороге к Лимпопо. О благодарности Кама и слышать не хотел. Он только спросил, нужно ли мне седло, а если нет, то не продам ли я его. «С удовольствием,— ответил я,— у нас подошло трое лошадей, а для остальных с избытком хватает седел». Что же я хочу получить взамен — может быть, вола? Сегодня утром он видел во дворе дома фирмы Френсис одного моего вола, который находился при последнем издыхании. «Да, хороший упряжной вол мне бы очень пригодился»,— ответил я.

Сутки спустя я получил такого вола — чудесное животное.

Кама разрешает европейцам, которые ведут себя безупречно, селиться и строить для себя дома на его земле в упоминавшемся квартале. Если европейец покидает город, не оставив распоряжений, собственность его переходит к Каме. Купля и продажа строений, принадлежащих иностранцам, допускаются только с разрешения Камы. Каждый европейец ежемесячно уплачивает Каме 12 гульденов (фунт стерлингов) в качестве арендной платы за землю, на которой стоит его дом (сюда входит также плата за сад и помещения для скота), и еще столько же за пользование колодцем во дворе дома фирмы Френсис и Кларк: Кама купил его у фирмы. Таким образом, оба торговых дома, занимающихся оптовой торговлей (один — Френсиса и Кларка, второй — купца из Наталя), платят царю такие же налоги и сборы, как кузнец или каретник, живущий в настоящей развалине, то есть 24 гульдена. За это им разрешается вести в стране торговлю и, кроме того, держать скот в местах, указанных царем, обрабатывать землю и заготавливать лес для строительства и отопительных целей, траву для крыш и т. д.

Царь Кама обращает большое внимание на нравственность как своих подданных, так и европейцев: нарушителей общественной морали он постепенно выслал из страны.

Сейчас я вновь удостоверился в том, что заметил уже во время первого путешествия: царь Кама делает все для того, чтобы цивилизовать бамангвато, и достиг в этом отношении необыкновенных успехов. К счастью, он перенимает от белых только хорошее и старается привить это хорошее своим подданным. Успехи его признают все иностранцы, которые приезжают с юга, где уже посетили дру-

ние города бечуанов. Потребовалось бы несколько глав, чтобы рассказать о всех препятствиях, которые пришлось преодолеть Кама. Он заслуживает, чтобы успехи, достигнутые благодаря его железной воле, были описаны в каком-нибудь историческом труде.

То, что Кама сделал в Шошонге, беспрецедентно в истории коренного населения Южной Африки, и об этом нельзя умалчивать, когда речь заходит о способностях африканцев к прогрессу. Рост благосостояния подданных — самое горячее желание Камы, и он уже много лет со все большей энергией стремится к этой цели. Могущество болдунов в его племени сломлено навсегда, покончено и с пирами, на которых местные жители поглощали в огромных количествах бучуалу. «Зимой и летом вы не раз терпели голод, когда обильные дожди не орошали полей,— говорил царь, обращаясь к соседним племенам.— Но вы сами виноваты в том, что голодали, что дети ваши гибли, что у вас трясутся колени и вы едва держитесь на ногах. А почему все это? Разве в прошлом году вы не убрали с полей столько сорго и кукурузы, что огромные сосуды (гигантские урны, покоящиеся на подпорках или камнях и вмещающие до полутоны зерна) были полны доверху?» — «Да, так было». — «Но бóльшая часть зерна пошла на приготовление бучуалы. Значит, добрую половину запасов вы потратили на полоскание горла. На следующий год дождя не было, сорго не уродилось, запасы в сосудах истощились и среди вас начался голод. Между тем я и мои люди не испытывали нужды».

Европейские спиртные напитки запрещены во всей стране. Даже европейцам потребление их разрешается только в четырех стенах. Белый, замеченный на улице пьяным, прежде подвергался суровой каре, да и теперь его высылают из столицы. «Зачем я стану допускать, чтобы моим людям показывали дурной пример?» — говорит Кама. Десять лет назад путешественники, приезжавшие в Шошонг, пророчествовали, что пьянство недолго удастся держать под запретом, что Кама не сможет оказать сколько-нибудь действенное сопротивление распространению этого зла цивилизации. Но, благодарение богу, предсказания не сбылись. Законы Камы сохраняют силу; хочется надеяться, что они пустили уже достаточно глубокие корни и будущему преемнику Камы придется им следовать.

Некоторые примеры показывают, что Кама проявил себя как дальновидный реформатор во всех областях государственной деятельности. Он научил свой народ пользоваться деньгами, привил ему новые потребности, а также трудолюбие и тем поставил благосостояние своих людей на прочную основу. Он посоветовал расширять площадь посевов и способствовал распространению плуга. Он внушил подданным доверие к лекарствам европейцев, так что, заболев, они сами обращаются за медицинской помощью. Он улучшил также участь подчиненных племен — масарва и макалахари, но вместе с тем железной рукой выдворил из страны всех, кто нарушал его законы или роптал на них. Кама взял под защиту диких животных своей страны, прежде чем белые люди уничтожили их, как во владениях правителей южных бечуанов. Этим он на многие годы обеспечил своих людей мясом, а также шкурами и кожами как источником дохода. Большинство бамангвато одевается теперь по-европейски.

Десять лет назад лишь немногие подданные Камы владели лошадьми, а теперь царь может выставить кавалерийский полк. Конники не имеют, правда, соответствующего холодного оружия, но, подолгу охотясь в делях, научились неплохо обращаться с карабином. И если эта кавалерия не может равняться с европейскими гусарами, то все же создание ее является важным шагом вперед в развитии военного искусства бамангвато, ибо в Южной Африке она уступает только коннице басуто на Каледоне. Всадники бамангвато далеко оставляют за собой воинственных матабеле, чья пехота лучшая в Южной Африке.

Все это — творение Камы. Он еще при жизни заслужил памятник. Благородство Камы, в частности по отношению к своим родным, беспредельно. Его брат Камане по крайней мере десять раз организовывал заговоры против царя, но Кама всякий раз прощал его. Хочу надеяться, что Каме не придется раскаиваться в своей чрезмерной снисходительности или даже поплатиться за нее жизнью.

Я очень быстро убедился в успехах санитарного просвещения среди жителей Шошонга. За какую-нибудь неделю, проведенную в этом городе, мне пришлось лечить шестьдесят пациентов. В обычное время высшим медицинским авторитетом здесь является мистер Кларк, владелец небольшой аптеки. Однако, не будучи врачом, он ничего не может поделать с главным злом — сифилисом. Этот яд,

еще более опасный для детей природы, чем для культурных народов, был занесен сюда очень давно теми бамангватом, которые уходили работать на юг.

Второе пребывание на реке Матеци

Вместе с Блокли в Панда-ма-Тенгу прибыл его тесть Африка, который играет выдающуюся, может быть, самую выдающуюся роль в дикой жизни общества на Замбези. Пока была жива его первая жена — удивительно мягкая и заботливая женщина, — она служила добрым ангелом для этого человека, не знающего удержу ни в чем. Но с ее смертью судьба Африки круто изменилась. Напрасно лишил он жизни сотни слонов: выручка от продажи ценной слоновой кости прошла в виде спиртного через его глотку, и он превратился в нищего.

Чего только не пережил на охоте наш герой! Рассказ о его приключениях растянулся бы на целые тома. Его познания послужили руководством многим охотникам за слонами и, вероятно, спасли жизнь не одному новичку. Нынешняя жена Африки ведет в его хижине далеко не легкую жизнь. То количество ударов бича из кожи бегемота, которое обрушилось на нее за короткое время замужества, убило бы не одну, а трех европейских женщин. И все же — тут мы имеем дело с той же загадкой, что существует среди нас, — она еще любит мужа и целует его жестокую руку.

Уже при первом знакомстве я заметил, что на обеих руках у Африки не хватает больших пальцев, да и все остальные покалечены. Я сразу подумал, что тут не обошлось без приключения на охоте. В ответ на мой вопрос я услышал следующий рассказ.

— Вы правы, господин доктор, это у меня с охоты. Когда я не охочусь на слонов, я каждый месяц ухожу за свежим мясом. В декабре 1883 года я отправился в любимыя мне дебри на Матеци, километрах в десяти вниз по течению от Панда-ма-Тенги. В первый день мне не повезло, и мы встали лагерем на самой Матеци.

Ночью слышался рев льва, но рано утром нигде не было видно диких зверей, к тому же выпала обильная роса, и мы решили уйти из лагеря позднее и тогда уже внимательно рассмотреть свежие следы, ведущие к воде. Я снова

улегся на постель из мягкой травы и стал посасывать трубочку, как вдруг услышал громкий крик моих слуг и вскочил на ноги. Что-то напугало африканцев. А тут еще раздался лай собак, и, выскочив из хижины, я успел заметить, как они неслись вдоль реки. Но вскоре собаки исчезли в высокой траве. Не успел я спросить, что за зверя они преследуют, как слуги стали кричать, что сию секунду видели поблизости от хижины нескольких львов, которые направлялись вверх по течению реки.

Я сразу подумал, что собаки в опасности. Схватил винтовку, велел слугам идти за мной и поспешил за сворой. Зайдя в траву метров на сто, я увидел еще трепещущее тело одной из собак. В нескольких шагах от нее валялась другая с распоротой грудью. Услышав шум впереди и справа от себя, я стал осматриваться и неожиданно взглянул прямо в глаза львице, пожиравшей труп кабана. Однако шум исходил не от этой хищницы, а от двух других львов, которые чуть дальше огромными прыжками преследовали диких свиней. На этот раз моя пуля, против обыкновения, не попала в цель и угодила львице не в грудь, а в бедро. Она вскочила и бросилась бежать. У меня с собой было только две пули, никого из африканцев, которым я велел следовать за мной, я не видел. Лагерь же находился близко, поэтому я поспешил к шалашу, чтобы быстро заpastись патронами и начать преследование зверя.

Однако не сделал я и пяти шагов, как заметил другую львицу. Пригнувшись к земле, она готовилась прыгнуть в мою сторону. Я быстро перезарядил ружье, но куст мешал мне прицелиться в переднюю часть туловища зверя, что всегда желательно. Тогда я опустил на колени, чтобы из этого положения поразить ее насмерть. «Паф!» — загремело мое тяжелое восьмифунтовое ружье, но крупнокалиберная пуля задела только кожу на лбу львицы. «Паф!» — повторило в долине эхо звук второго и последнего выстрела, который я мог сделать.

Тут я заметил африканца и закричал ему, чтоб он быстро принес мне патронов, а я попробую пока взобраться на дерево. И вот, господин доктор, не успел я произнести эти слова, как увидел, что львица прыгает. В тот же миг ударом правой передней лапы она бросила меня на землю. Я упал на спину, зверь подмял меня под себя, и страшная морда с огромными резцами потянулась к моей голове.

Зная повадки этих бестий, я следил за движениями головы и передних лап и, защищая лицо, выставил вперед правую руку. Львица тут же схватила ее. Челюсти сомкнулись — и большой палец, а также мизинец повисли на клочьях кожи. Тогда на помощь пострадавшей сестре пришла левая рука. В тот же миг львица перекусила надвое указательный палец. Хотя остальные пальцы пострадали меньше, кровь сочилась из всех. Почувствовав, что правая рука свободна, я схватил ею свой короткий охотничий нож, чтобы быстро вонзить его в горло хищницы. Однако в израненных пальцах не хватило силы даже на то, чтобы продырявить кожу зверя. Совсем близко от себя я увидел зеленоватый блеск его глаз. Ага, вот подходящее место! И я воткнул в глаз нож по самую рукоятку. Вероятно, он проник в мозг львицы. Хищница отпустила правую руку и, схватив левую, совершенно откусила большой палец, но тут же оставила меня в покое и поднялась, сотрясаясь в конвульсиях. При этом она нанесла мне ранение еще и в верхнюю часть правого бедра.

Не успела она подняться, как я в свою очередь вскочил на ноги, но ударом в поясницу львица через мгновение снова уложила меня наземь. Однако я услышал при этом громкий хрип. «Твой конец близок, чудовище!» — радостно крикнул я своей противнице. Из ее огромной пасти падала кровавая пена. Мне удалось приподняться, и львица уже не смогла подмять меня.

Вместе с надеждой на спасение у меня прибавилось сил. Окровавленными, изуродованными руками я схватил бестию за горло, стараясь оттянуть назад ее голову, чтобы она больше не достала до меня пастью. Это удалось мне, господин, я даже выпрямился и попытался сбросить с себя львицу, передние лапы которой рвали мне плечи, но не сумел. Что тут делать? Я боялся агонии хищницы, ибо при этом к ней, пусть на мгновение, вернутся жизненные силы, и тогда я погиб. Я продолжал отчаянно бороться со зверем. Случилось так, что бутылка с порохом, которую я носил на шнурке (вы ведь знаете эти бутылки, нам приходится брать их всякий раз, как мы покупаем фунт пороха), выскочила вперед и тем самым привлекла к себе мое внимание. В голове моей, как молния, сверкнула спасительная мысль.

Я быстро схватил бутылку и засунул в разинутую пасть зверя. Раздался скрежет и лязг — зверь прокусил бутылку, —

а затем сильное сопение, как если бы порох проник в дыхательные пути. Я почувствовал, что когти глубже проникают в мое тело, а потом их хватка ослабевает. Отчаянным усилием мне удалось высвободиться и отскочить вбок. Львица присела на задние лапы и качалась из стороны в сторону. Внезапно она упала навзничь. Я сделал еще один прыжок назад, чтобы уйти подальше от зверя. Но в этом уже больше не было надобности: мой жестокий враг прекратил борьбу, ему пришел конец.

Прошли месяцы, пока мои раны наконец зажили без помощи врача и я снова смог носить оружие.

Позднее, когда мы прожили по соседству с Африкой целых три недели, мои спутники имели возможность наблюдать домашнюю жизнь этого знаменитого охотника на львов и слонов. Когда однажды он опять избил жену бичом из кожи бегемота, я попросил Розу сходить к нему и объяснить, как это отвратительно. Она отправилась в его хижину и нашла великана сидящим на низенькой табуретке. Изуродованными руками он шил передник для своей жены. Она, казалось, простила ему за это все. Роза, вместо того чтобы ругать его и поучать, невольно рассмеялась. Она и теперь говорит, что нельзя представить себе более комичное зрелище.

Переход из Мо-Монквембо в Мо-Понде *

В июле 1886 года я находился в самой северной части территории матока на границе страны Машукулумбе. Царь матока Мо-Панза — сосед машукулумбе, загадочного народа, на земле которого не побывал еще ни один европеец, народа, тревожившего мою фантазию с 1875 года. Теперь я узнал, что Мо-Панза — единственный из правителей матока, который поддерживает довольно хорошие отношения со своими соседями и даже ведет с ними меновую торговлю. Он может и должен сообщить мне необходимые сведения.

* Резиденция Мо-Панзы.

Пребывание у Мо-Панзы и путешествие до границы страны Машукулумбе

В первый же вечер, проведенный нами в лагере на реке Ки-Н'Онга, я послал Фекете к Мо-Панзе. Слуга вернулся и доложил: «Господин доктор, такого доброго старого царя мы у матока еще не встречали!»

Трудно рассказать, как обрадовало меня это сообщение. Ведь именно теперь, когда мы готовились к прыжку в страну Машукулумбе, для успеха нашего предприятия был особенно нужен дружелюбный правитель.

Еще до того как мы прибыли во владения Мо-Панзы, он слышал о нас и был чрезвычайно счастлив, что наконец-то к нему явились белые! «Я так долго ждал макоа,— сказал он Фекете.— Слышал про Монари и про маленького Дохороша *, слышал, что они переправились через Великую реку,— тут он показал на юг — и идут к нам, но они так и не пришли. Я уж думал, что умру, не увидев никого из вас, и вот все-таки встретился с макоа. Да к тому же ты говоришь, что пришел не один, что с вами есть даже мосари ** или мусезана ***».

Мо-Панза захолопал от радости в ладоши, и хотя ему было за девяносто и он ослабел под бременем лет, опустился на колени и поцеловал землю. «При этом,— рассказал мне Фекете,— он говорил о том, как счастлив теперь, когда самое его сокровенное желание исполнилось и он собственными глазами увидит белых европейцев, умеющих делать ткани и ружья! Мо-Панза угостил меня пивом и послал вам, господин доктор, горшок с пивом, земляные орехи и кукурузу».

Я со своей стороны приготовил подарки для царя и поручил слугам доставить их по назначению. Позднее я убедился что Мо-Панза действительно добрый человек. К тому же он имел не менее покладистого и крайне разговорчивого старого советника. К сожалению, последнего слишком часто оттеснял в сторону брат Мо-Панзы — корыстолюбивый Тартюф лет сорока.

* То есть маленького Георга. Так называли мистера Блокли в отличие от мистера Вестбича — «большого Георга». — *Прим. автора.*

** Замужняя женщина. — *Прим. автора.*

*** Девушка. — *Прим. автора.*

Милый братец явился к нам уже на следующий день и стал бесстыдно приставать с различными требованиями и претензиями. Больше всего он старался заполучить оружие с большим количеством патронов, имея в виду предпринять с отрядом соплеменников разбойничий поход в пограничные районы страны Машукулумбе (главным образом, для захвата скота). Он намеревался действовать на собственный страх и риск. До этого времени у его людей были только плохие мушкеты, к тому же без патронов. Выражаясь дипломатическим языком, я еще не вступил в официальные отношения с машукулумбе, но мне было совершенно ясно, что нам не следует как-либо поддерживать подобное предприятие.

В тот же день нас посетил и старый советник царя, который по поручению Мо-Панзы пожелал узнать, как я себя чувствую. Я попросил предоставить мне сорок носильщиков, чтобы отнести мое имущество в царскую резиденцию. Нанимать на такой короткий участок пути больше сорока носильщиков не было надобности, поскольку мои слуги могли помочь при переноске поклажи.

Назавтра утром пришли носильщики, с которыми мы быстро сговорились о цене. Из уважения к Мо-Панзе я при вступлении в его резиденцию впервые устроил торжественное шествие.

Впереди шел бой* с развевающимся австрийским флагом. За ним Фекете, за Фекете — остальные участники экспедиции. Дальше следовали слуги с подарками, предназначенными для Мо-Панзы. Замыкали шествие носильщики. Через час с четвертью мы достигли царской резиденции, которая, согласно обычаю, располагалась на лесистом склоне возвышенности, среди обширных полей сорго и кукурузы.

Наученные опытом, мы не ожидали от резиденции ничего особенного. Так называемые царские дворы состоят из жалких хижин. Они так примитивны, что очень быстро приходят в негодность, их никогда не чинят, поэтому все резиденции к северу от Замбези имеют очень запущенный вид.

Царское жилище Мо-Панзы было наиболее жалкой руиной из всех нами виденных. Несколько дырявых хижин

* Прозвище старшины африканцев, нанятых Э. Голубом для обслуживания экспедиции.

и совершенно развалившихся, даже потерявших обычную круглую форму легких строений из бревен и ветвей, с негодными травяными крышами — вот и вся столица! Глина, которой некогда были обмазаны эти хижины, большей частью обвалилась, и ветер весело задувал через бесчисленные дыры, щели и трещины. Как только снаружи становилось холодно, ящерицы, змеи и насекомые свободно проникали в дома, и только дым мешал летучим мышам и совам ночевать вместе с людьми.

Столь плачевное состояние жилищ показалось мне тем более удивительным, что матока хорошо обращаются со своими женами и не заставляют их много работать. У читателя может возникнуть вопрос: какое отношение имеют жены к сооружению хижин? Самое непосредственное, ибо у жителей Южной Африки строительством занимаются женщины. У племен, живущих к югу от Замбези, они, кроме того, выполняют все полевые работы. Несмотря на это, хижины бечуанов и матабеле — настоящие дворцы по сравнению с творениями женщин из племени матока, хотя последние не работают в поле и даже при постройке хижин супруги подносят им дерево и глину.

Главной причиной плохого состояния жилищ я считаю теплый климат и густые леса, которые летом дают тень, а зимой защищают от ветра и холода не хуже, чем хижины: великолепные природные условия выработали у жителей безразличие к их домам.

Между хижинами росли мимозы и две огромные смоковницы. Несмотря на зимнее время, деревья стояли в красивом наряде из больших темных листьев, а их густые ветви сгибались под тяжестью плодов, которые висели связками или кольцами шириной в 80—100 сантиметров. Фиги, имевшие бежево-оранжевую окраску, были не крупнее итальянских, но содержали в четыре раза меньше питательных веществ. Местные жители предпочитали им различные лесные плоды, но охотно прятались в тени смоковниц от солнца, а их ветви употребляли в качестве стропил для крыш. На одной из мимоз висели щит и несколько корзин, вероятно военные трофеи.

Когда торжественное шествие достигло наконец резиденции Мо-Панзы, нас уже ждало все население, от мала до велика. Матока еще никогда не видели белого человека. Можете себе представить, с какой поспешностью ринулись они к нам. Вероятно, никто из них и не подумал о

том, какое впечатление производят на нас они сами и их хижины. Для этих счастливых их мирок был всей вселенной.

Вскоре мы увидели две хижины, которые занимал Мопанза, а вокруг — имевшие более приличный вид хижины его жен. Поблизости росла молодая смоковница с густой листвой. Под ней обычно отдыхал сам царь. Нам предложили здесь подождать его. Слева виднелась развалившаяся хижина, а рядом — источенные червями наполовину рухнувшие столбы для трофеев: вбитые в землю сучковатые сухие деревья, на которые вешали трупы львов, леопардов, гиен, буйволов...

В дальнейшем мне было предоставлено право взять любой предмет из этого «храма славы». К сожалению, черепа настолько пострадали от непогоды, что ни один не мог мне пригодиться.

Подождав с полчаса, мы увидели с трудом передвигавшегося старика. Он шел, опираясь на палку, в окружении советников и безоружных слуг. На нем было наброшено красивое шерстяное одеяло, которое незадолго до того подарил ему пришедший от устья Луэнге торговец-мамбари. В этом царственном одеянии, которым он определенно хотел нас поразить, царь опустил на соломенную циновку и в нашем присутствии повторил, что счастлив перед смертью увидеть у себя белых.

Длинная приветственная речь царя, не лишенная торжественности, закончилась словами:

— Знайте: когда я говорю, что со вчерашнего дня чувствую себя счастливым, слова эти исходят из уст человека, знающего больше, чем любой из моих подданных. Ибо уста эти не раз уже смыкались, а потом открывались вновь. Несколько раз я умирал и снова оживал*. Оживлял меня бог, который, по рассказам марутсе, обитает в небесной синеве и в проносящихся по ней облаках. И потому два раза в сутки — утром и вечером — вы увидите, как я припадаю к земле и возношу благодарность богу за его милости. Вы и сами видите, что он меня слышит, ибо я часто просил его прислать мне белых, чтобы я мог познакомиться с ними. Они долго не появлялись, а я стал так стар и немощен, что едва держусь на ногах. И вот теперь вы

* Бессознательное состояние, вызванное нарушением кровообращения. — *Прим. автора.*

пришли, и я приветствую вас. Но последуйте моему совету и не ходите туда, куда решили идти. Машукулумбе не такие люди, как я и вы! Здесь перед вами всего лишь несколько хижин, и потому вы, верно, думаете, что Мо-Панза беден. Но это не так! Многочисленны мои селения, повсюду в долинах рек и посреди леса широко раскинулись мои поля. На моих землях много дичи, часто нас навещают и слоны. Мои люди никогда не страдают от голода, и машукулумбе приходят к нам торговать. Мы их хорошо знаем.

Речь царя была проникнута чувством собственного достоинства, которое придает старость; да и внешность его, особенно выражение лица, внушала доверие, производила впечатление чистосердечия, хотя глаза немного косили.

Физическое состояние правителя было очень тяжелым, суставы его рук и ног распухли от ревматизма, который готовил ему немало мучительных часов. Я сразу же понял, что суеверность Мо-Панзы, который связал наше появление со своим божеством, может быть нам полезной.

Я пожелал царю выздоровления и долгих лет жизни, а затем попросил предоставить нам место для лагеря. Выслушав меня, он указал на красивейшую смоковницу справа от себя и обещал снова прийти после полудня, чтобы потолковать о своей болезни с «белым колдуном».

В назначенное время Мо-Панза действительно явился и сразу же заговорил о своем давнем недуге. Разумеется, как и любая другая болезнь, поражающая кого-либо из матока, страдания его были следствием вражеского колдовства. «Пока я спал, в мое тело впустили муравьев*, термитов и мей, которые двигаются внутри, причиняя мне сильнейшие боли, кусают, колют и рвут, пока я не умираю**. Вернувшись к жизни, я несколько дней чувствую себя лучше».

Я обещал старику приготовить для него лекарства и перевел разговор на наше путешествие. В ответ на просьбу предоставить мне носильщиков на следующий же день, он покачал головой:

— Нет, я послал гонцов на границу со страной Машукулумбе, где у меня пасутся быки, чтоб оттуда привели одного в подарок вам.

* При частичном или временном параличе у больного возникает такое ощущение, словно в теле его бегают муравьи.— *Прим. автора.*

** Припадки, связанные с потерей сознания.— *Прим. автора.*

Желая ускорить отъезд, я тут же отказался от подарка. Но царь не уступил. Очевидно, за этим крылся его брат со своими дурными советами. Сей дипломат уже узнал, что я не собираюсь дарить Мо-Панзе ружье и намеревался принудить меня к этому с помощью остроумного хода. У царя было мало быков, и для людей этого племени они представляли очень большую ценность. Если бы я взял быка, мне пришлось бы отдарить царя чем-нибудь столь же ценным, по крайней мере ружьем.

— Господин, дай мне носильщиков, но до реки Луэнге, а не до первого селения машукулумбе.

— Что ж, идите, но я не могу принуждать своих людей: ведь до Луэнге так далеко! Обещаю тебе поговорить с ними. Многие и так придут посмотреть на вас, тогда и услышим, что они скажут.

Пока царь щедро снабдил нас крепкой бучуалой, а моих слуг — провиантом. Он сделал бы куда больше, если б его не удерживал младший брат и наследник, который отнюдь не связывал наше появление с богами.

Ни в одном из племен матока, с которыми мне доводилось иметь дело, я не встречал людей с такой оригинальной внешностью, как в этом селении. Могу утверждать, что среди подданных Мо-Панзы весьма распространен тип, указывающий на прежнюю связь матока с северными племенами. Связь эта прервалась после того, как машукулумбе захватили земли, лежащие к северу от области расселения матока.

Мне показалось также, что в жилах некоторых матока текла кровь и мамбари. Это естественно, ведь мамбари издавна посещают эти места, скупая слоновую кость. Черты их заметны у хорошо сложенных, сильных людей. по крайней мере среднего роста. У них длинные курчавые волосы, у многих орлиный нос, у некоторых удлинённый подбородок.

Матока носят на груди, а чаще на лбу или в волосах ракушки-импанде (амулеты), которым приписывают сверхъестественные свойства. Считается, например, что они предохраняют от некоторых болезней. Мо-Панза подарил своим любимым женам — а их у него немало — и детям по импанде, чтобы те, по его примеру, носили их на груди.

Как я вскоре узнал, Мо-Панза женился не только на прекрасных дочерях своей земли, но и на менее прекрасных наследницах подвластных ему вождей, которых он стре-

мился посредством кровного родства обратиться в верных пассалов. Не брезговал этот слабосильный старец и вдовами вождей, имея в виду присоединить их владения к своим полям. Таким образом, девяностолетний африканский правитель, никогда не видевший белых, мог бы послужить ниному французскому романисту прототипом для образа «старого греховодника».

Я встретил у Мо-Панзы трех машукулумбе, бежавших из своей страны. Мои спутники впервые увидели людей с шиньонами, о которых мы слышали столько дурного, начиная с Замбези.

Пятнадцатого июля появился и «настоящий» машукулумбе. Он принес для обмена четырнадцать железных мотыг, которые в свою очередь купил за быков у соседей на западе. Человек этот был совершенно нагим, если не считать куска ткани в полтора квадратных метра, накинутого на плечи. Этот лоскут он приобрел раньше у того же Мо-Панзы за несколько шкур антилоп лечве и куду.

Нас этот машукулумбе чрезвычайно заинтересовал. Не успел он войти, как мы заметили, что матока обращаются с ним не без осторожности, что его скорее боятся, нежели уважают. Поэтому ему платили больше, чем следовало. Моя жена и слуги также рассматривали «свободного машукулумбе» с известной робостью. Итак, это один из тех, кто внушает страх! Но разве вид его так ужасен? Нет, он кажется равнодушным и даже скромным. Уже два часа сидит он неподвижно на корточках. Только вздымающаяся при дыхании грудь да взгляды, которые он время от времени бросает на нас, показывают, что этот «страшный человек» не мумия, а живое существо.

На следующий день у моей жены начался очередной приступ лихорадки, и ей пришлось остаться на своем жалком травяном ложе. Чтобы по возможности охладить воду, мы наполнили водой парусиновый мешок и подвесили на тенистом дереве, где его обдувал ветер. Холодные компрессы на голову принесли страдальце известное облегчение. Я стоял близ ее ложа, пытаясь выменять у пришедших матока на стеклянные «золотые звезды» овцу и несколько очень красивых глиняных трубок, изображавших большей частью головы зверей. Вдруг жена моя закричала и, несмотря на лихорадку, вскочила. Под ее ложем извивалась полутораметровая змея, которая забралась сюда, преодолев изгородь из веток и травы.

Услышав шуршание, жена подумала, что это мышь или крыса, которые часто досаждали нам. Но вдруг она почувствовала, что подушка ее движется, и, подняв голову, увидела, как из травы показалась змеиная голова. Когда жена вскочила, мы увидели всю кобру, пытавшуюся спастись в густой траве. Заметив страшную змею, гости бросились вон из лагеря. Однако в тот же миг я метнул в нее топор, а Лееб ударил прикладом ружья, и через несколько минут пресмыкающееся с перебитым хребтом перестало быть опасным.

Почувствовав себя немного лучше, Роза навестила Мо-Панзу в его самой большой и лучшей хижине, которая служила для приема гостей. То, что она рассказала об этом зале для аудиенций, побудило меня оторваться от зарисовки селения и с небольшим подарком в руках отправиться в «чудо-дворец» Мо-Панзы.

Войдя в просторную хижину, я не сразу сориентировался, так как помещение было погружено в полумрак. Посередине его горел очаг, дым уходил через многочисленные щели и трещины в стенах, сквозь которые можно было разглядеть голубое небо солнечного июльского дня.

На жалком ложе, устроенном на подпорках, сидел седовласый монарх. Перед ним распростерлись ниц несколько новых посетителей. Они принесли обычную дань — пиво в глиняных и деревянных сосудах. Его прилежно распивали фавориты и братец царя, сидевшие по другую сторону от Мо-Панзы. Их глотки представлялись мне бесконечными трубами, уходившими под землю, ибо они просто пропускали через себя дрянной напиток, не делая при этом как будто никаких глотательных движений.

Огромные сосуды для питья быстро опорожнялись и наполнялись вновь, опустошенный горшок отодвигали в сторону и в хижину втаскивали другой, который в свою очередь через необыкновенно короткий срок оказывался пустым. Вокруг сновали и резвились большие коричневато-желтые крысы. Их никогда не трогали, они об этом знали и явно радовались доброте людей, делящих с ними свое жилище.

Поблизости от хижины Мо-Панзы находились другие дома, несколько менее защищенные для дождя и ветра. В них жили любимые жены царя. Строения не были расположены по кругу, как у марутсе.

Мо-Панза, человек, обладавший огромными земельными владениями, царь, пользовавшийся особым уважением дру-

гих вождей матока за свои связи с грозными машукулумбе, был бедняком. А ведь благодаря обилию воды и плодородию земель, принадлежавших Мо-Панзе, его подданные могли бы достигнуть благосостояния, если б только царь и его советники больше о них заботились. Животноводство и земледелие могли бы отлично прокормить в этой маленькой стране в двадцать раз больше жителей, чем сейчас, когда население ее не превышало две тысячи душ.

По случаю нашего визита Мо-Панза подарил нам полторагодовалого вола. Я решил не закалывать его, а взять в поход вместе с ослами, чтобы использовать в дальнейшем как вьючное животное. Однако вол еще не знал, что такое неволя. Не успели его привязать к столбу, как он разорвал веревку и был таков. Больше мы его не видели. От вола же, которого хотел подарить мне один марутсе — друг убитого царя Сепопо, я отказался, ибо мне пришлось бы отдавать его патронами.

Этот изгнанник, который подался сюда после смерти Сепопо, чтобы не быть убитым в числе его верных сторонников *, сразу же узнал меня и сказал, что впервые мы встретились в 1875 году при дворе его господина в Шешекке. Память у африканцев, как правило, просто удивительная и не уступает их острому зрению и слуху.

Шестнадцатого июля мы покинули Мо-Понде. Перед уходом я передал царю еще несколько подарков, а он снова предостерег меня от путешествия в страну Машукулумбе.

— Гляди,— сказал он,— если ты пойдешь туда,— царь указал на восток,— то достигнешь места, где Луэнге соединяется с Замбези. Там ты сможешь повернуть на север, миновать страну Машукулумбе и наконец достигнуть озера Бангвеоло, о котором тебе уже рассказывал мой старый друг (первый советник царя).

Вместе с тем он отдал необходимые распоряжения людям, которые подрядились пронести мою поклажу через две области машукулумбе, до северной границы с третьей, то есть до Луэнге. Я поставил носильщикам условие: либо идти до Луэнге, либо совсем не идти.

Если на этот раз я получил счастливую возможность действовать самостоятельно и решительно, то этим я обязан прежде всего милости самого царя и дружбе с его ста-

* Смерть Сепопо сопровождалась гражданской войной.

рым советником. Этот старик, обнаруживший недюжинные географические познания, не только выполнял в государстве функции своего рода канцлера, но и соединял политическую деятельность с медицинской практикой. Ко мне он, как ни странно, отнесся не как к сопернику, а как к коллеге. Народ очень уважал старика, а потому его покровительство весьма облегчило мое предприятие. Он уговаривал то одного матока, то другого следовать за нами в глубину страны Машукулумбе, до самой Луэнге. Его авторитет оказался сильнее страха, и мы с легким сердцем выступили из лагеря.

Воспоминания о днях, проведенных во владениях Мо-Панзы, впоследствии явились для нас светлым пятном на мрачном фоне действительности, ибо судьба наша вскоре круто изменилась.

Сначала дорога от резиденции Мо-Панзы, к нашему большому удовлетворению, вела прямо на север. Пересеченная местность имела уклон в этом направлении. В первой долине я увидел речку Ки-Ачова, а во второй — Мору-бе. На ней раскинулось селение, окруженное чудесными полями, среди которых мы отдыхали около получаса. В этом селении жила дочь Мо-Панзы — трудолюбивая, скромная женщина, которую мы щедро одарили. На деревьях вокруг хижин были развешаны большие калebasы, в которых матока хранят колдовские зелья, медикаменты, а также бро-дило, употребляемое при приготовлении бучуалы.

На ночь мы стали лагерем у селения Мусосо, лежащего на высоком правом берегу Ки-Моньеко — самой красивой из рек, протекающих в северной части страны Матока. Северный берег реки покрыт густыми лесами, изобилующими дичью. В них обитают целые стада антилоп — эланд и гну, зебр, буйволов.

Селение Мусосо, прекрасно укрытое пальмами и гигантскими мимозами, насчитывало ко времени нашего посещения всего лишь несколько семейств. Они жили в семи хижинах, представлявших собой как бы последний значительный форпост матока на границе со страной Машукулумбе. Вождь Чинганья радушно принял нас и одарил земляными орехами и дикими плодами.

Утро 17 июля 1886 года было одним из самых волнующих на протяжении всего путешествия. В этот день мы должны были впервые ступить на девственную для европейцев землю государства Машукулумбе.

Мы поднялись рано и прошли первые 5 километров в северо-восточном направлении, а потом повернули прямо на север.

Сначала мы следовали вдоль реки Моньеко, берега которой представляют собой настоящие джунгли с живописными, меняющимися пейзажами. Узкая тропа вилась примерно на высоте 12 метров над рекой.

Долина, которую мы прошли в этот день, словно создана для большого селения: плодородная почва для полей и садов, непересыхающая река, которая может круглый год давать воду для орошения земли... К тому же река Луэнге судоходна до самого впадения ее в Замбези. На левом берегу Моньеко — густые леса. Кругом — хорошие пастбища, обилие дичи.

Рассказывая о своем путешествии на север от Замбези, я не раз упоминал о том, как много дичи в тех местах, где я побывал. Однако все это не идет в сравнение с тем, что мы увидели 17 июля. Должен, впрочем, оговориться, что мы достигли границы, за которой не применялось огнестрельное оружие, и, кроме того, оказались на территории, где матока не решаются охотиться из-за машукулумбе, а машукулумбе из-за матока. Мы встречали бесчисленное множество разнообразных животных, которые нас совершенно не боялись. Если бы подобный заповедник попался нам к югу от Замбези, мы поспешили бы удовлетворить свою страсть к охоте и коллекционированию, здесь же чувствовали себя несколько подавленными: ведь мы уже вступили в страну Машукулумбе, и нам предстояло стать лагерем в одном из селений этого народа. Мысли наши снова и снова обращались к этим удивительным племенам и к их родине, еще совершенно неизвестной европейцам.

Мы шли впереди, когда один из носильщиков догнал нас и попросил подождать, пока подойдут все остальные, ибо они чувствовали себя в безопасности только под охраной наших ружей. Сильно отстал и Освальд, заботам которого я поручил заболевшую ослицу Пици-Намахари.

В это время ко мне подошел Освальд и сообщил, что ослица сдохла.

Полтора месяца спустя, уже на обратном пути, мы узнали, что ослица все еще жива и находится в одном из селений машукулумбе, где ее всячески оберегают как некое сокровище, упавшее с неба. Она совершенно здорова и даже разродилась отпрыском, который в отличие от своей серь-

езной матери — страшный баловник. Среди машукулумбе он пользовался еще большей популярностью, чем его глабокомысленная мамаша.

Кроме крупного рогатого скота и собак у машукулумбе нет домашних животных, и *asipus** вызывал у местных жителей такое же, если не большее, удивление, какое вызывают у наших крестьян верблюды, медведи или слоны, которых водят с собой канатные плясуны. Иногда машукулумбе окружали нас столь плотной толпой, что мы почти не могли двигаться. Но если один из наших ослов начинал ржать, вся масса людей мигом разбежалась, а некоторые, особенно женщины и дети, мчались до самого селения. Африканцы никак не могли привыкнуть к ослам, которых окрестили «зебрами чужестранцев». Местные быки проявляли еще меньше склонности подружиться с длинноухими, обнюхивали их и иной раз бодали. Еще чаще наших верных животных преследовали местные собаки, которые, очевидно, тоже принимали усталых серых пришельцев за зебр.

Не меньше доставалось от собак и нашим бедным козам. Вступая в селение, мы были вынуждены помещать их в середину колонны, чтобы как-то защитить. Уже тот факт, что козы и овцы, которых разводили соседи машукулумбе, были неизвестны в их стране, показывает, насколько изолированно они жили. Эта отчужденность имела и другое последствие: они не могли путем скрещивания улучшить местную породу коров, как это удалось бечуанам, которые издавна спаривали свой скот со скотом дамара и зулусов.

Ожидая носильщиков, я заметил новый тип термитников. Они были самыми низкими из всех, какие мне доводилось наблюдать в Южной Африке, — не выше 20—30 сантиметров, да и формы я такой не видел: они походили на блюдо, уровень которого понижается по направлению к центру, где находится большое входное отверстие. Поперечник такой постройки из лесса или латерита с крутой наружной стеной составлял обычно 70—90 сантиметров. Подобные постройки попадались и в долинах, но чаще я замечал их на лесистых склонах латеритовых или скалистых возвышенностей, покрытых глиной или лессом.

Наконец группами по четыре-пять человек подошли носильщики. Когда они собрались, я дал им немного отдохнуть, затем велел построиться в колонну и двигаться в сто-

* Осел (лат).

рону самого южного селения машукулумбе, которое, как говорили, находилось неподалеку.

Направо и налево от нас часто появлялись дикие животные, а по ту сторону реки Моньеко возвышались большие хижины, напоминавшие постройки матабеле. Однако людей нигде не было видно. Я расспросил людей Мо-Панзы, и они сказали, что это селение, покинутое машукулумбе. В прошлом году здесь возник конфликт между машукулумбе и людьми Мо-Панзы. Конфликт вскоре был улажен, но жители тем не менее оставили селение и основали новое под названием М'Беза.

— Глядите туда, глядите, вон машукулумбе! — закричал вдруг один из слуг, посланных на разведку.

Мы все остановились и стали смотреть в указанном направлении. И верно — там стояли четверо мужчин. Вскоре мы предстали перед первыми машукулумбе на их собственной земле.

Машукулумбе. Область от М'Безы до Кабораманды

Долгожданная встреча между нами и машукулумбе прошла в обстановке напряженности, которая была вызвана у ее участников разными причинами.

Мы, белые, были несколько скованы ощущением важности момента, носильщики-матока обнаруживали признаки страха, а первые машукулумбе, которых мы застали врасплох, не знали, что им делать — бежать от нас и призвать к оружию братьев, оставшихся в селении, спокойно оставаться на месте и продолжать резать тростник для своих хижин или же, наконец, идти нам навстречу.

Они все-таки подошли к нам после того, как мои люди позвали их. Старшему, настоящему Геркулесу, было лет сорок, остальные казались молодыми людьми. Все они ходили голыми и были вооружены самыми длинными металлическими копьями, какие я видел у африканцев. Древко копья имело в длину 2,5 метра, а наконечником служил обоюдоострый крючок.

Машукулумбе очень быстро оправались от удивления, ибо слух о нашей экспедиции летел впереди нее. К сожалению, вместе с ним распространилась весть о том, что мы

идем из страны Леваники* и что этот столь ненавистный им царственный сосед приказал вождям матока, которых мы посетили, позаботиться о переноске нашей поклажи. Уже один тот факт, что Леваника дал согласие на нашу экспедицию, до такой степени компрометировал нас в глазах машукулумбе, что они с самого начала видели в нас врагов, достойных презрения и ненависти.

«Подопечные Леваники» — худшей рекомендации не могло быть. Грубые машукулумбе даже не пытались скрыть свои чувства; мы могли прочесть их в каждом взгляде и уже через час знали, с чем нам придется столкнуться. Поначалу я еще рассчитывал, что репутация знахаря поможет мне выиграть наполовину проигранную партию, как не раз бывало во время путешествия. Однако уже через несколько дней я, к своему ужасу, убедился, что на машукулумбе не действовало даже это крайнее средство, этот спасительный талисман. Нас считали людьми Леваники — а раз так, то как можно нам верить? Нас считали шпионами Леваники — как же можно не опасаться нас? Нас считали смертельными врагами страны — чего же нас жалеть? Нас считали предателями, которые явились под видом милосердных врачей, — как же можно сохранить нам жизнь и дать спокойно уйти?

Машукулумбе, вероятно, слышали о белых, некоторые в прежние времена даже видели их при дворе Сепопо, но ведь то были (как и мы, конечно) вымазанные белой краской марутсе, которые, надев на себя эту личину, занимались шпионажем. Мы, без сомнения, марутсе, независимо от того, вымазались ли белой краской или действительно стали белыми с помощью колдовских заклинаний. Ни один машукулумбе, стар или млад, богат или беден, ни один мужчина и ни одна женщина не пожелали брать у меня лекарства даже даром. Нас избегали как злых волшебников.

Это было самое печальное открытие, и сделал я его в первый же день путешествия по стране. Мы утратили талисман, оказавшийся столь ценным среди других племен, живущих к северу от Замбези, — уважение, которое внушала повсюду моя профессия врача. На чем теперь строить наш престиж, чем заменить силу, которую придавало Стэн-

* Леваника — один из правителей баротсе, наследовавших Сепопо. Организатор военного похода в страну ила.

ли * или Камерону * большое число верных, вооруженных ружьями слуг-носильщиков? Я понадеялся на то, что ореол медицинской профессии заменит мне охрану, и не стыжусь этого заблуждения.

Ведь с того самого момента, как мы покинули цивилизованную часть Южной Африки, ореол этот выручал нас несчетное множество раз. Лишь благодаря ему мы нашли помощь у матока и смогли продолжать путешествие.

Только медицинской профессии я обязан тем, что даже у враждебно настроенных вождей получал носильщиков и удерживал их при себе. В качестве убедительного доказательства могущества моего ремесла передо мной стояли «двадцать верных» — носильщики-матока **, с которыми я шел из владений Мо-Панзы. Но теперь наш авторитет был у них поколеблен, ибо хотя они знали, что обвинение в шпионаже совершенно беспочвенно, презрительный отказ машукулумбе принимать мои лекарства не мог не произвести на них впечатления.

Мне стало ясно, что по мере продвижения к северу наши трудности будут возрастать. И я понял, почему Ливингстон не смог совершить переход через интересные области машукулумбе, о которых он, очевидно, слышал от матока. Между тем в то время осуществить подобное предприятие было значительно легче, так как машукулумбе жили тогда в добром согласии с марутсе.

Вернусь, однако, к событиям 17 июля. Первые встреченные нами машукулумбе молча указали тропу, ведущую в М'Безу, и снова исчезли в высокой траве.

Перед нами расстилалась заросшая зловещей бородатой травой равнина, на которой там и сям возвышались высокие мимозы и смоковницы, а также пальмы обеих разновидностей — вееролистные и перистолистные.

Сначала мы шли полями. По пути попадались хижины, обитаемые только в период полевых работ. Поля были невелики, но обработаны более тщательно, чем у других жителей Южной Африки. Поперек и вокруг были вырыты канавы для стока воды. Гряды имели ухоженный вид. Кое-

* Стэнли (1841—1904), Камерон (1844—1894) — известные европейские путешественники по Африке.

** Африканцы, сопровождавшие Э. Голуба, делились на слуг, которых он нанял на все время путешествия, и носильщиков, менявшихся на различных участках пути.

где на них еще остались бататы, которые в жареном виде чрезвычайно вкусны.

Поля, естественно, прятались среди высокой травы, которая окружала их стеной. Время было зимнее, а потому она высохла и шелестела на ветру. Для защиты от диких животных ее по краям посевов скрутили в снопы на расстоянии полуметра друг от друга, а верхушки каждой двух снопов связали плотным узлом.

Было бы куда целесообразнее нарубить с ближних мимоз веток и соорудить из них изгородь, но это пришлось бы делать мужчинам, а обработкой полей занимались женщины.

Хижины машукулумбе напоминали строения бечуанов, хотя были уже. Зато боковая стена их имела не 1, а 2 метра в высоту. Травяная крыша и тут была конусообразной формы, но возвышалась на целых 3 метра и не нависала так низко над стеной, как у бечуанов.

Машукулумбе возводят стены следующим образом. В землю на довольно значительном расстоянии друг от друга вбивают несколько столбов, а промежутки между ними плотно заполняют связками кукурузных стеблей, которые затем обмазывают глиной снаружи и изнутри, иногда только изнутри. Бросается в глаза незначительный по сравнению с высотой периметр этих хижин (около 3 метров).

Мы приближались к селению М'Беза. Вдруг я заметил черный остроконечник, торчавший из травы впереди нас. Я спросил носильщиков-матока, что это такое. Оказалось, что это шиньон машукулумбе, притом особо длинный, из тех, что носят юноши из зажиточных семей. Действительно, в траве вилась тропа, по которой бежал подросток, — он спешил сообщить о нашем приближении односельчанам.

Выйдя из высокой травы на поляну, мы увидели селение. Открытое пространство перед ним было заполнено обнаженными африканцами. У каждого на затылке торчал вертикальный шиньон высотой почти в метр. При виде их моя жена и спутники не могли удержаться от возгласов.

Через несколько минут мы достигли первого на нашем пути селения машукулумбе. К нам тотчас же присоединилось несколько вооруженных людей, хотя мы об этом их вовсе не просили. Они проводили нас в расположенный чуть дальше центральный поселок этой самой южной области машукулумбе, служивший резиденцией правителя Камамба. Здесь жило племя бамала.

Селение располагалось среди густых зарослей травы. Хижины, довольно-таки запущенные, образовывали круг поперечником около 200 метров. Небольшие промежутки между ними заполнял частокол, поэтому в поселок можно было попасть только через один вход. Четыре хижины стояли особняком и не были окружены изгородью: в них ночевали рабыни. Конечно, ни частокол, ни стены хижин не могли служить препятствием для диких зверей.

Из домов высыпали мужчины, женщины, дети. Мужчины, юноши и мальчики ходили совершенно голыми. На женщинах были плохо выделанные шкуры лечве, которыми они небрежно опоясывались, используя кожу задних ног животного в качестве завязок. Нигде в Южной Африке я не видел, чтобы на женщинах было так мало одежды. Головы всех мужчин венчали шиньоны высотой большей частью 30—40 сантиметров. У одних они были наклонены вперед, у других — назад. А у одного африканца его поляя, закругленная на конце прическа занимала горизонтальное положение, показывая, что он вождь и повелитель селения.

В противоположность мужским прическам головы женщин были гладко выбриты. Только девочки в возрасте до двенадцати лет носили косички длиной около 10 сантиметров. У мальчиков этого возраста на голове оставался зачесанный вперед пучок волос, который впоследствии служил основой для сооружения шиньона.

Основное богатство машукулумбе составляют быки и коровы. Пастбища здесь отличные, и животноводством можно заниматься, не прилагая особых усилий. Многочисленные стада позволяют машукулумбе работать гораздо меньше, чем вынуждены трудиться зулусы и бечуаны.

О радушии и гостеприимстве машукулумбе можно судить по оказанному нам приему. Под высокой мимозой, одиноко стоявшей у юго-западного конца селения, был создан военный совет. Нам же предложили примоститься в жидкой тени маленькой мимозы, примерно в 120 метрах от поселка. Поскольку мы пришли из государства Леваники и, должно быть, с его разрешения, жители селения не позволили нам даже стать лагерем поблизости от их жилищ.

Решающим аргументом для военного совета явилось то соображение, что если нас просто прогнать, мы, очевидно, отправимся дальше на север, здесь же не будем ничего покупать и уж, конечно, не станем делать подарки вождю.

Поэтому нас оставили на ночь под тем же деревом, которое указали с самого начала. В то же время на восток, запад и север послали гонцов. Как мы узнали позднее, они известили соседей о прибытии выкрашенных в белый цвет лазутчиков марутсе, чтобы были приняты необходимые меры предосторожности. Изгнать нас совсем из страны у них не хватало сил, так как наши носильщики отказались прийти им на помощь: как ни хотелось им поскорее вернуться на родину, они отлично знали, что Мо-Панза дружески расположен к нам и сурово накажет их, если они выступят пособниками машукулумбе.

Отвечая на вопросы хозяев селения, носильщики рассказали о сокровищах, которые находятся в багаже, о том, что мы владеем, в частности, многочисленными импанде, ценными *бурунгу* (стеклянными бусами) и *ко-эмпеле* (тканью для набедренных повязок), а также различными тайными средствами, которые предохраняют носильщиков от пуль. Все эти слухи распространялись из хижины в хижину, как пожар, и влекли к нам новые толпы машукулумбе. Вскоре вокруг нас собралось столько народу, что мы буквально не могли пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы в случае необходимости взяться за оружие. В этот критический момент взгляд мой случайно упал на жестяные каскеты с патронами. На них уже успели усесться несколько наиболее отчаянных подростков.

— Смотри!— вскричал я, словно охваченный внезапным порывом, обращаясь к старшине носильщиков.— Смотри, эти мальчики сидят на пороге для наших ружей.

Старшина, которому в это время передали через головы окружавших нас людей зажженную трубку с табаком, выронил ее и заорал, что мальчишки уселись на огне, вылетающем из ружей белого человека. С этими словами он начал раздавать удары направо и налево, стараясь выбраться из круга машукулумбе. Те не сразу поняли смысл его слов, но им все же стало ясно, что они в опасности. Толпа разбежалась, и до конца дня машукулумбе больше не приближались к нам и нашей поклаже.

Наконец появился вождь со своей женой и повторил разрешение встать лагерем у селения. Я дешево купил за желтые и синие стеклянные бусы сена, на котором мы потом спали, и опорные столбы для ограды. Машукулумбе попросту вытащили столбы из собственной ограды и со смехом притащили нам. «Завтра, ну послезавтра чужеземцы

уйдут, и тогда лес снова достанется нам», — рассудили они. Однако я тут же, несмотря на протесты продавцов, велел распилить несколько столбов на дрова. Кроме того, мы выменяли сушеного мяса для носильщиков и молока. Вождь принес в подарок пива, а мы преподнесли ему стеклянные бусы, набедренную повязку для его жены, а также два платка. Принесли нам и два сосуда с мукой. Машукулумбе получают муку, размалывая зерно между камнями в отличие от матока и бечуанов, которые пользуются для этого деревянными ступками. Но мы муку не купили: она оказалась слишком дорогой. Вообще я пришел к выводу, что машукулумбе сеют меньше зерновых, чем им требуется, а большую часть хлеба выменивают у матока и манкой* на шкуры антилоп лечве и быков.

К вечеру машукулумбе разошлись: они рано ложатся спать. Правитель и его жена, оба увешанные многочисленными браслетами из слоновой кости и импанде, тоже ушли к себе. Только после этого мы вздохнули спокойно. Шум, крик и толчея настолько утомили нас, что мы без сил повалились на землю, не дождавшись, пока Освальд со слугами приготовит ужин и постели. Уже через несколько минут мы все дремали. Но после ужина пришлось попеременно нести вместе с африканцами охрану лагеря. Мы привязали ослон, из которых один был болен и не мог подняться с земли, к мимозам, росшим между нами и лагерем слуг, рассчитывая, что здесь длинноухих не тронут хищники. Когда все было приведено в порядок, мы улеглись у ярко горевшего костра. Караульные же заняли посты в темноте, чтобы огонь не слепил их.

Вскоре в селении все смолкло. Стояла тихая, прекрасная ночь. Но спокойствие природы не передавалось нам, каждый звук вызывал тревогу. В тишине было отчетливо слышно потрескивание костра в лагере носильщиков, время от времени раздавалось мычание не привыкших к ночным огням волов, где-то лаяли гиены, ржала зебра. На поляне перед нами виднелись пасшиеся газели и антилопы. Возможно, здесь, поблизости от людей, они чувствовали себя в безопасности от хищников. Но так будет только до тех пор, пока цивилизация не достигнет и этих мест и не вложит в руки коренных жителей огнестрельное оружие.

* Банкойя.

На следующее утро нам представилась возможность познакомиться во всех подробностях с парикмахерским искусством машукулумбе. Перед нами прогуливалось несколько щеголей: одни — с гигантскими шиньонами, у других эти шиньоны были готовы только наполовину, третьи лишь приступали к их сооружению. У пожилых людей я не видел таких причесок. Они, очевидно, появились всего лет двадцать назад.

Волосы машукулумбе блестят от жира, смешанного с черным металлическим порошком, но насекомые в них, видимо, не водятся. Огромные шиньоны придают их обладателям комичный вид. Машукулумбе приходится держать голову так прямо, что вертикально стоящий шиньон напоминает длинную шею жирафа на коротком туловище. Тяжесть, которая давит на затылок, вскоре приводит к гипертрофии височных мышц: как и мускулы шеи и затылка, они напоминают крепкие веревки. Через какое-то время височные мышцы ослабевают, атрофируются. Тогда шиньон уступает место тяжелой косе, которая оттягивает голову назад и, напрягая мышцы лба, передней части головы и висков, мешает человеку быстро передвигаться. Бегать он уже вовсе не может.

«Какая чудесная мода: мужчины носят шиньоны длинной свыше метра, а женщины сбрасывают волосы!» — воскликнет иная читательница. Наголо обритые головы женщин символичны: они доказывают их готовность к самопожертвованию. Став женой, девушка, купленная мужчиной (впрочем, у свободных машукулумбе она имеет голос при выборе супруга), должна подарить мужу свои волосы. Наши красавицы дарят избраннику один локон, красавицы же из народа машукулумбе — все. Но ему и этого мало. Он сбрасывает волосы у рабов и у тех, кого убивает в бою, покупает у соседних племен и затем передает местному парикмахеру, который делает ему шиньон по его вкусу. Большой шиньон обходится в стоимость вола, за которого мы, европейцы, платили 9—10 метров ситца. Подобная прическа — истинное произведение искусства.

Мы имели возможность оценить его по достоинству, ибо видели парикмахера за работой. «Жертвой» его был голый, как все, щеголь лет тридцати. Он полулежал на шкуре лечве, положив голову на правое колено парикмахера. Заказанный франтовский шиньон был готов на одну треть — всего он был рассчитан на метр. В правой руке парикмахер

держал толстую иглу, длиной около 20 сантиметров, напоминавшую иглы наших обойщиков. В нее была вдета толстая длинная нить из волокон коры. Нить смазывалась уже упоминавшейся смесью, придававшей прическе блеск. Благодаря этому казалось, что она состоит из одних волос. На самом деле пряди волос переплетались нитью, притом так плотно, что шиньон получался очень крепким, но не производил впечатления тяжелого. Парикмахер с такой силой переплетал волосы и нить, что при каждом его движении вздрагивала не только голова, но и все тело клиента.

Процедура эта должна быть очень болезненной для щеголя и чрезвычайно утомительной для парикмахера. Однако оба сохраняют терпение, даже если изготовление гигантского шиньона требует недель и месяцев. Такие длительные сроки объясняются, вероятно, тем, что изготовление шиньона причиняет сильную боль клиенту, да и раздобыть нужное количество вьющихся волос нелегко.

Страдалец видит в приобретении шиньона высшее достижение. Дальше этого его тщеславие не идет. Точно так же его представление о богатстве связано с волами и коровами. Для рядового машукулумбе самое большое счастье воплощается в шиньоне и стадах, для вождя — в шиньоне, стадах и человеческих черепах. А уже за этими благами следуют второстепенные: трубка, женщины, военные игры и охота. Потребление горячительных напитков, к которым так привержены другие банту, не играет у машукулумбе никакой роли.

Среди племен, живущих к северу от Замбези, наибольшей свободой пользуются женщины марутсе. За ними следуют женщины машукулумбе. Однажды мы видели трех по-настоящему красивых девушек машукулумбе, к которым безусловно относится поговорка: «Красота для женщины — высший дар богов». Эти три девушки оказались настоящими чертовками. Мужчины буквально бегали за ними, выполняя все их прихоти. Говорили, что они не хотят идти замуж. Значит, отцы не могли распорядиться ими по своему усмотрению, как это принято у матока.

Восемнадцатого июля мы выступили рано, чтобы воспользоваться утренней прохладой. 17 километров отделяли нас от водоема, который машукулумбе называли Мока-Руанге. Он находился уже во владениях другого правителя. На третьем километре мы пересекли реку Ки-Моньеко, а на четвертом и пятом — два ее притока (один назывался Ки-

Букура). Моньеко течет в направлении на север и северо-восток, а затем впадает в Луэнге. Местность была ровной, но до четырнадцатого километра ее покрывали заросли высокой травы, так что переход через долину оказался чрезвычайно трудным.

Мы шли по извилистой тропе между двумя травяными стенами, как полуслепые. Это было не только неприятно, но и весьма опасно, ибо местность кишела буйволами и всегдашними их спутниками — львами. Носильщики нигде не пробирались с такой настороженностью и страхом, как здесь. Обычно они при встрече с дикими зверями проявляют большое мужество, здесь же буквально обливались потом уже на первых километрах пути.

Мы двигались на север, параллельно реке. Вдруг слышались крики и показались люди, догонявшие нас. Мы остановились. Оказалось, что это проводники, которых дал мне Мо-Панза. Они сообщили, что мы идем не по той дороге и что попасть в следующую резиденцию правителя можно, только перейдя реку. Тогда мы взяли влево и стали спускаться к воде.

Через Моньеко мы перешли в том месте, где была устроена запруда из связок тростника. Этот оригинальный мост был построен не только для обычных надобностей и защиты пешеходов от крокодилов, но и для рыбной ловли. Около двух узких отверстий, оставленных в запруде, стояли простые верши из тростника, приносившие неплохой улов. Марутсе пользуются большими, отлично сделанными сетями и корзинами. Кроме того, подобно всем другим племенам, живущим по среднему течению Замбези, они изготавливают специальные копыя и ловко бьют ими рыбу, как острогами. Машукулумбе сильно отстали от них в рыболовстве, как и в других областях. Даже верши они покупают у северных манкойя, хотя в их стране сколько угодно прекрасного тростника и гибкого кустарника, из которых делают рыболовные снасти.

Дальше мы миновали опасные заросли бородатой травы; как обычно, во время таких «увеселительных прогулок» пришлось идти с карабинами наперевес. Мы пересекли множество широких троп. Их протоптали, направляясь на водопой, большие стада антилоп эланд, гну, зебр и буйволов. Иной раз они дважды в день спускаются к реке Моньеко, чтобы утолить жажду. Буйволы к тому же любят купаться и валяться в иле.

На каждой широкой тропе мы на минуту останавливались, чтобы прислушаться, нет ли поблизости буйволов. В таком случае нам пришлось бы спешно отступить, чтобы дать дорогу опасным животным. Примерно на середине пути мы вышли на выжженную поляну, окруженную группами деревьев. Едва мы вступили на нее, как бой, шедший впереди, обратил наше внимание на густое облако пыли метрах в шестистах левее. Поначалу мы ничего не могли разглядеть, но потом ветер отнес облако немного в сторону, и мы различили скачущее галопом стадо буйволов. При виде нас оно остановилось и внезапно сделало крутой поворот. Удивленные такой необычной трусостью, мы принялись преследовать животных, но безуспешно. Не желая терять много времени на погоню, я вернулся назад и велел носильщикам идти дальше под руководством моей жены, Лееба и Мапани *. Сам же взял направление на запад: мне хотелось подстрелить какую-нибудь крупную дичь, чтобы мясной пищей поднять настроение носильщиков.

Еще издали я заметил на большом термитнике, стоявшем у заросшего тростником водоема, полосатого гну. Под прикрытием муравейника я подкрался по воде, взобрался на вершину и выстрелил. Пуля попала в правое бедро. Животное закружилось и бросилось бежать. Я нагнал его через 500 метров и уложил с расстояния 60 метров выстрелом в голову. Это был, очевидно, изгнанный из стада и живший одиноко старый самец; я до сих пор жалею о том, что не содрал с него шкуру, хотя имел тогда возможность отправить ее с носильщиками назад на Замбези.

В этот день мы встречали еще немало дичи до того, как расположились на ночлег. Читатель, конечно, не удивится, узнав, что носильщики громко выражали радость по поводу того, что на ужин будет мясо. Кроме гну бой поблизости от нашего лагеря застрелил антилопу эланд. Все мы изрядно полакомились ее мясом: оно гораздо вкуснее жесткого мяса гну. А часть его я решил заготовить впрок, задержавшись в лагере на целый день. Мясо отделили от костей и нарежали длинными ломтями. Для переноски его я хотел нанять машукулумбе.

Девятнадцатого июля из близлежащего селения явилось несколько семей. Мы купили у них кукурузу и нарезанный ломтиками сладкий картофель, расплатившись мя-

* Африканец, слуга Голуба.

сом гну и антилопы эланд. На вопрос, как они охотятся, гости ответили, что устраивают ловчие ямы поблизости от водопоя и звериных троп. Десять дней назад, например, два буйвола упали в яму и были пронзены копьями, укрепленными на дне.

Машукулумбе до того чем-то напугали носильщиков-матока, что те отказались идти дальше и нести нашу поклажу.

— Не бросите же вы нас в этих дебрях? Вы обещали довести нас до Луэнге. Я уже понял, что вы повели нас обходным, а не кратчайшим путем. Только вы виноваты в том, что мы еще не достигли Луэнге.

— Нет, мы не хотим идти дальше. Уже в М'Безе люди грозились убить нас, так как сами хотели нести поклажу и заработать. Только страх перед могущественным царем матока удержал их от того, чтобы поступить с нами дурно. А если бы вы их наняли, они завели бы вас сегодня в высокую траву и там убили. Они и нам-то не показали правильный путь, а послали на другую тропу, по которой ты шел сначала. Но потом незнакомый машукулумбе, гонец нового племени, живущего на востоке, тайно указал нам дорогу в Кабораманду. Поэтому мы стали звать, чтобы ты перешел на эту тропу. Но теперь мы дальше не пойдём! Нас наверняка убьют, чтобы завладеть платой, которую ты нам должен.

— Спрячьте ткань в пустом сосуде, тогда машукулумбе ничего не увидят и подумают, что я расплатился с вами еще у вас на родине...

— Нет, мы не сделаем больше ни шагу вперед.

— Хорошо, тогда ступайте. Мы и сами найдем дорогу в Кабораманду.

Отказ носильщиков повлиял и на слуг. У меня создалось впечатление, что и они недалеко от того, чтобы уйти. Никогда еще я не видел, чтобы слуги, которые обычно мало общались с носильщиками и даже не ладили с ними, так много шептались с матока, как в эти дни.

Двадцатого июля я выступил из лагеря в сопровождении только своей жены и спутников-европейцев. На карту было поставлено все, но в матока настолько укоренилось почтение ко мне как к врачу, что я не сомневался: они не бросят поклажу. И я оказался прав.

Почти 14-километровый путь до Кабораманды пролегал в направлении на северо-северо-запад. Уже на втором кило-

метре мы достигли заросшего густым тростником водоема и прошли поля жителей селения Мотанде. Они были расположены на покрытой лесом латеритовой возвышенности, которая с севера заканчивалась котловиной, соединяющейся с долиной реки Моньеко. Эту котловину и примыкавшую к ней с севера равнину покрывал пальмовый лес, растянувшийся на 18 километров. Посреди леса, в необыкновенно живописном даже для сказочного замка месте, и лежит Кабораманда. Но и волшебно прекрасный ландшафт имеет свои теневые стороны. Во время паводка река превращается в озеро, из которого торчат только термитники с растущими на них пальмами. В лесу водится много дичи; в высокой траве антилопы, зебры, гну и буйволы чувствуют себя в большей безопасности, чем в зарослях бородатой травы. Однако и здесь нередко устраивают засады львы. Они часами прячутся с подветренной стороны за термитниками или в пальмовых рощах, дожидаясь, пока пасущиеся животные не окажутся в непосредственной близости от них.

Не успели мы покинуть Мотанде, его поля и своеобразные зернохранилища на 30 центнеров каждое, густо обмазанные чем-то вроде цемента и украшенные примитивными рисунками, как ко мне подбежал проводник-маток. Он принес «приятную» новость, что не знает, по какой тропе идти дальше. Жители селения отказываются показать дорогу в Кабораманду.

— Лжешь, парень. Дорогу ты знаешь и просто не хочешь найти ее. Я пойду один и разыщу ее.

— Хорошо,— ответил он,— но мы дальше не пойдем.

— Я ухожу,— сказал я оставшемуся позади старшине носильщиков,— следуйте за мной.

От селения веерообразно отходило несколько троп. Я выбрал ту, которая вела на север. Едва мы отошли метров на 700, нас догнал старшина.

— Теперь я вижу, что ты знаешь не все и что твое молено плохо тебе служит. Ты пошел не по той дороге,— презрительно рассмеялся он мне в лицо.

Мне было очень неприятно, что он уличил меня в ошибке, но я тут же решил повернуть дело в свою пользу и резко возразил, что и он тоже не знает кратчайшего прямого пути.

— Не знаю? Отлично знаю, даже ходил по нему,— вырвалось у старшины.— Он проходит там, где ты видишь женщину.

Мы тут же повернули на запад и вскоре достигли тропы, шедшей в северо-восточном направлении. Старшина стоял на месте и глядел нам вслед. Он в сердцах воткнул копье в землю, поняв, что сказал слишком много.

— Ха-ха, мое молено все-таки развязало тебе язык, и я узнал, как много ты сегодня врал,— крикнул я ему.

После этого старшина и подросшие слуги-африканцы последовали за нами. На восьмом километре все отдохнули на берегу одного из многочисленных водоемов, под сенью пальм. Примерно через час подошло десять носильщиков. Остальные пока не показывались, мы без них покинули место отдыха и вскоре достигли Кабораманды.

Появление первых десяти носильщиков меня успокоило. Теперь я был уверен, что скоро подойдут и остальные. Пальмовый лес, через который мы шли в этот день, поразила нас своей красотой. Он был не очень густым, деревья росли словно из одного корня группами от двух до пяти. Расстояние между отдельными купами порой достигало 10—50 метров. Опавшие листья и могучие черенки, вооруженные шипами, десятилетиями скапливались на земле, ибо пальмовое волокно гниет медленно. Деревья гнулись под тяжестью зрелых плодов. Многочисленные львиные следы показывали, что хищникам живется здесь вольготно. Тем больше поразила меня беспечность жителей Кабораманды; двое из них, как всегда, совершенно голые, пасли стадо, насчитывавшее больше двух тысяч голов (один пастух — спереди, другой — сзади).

— Так мало людей,— заметил на ломаном голландском языке шедший рядом бой.— Это потому, что лев предпочитает жирных антилоп эланд и зебр тощим коровам и быкам. Когда появляется зверь, машукулумбе просто бросают стадо и убегают!

— А почему они выгоняют скот так поздно? У африканцев ведь это не принято.

— Они боятся хищных зверей, которые бродят до рассвета. А потом машукулумбе любят спать, пока солнце не поднимется высоко.

При этом мой собеседник показал на солнце, судя по которому было около 10 часов.

Нам повстречались два стада зебр, которые оказались очень пугливыми. Это, вероятно, объяснялось тем, что утром их преследовали львы, а потому они опасались и людей, которые в этих местах их обычно не трогают. Впереди нес-

лись жеребцы. Они иногда останавливались, поворачивали в сторону и, снова замерев, с удивлением глядели на нас. Остальные животные следовали за ними. Неожиданный прыжок — и вожаки со ржанием пускались дальше вскачь, высоко задрав хвосты.

От Кабораманды до реки Луэнге. Области Кабораманда и Босанго-Касенга

Около полудня мы достигли Кабораманды, самого большого из виденных нами селений машукулумбе. Кроме правителя по имени Кабораманда в нем жили несколько вождей, которые по своему значению и влиянию мало в чем уступали правителю, хотя и признавали его верховную власть. Мы вступили в «город» часов в одиннадцать, но на свободном пространстве в кольце из хижин не было видно ни души. Все были еще охвачены глубоким сном, и лишь когда мы прошли город и расположились лагерем на пологом склоне возвышенности, нас наконец заметили. Но тут поднялся такой шум и гам, что сразу стало ясно, какое волнение вызвало наше прибытие. Мы полагали, что жители Мотанде уже побывали здесь, чтобы возвестить о нашем прибытии и подготовить не очень любезный прием. К счастью, мы ошиблись, но тем не менее нам пришлось в этот день немало поволноваться.

Жители Кабораманды проявили к нам живейший интерес. Старые и молодые, мужчины и женщины, вожди — одним словом, решительно все население с шумом сбежалось к лагерю. Каждое наше движение, слово, одежда, еда служили предметами пристального наблюдения и оживленного обсуждения. Многие оставались непонятным для этих добрых людей, которые окружили и рассматривали нас, как изумленные дети. Но время от времени в каждой группе появлялся какой-нибудь умник, который давал объяснения остальным. Среди присутствующих бросались в глаза вожди, выделявшиеся необыкновенно красивым сложением, горделивой походкой и орлиным профилем. Они были закутаны, словно в тогу, в *кубу* (кусок ткани белого, желтого или синего цвета), так что напоминали римских патрициев. Впрочем, прическами они походили скорее на римских матрон.

Ситец для «тог» они выменивали на востоке у мамбари. Вождь Кабораманды в белой накидке, горделиво шагая, явился к нам в лагерь. Его сопровождали две женщины с корзинами. Небрежным кивком головы он приказал распаковать их и вытащить шкуру лечве, хорошую соль, табак и калобасу с жиром. Все это предлагалось на обмен.

Вождь ни сам, ни через своих слуг не сказал нам ни слова, но по его уверенному поведению я понял, что он не раз слышал о белых. Ничего из принесенного им не было нам нужно, но выпроводить его из лагеря я не хотел и решил — пусть стоит вместе со своими женщинами. И он, словно изваяние, простоял на одном месте два с половиной часа. Иногда он бросал несколько слов через головы машукулумбе, окруживших нас плотным кольцом, и наконец удалился столь же молчаливо, как и пришел. Как только он убрал ногу со шкуры лечве, к ней подскочили женщины, снова заpackовали все товары и унесли вслед за властителем.

Если б у нас были лишние носильщики, я бы охотно совершил с ним обмен хотя бы ради установления добрых отношений. А так, увы, пришлось отпустить вождя неудовлетворенным.

Носильщики-машукулумбе, несшие мясо антилопы эланд, потребовали платы, и я рассчитался с ними. К вечеру, когда жители Кабораманды, как видно, перестали нас бояться, из М'Безы явились уже известные нам посланцы. Вскоре после их прибытия настроение толпы изменилось, она стала вести себя дерзко, слышались угрозы.

Люди так сильно нажимали на непрочную изгородь, что несколько уложенных друг на друга тюков влетели в лагерь вместе с одним или двумя непрошенными гостями. Носильщиков звали в хижины. Вскоре они вернулись, заявив, что завтра ни при каких условиях не понесут поклажу. Толпа орущих людей все увеличивалась. Носильщики смешались с ней и стали рассказывать о содержимом багажа. Некоторые принялись даже отбирать полюбившиеся им тюки в качестве залога, обещая вернуть их, когда с ними будет произведен полный расчет. Этого я, однако, не позволил и, поскольку ситуация становилась все более критической, попросил Освальда, чтоб он дунул в свою трубу, да посильнее. От первого громкого звука толпа словно замерла. Все уставились на желтый блестящий предмет, и прежде чем Освальд, который расхохотался при виде озадаченных физиономий, успел дать второй сигнал, из толпы выскочил

мужчина, возможно участвовавший в боях со стрелками Леваники. Решив, что в отверстии трубы скрывается грозное огнестрельное оружие, он что-то заорал — и в мгновение ока толпа рассеялась: любопытные разбежались, сбивая друг друга с ног. Эта картина рассмешила даже носильщиков, и они стали кричать вслед беглецам, чтобы те не боялись.

Описанная сцена повторилась, когда машукулумбе возвратились и стали рассматривать Освальда и его трубу. Один, набравшись храбрости, осмелился даже через головы своих товарищей дотронуться до трубы, чтобы определить, горячая она или холодная. Это пришлось весьма кстати нашему музыканту: в тот же миг труба издала такой дикий рев, что африканцы попадали на землю.

Немного отдохнув от смеха, который вызвало у него происшествие, Освальд заиграл веселую песню. Африканцы тем временем пришли в себя и придвинулись поближе. В этот день мы больше не имели неприятностей ни от жителей Кабораманды, ни от наших носильщиков и слуг-африканцев. Матока, которые видели трубу в действии, еще когда Освальд играл в честь Мо-Панзы, хохотали до упаду над напуганными «глупыми» машукулумбе, в сравнении с которыми чувствовали себя людьми многоопытными.

Наутро я поднялся рано, разбудил жену, и мы вместе подошли к женщинам, направлявшимся за водой, чтобы узнать наикратчайшую дорогу к Луэнге. Они указали на северо-запад, имея в виду Босанго-Касенгу. Нам это было непонятно, ибо ближайший пункт на Луэнге лежал прямо на север от нас. Позднее мы поняли, однако, что путь нам указали правильно. На Босанго вела свободная от препятствий тропа, добираться же до берегов Луэнге нужно было через заросли травы, и тростника, и лагуны, что при отсутствии челнов, да и с ними тоже, требовало огромных усилий. Но тогда мы этого не знали, отнеслись к словам женщин с подозрением и решили следовать на север.

В это утро никто из носильщиков, кроме старшины, не пожелал тронуться с места. Они заявили, что не пойдут дальше, и потребовали расчета. «Мы устали,— говорили они,— да и боимся идти дальше, в глубь этой страны, потому что на Луэнге нас убьют, чтобы заполучить ситец, которым вы нам заплатите. К тому же жители Кабораманды угрожают нам смертью, если мы пойдём дальше и не дадим им заработать». — «Нет, вы обязаны идти по крайней мере

до Луэнге. Вы вчера сказали, что Луэнге близко, а я дам вам кроме ситца еще и стеклянные бусы».

Я решил идти вперед, хотя мне пришлось для этого сделать над собой усилие; в тот день у меня были основания сомневаться в добросовестности носильщиков. Однако я решил не сдаваться.

Машукулумбе требовали за каждый день переноски клади по кубу, т. е. по 4 метра ситца на человека, в то время как с матока мы сговорились: по 2 метра за два-шесть дней работы. За переноску поклажи от Кабораманды до Касенги мне пришлось бы выдать машукулумбе 180 метров ситца, а ведь я уже заплатил носильщикам из селения Мо-Панзы. Из африканцев за мной последовали только бой, двое слуг и старшина носильщиков. Мы вышли к тропе, ведущей на север, которая долгое время извивалась среди веерных пальм, а затем привела нас в рощу, напоминавшую английский парк. Справа и слева все время появлялись стада газелей кабонда и ритбоков.

Бой никогда еще не вел себя так трусливо, как в это утро. Он все время оглядывался и останавливался, к чему-то прислушиваясь. Примерно через час (за это время мы с трудом прошли 1,5 километра) бой, шедший далеко позади, вдруг закричал. Поскольку он остановился, мы еще замедлили шаг. Вскоре я услышал:

— Баас, баас!

Эти слова были произнесены таким жалобным тоном, что, и не видя боя, можно было представить себе его испуганное лицо. Он примчался, запыхавшись, как животное, преследуемое охотниками, и, едва переведя дух, в ужасе выпалил:

— Старшина сзади кричит, что машукулумбе отняли у носильщиков поклажу, нескольких избили, а одного даже убили.

Мои спутники отнеслись к этой новости со всей серьезностью, но меня не так-то легко провести. Рассмеявшись в лицо бою, я сказал, что все это ложь: нас пытаются напугать, чтобы мы вернулись в Кабораманду, рассчитались там с матока и за любую цену наняли машукулумбе. Однако мы ни при каких условиях не вернемся, ибо в лагере у Кабораманды у наших врагов был бы слишком большой перевес.

Я велел всем укрыться за кустарником и в нескольких словах объяснил ситуацию своим спутникам:

— Прислушайтесь! Не кажется ли вам, что человек, от которого бой узнал «страшную» весть, приближается слишком медленно! Если бы он старался догнать нас, то с каждой минутой мы слышали бы его крики отчетливее, да и сам он давно уже был бы здесь.

Тут снова послышался голос вестника несчастья. Выглянув из-за куста, я наконец увидел человека, которого мы с нетерпением поджидали. Это действительно был старшина носильщиков. Бой узнал его по голосу. Он шествовал, не торопясь, задумчиво извлек понюшку табака из висевшей у него на шее табакерки, постоял, огляделся и отправился дальше. Пройдя примерно половину поляны и оказавшись шагах в пятидесяти от нас, он остановился и с бесстрастным выражением лица, откинувшись назад, снова издал крик ужаса. Не успел он умолкнуть, как я поспешно вышел из своего укрытия и очутился перед ним так внезапно, что слова застряли у него в глотке. Он словно окаменел, поняв, что хитрость его раскрыта, и ожидая расплаты. Теперь его раскусили и мои спутники, включая даже боя. Не удостоив его ни единым словом, мы повернулись и пошли прочь. Виновный тоже повернулся и пошел уверять своих товарищей, что мои молемо слишком сильные и перехитрить меня нельзя. Я все разгадал и надо следовать за мной. Не отошли мы и километра, как услышали за собой поступь носильщиков, сандалии которых громко стучали о твердую, ссохшуюся землю.

Те самые носильщики, которые накануне всячески пытались запугать нас, почувствовали страх перед машукулумбе, обступившими их в Кабораманде, и очень охотно покинули селение. Опасаясь, что их не отпустят, они оставили машукулумбе мясо антилопы эланд, висевшее на ограде. Придя ко мне, они принялись расписывать, как у них силой отобрали «мою пищу». Я-то хорошо знал, что машукулумбе очень любят дичь, но не желают утруждать себя охотой. Поэтому подарок, самовольно сделанный носильщиками, пришелся очень кстати. Пока машукулумбе — причем нередко это были господин и его раб — ссорились из-за мяса, наши носильщики исчезли за ближайшими кустами.

Двадцать первого июля мы прошли 27 километров и достигли Босанго-Касенги.

Не зная прямой тропы на Босанго, мы сделали крюк, от которого в этот жаркий зимний день нам солоно пришлось. Зато мы пересекли более живописную местность, чем лес,

по которому проходила прямая тропа. Первые километры нашего пути, как я уже сказал, пролегли по пальмовому лесу. За ним следовали заросли субтропических растений. По расположению и распределению групп деревьев, часто окруженных кустами и обвитых лианами, заросли напоминали долину нижнего течения Чобе и производили чарующее впечатление.

Здесь нас догнали почти все наши носильщики, а также гонцы машукулумбе, посланные к соседнему вождю, вероятно, в связи с нашим прибытием. С четвертого по шестой километр заросли остались слева, справа же тянулась открытая равнина, покрытая высокой травой. Далеко на востоке ее окаймляла гряда лесистых латеритовых холмов, а в северо-восточном направлении она казалась бесконечной. В целом эта местность представляла собой непроходимые заросли бородатой травы, через которые протекала река Моньеко. В сухое время года на равнине оставалось много болот и небольших водоемов, когда же наступал паводок, она превращалась в огромное озеро. В такую пору единственными обитателями долины оказывались водяные козлы. Но зимой, то есть в то время, когда мы путешествовали, трава кишела дикими животными.

На седьмом километре мы достигли холмов, тянувшихся в направлении на восток-северо-восток. Здесь было так много широких троп, что сначала я полагал, что их протоптали большие стада коров и волов, принадлежащие машукулумбе. Однако тщательный осмотр следов и заверения африканцев убедили меня в том, что в этой местности множество буйволов. Разумеется, было бы не очень приятно нарваться в непроходимой чаще на стадо этих животных. К счастью, судьба избавила нас от подобной встречи.

Поднимаясь на невысокий латеритовый холм, мы убедились, что машукулумбе, которые уже в Кабораманде держались гораздо агрессивнее, чем в М'Безе, с каждым днем становятся смелее. Примерно за час до этого с нами поравнялось несколько машукулумбе. Это были гонцы, посланные Каборамандой с секретным заданием наблюдать за нами в походе и, так сказать, «изучать».

Вдруг меня — я шел впереди — обогнали двое машукулумбе и встали поперек тропы. Они потребовали, чтобы я дождался отставших носильщиков, потому что их могут ограбить и убить жители Кабораманды. Я, не теряя спокойствия, сказал:

— Покидая лагерь, я велел носильщикам следовать за мной, но они отказались. Если теперь с ними что-нибудь случится, пусть пеняют на себя.

Бой перевел мои слова. Как только он закончил, я сделал машукулумбе знак очистить тропу. Они, однако, не трогались с места, поэтому я отодвинул их в сторону и пошел своей дорогой. Пораженные, они некоторое время стояли как вкопанные, а когда двинулись за нами, то больше не бежали, как раньше, рядом, гримасничая и время от времени потрясая копьями. Порой на гряде песчаных холмов мы попадали в такие густые заросли, что я и в самом деле начинал беспокоиться за носильщиков, шедших далеко позади. Поэтому, выйдя на небольшую поляну, я объявил привал, и мы целый час дожидались отставших.

Когда все наконец собрались, мы отправились дальше. На двенадцатом километре мы достигли селения, от которого начиналась прямая тропа на северо-запад, то есть в нужном нам направлении. Сопровождавшие нас машукулумбе переговорили с несколькими жителями селения — они почти все работали в поле, — и те показали нам ложный путь — на север. На четырнадцатом километре мы достигли другого селения, окруженного высокой оградой из столбов, и прошли через него. Дальше тропа привела нас на опушку леса. Мы очутились на равнине, по которой протекала река Моньеко, называемая здесь Луэнге, но многочисленные лагуны мешали двигаться дальше. Среди высокой травы не было видно селений, не нашли мы и Босанго-Касенги, к которому так стремились.

Я был совершенно убежден, что мы находимся в долине Луэнге и что Босанго лежит дальше к западу. В этот день стояла сильная жара, а тени на нашем пути было меньше, чем обычно. К тому же, желая поскорее выступить из Кабораманды, мы утром лишь легко позавтракали и чувствовали себя такими усталыми и истощенными, как если бы прошли 25 километров, а не 15. Но жаловаться не приходилось — надо было идти дальше на запад.

Справа от нас тянулись заросли бородатой травы, которые вдалеке окаймляли тростник. Кое-где на берегах лагун попадались сырые участки, также заросшие травой. Там хлопотали сотни хохлатых цапель и паслись многочисленные стада антилоп лечве, среди которых иногда попадались и пуку. Слишком усталые, чтобы выстрелить хоть раз, мы молча шли дальше. Машукулумбе, шедшие впереди,

подожгли траву, и вскоре мы достигли пожарища. К счастью, ветер отнес огонь к западу, так что он не мог причинить нам вреда. Жара в этот день была настолько сильной, что мы с трудом ступали по нагретому песку, жегшему ноги сквозь тонкие подошвы. Только на двадцать первом километре мы достигли долгожданной тропы, которая через небольшую возвышенность в долине вела на северо-запад к видневшейся на горизонте роще. Подойдя ближе, мы заметили в лучах заходящего солнца хижины, стоявшие в тени деревьев. Это и было селение Босанго-Касенга. Хотя последние 6 километров нашего пути вели через долину Луэнге, да и селение — по сути дела это были два селения — должно было лежать на берегу, мы все еще не видели никаких признаков самой реки.

Босанго-Касенга расположено на невысоком холме, который возвышается над рекой на 8—12 метров. Такие холмы всегда тянутся параллельно руслу, поблизости от воды на них растут огромные сикоморы и мимозы, дальше в глубь суши они покрыты густыми кустами. Возвышения эти образовались когда-то при наводнениях, а сейчас во время паводков превращаются в острова. На них-то местные жители и строят свои дома и селения.

Весь день, особенно на последнем участке пути, мы видели тысячи больших термитников, поросших густой травой. Между ними паслись стада зебр, полосатых гну, антилоп эланд и газелей кабонда. Кое-где мы замечали также ритбоков и орбеков.

Моральная победа, которую мы одержали над носильщиками и их союзниками-машукулумбе, немного ободрила моих слуг. Бой отважился даже отойти от тропы в поисках дичи. Он присоединился к нам вскоре после того, как мы пришли в Босанго, и сообщил, что застрелил самца антилопы эланд и зебру. В предвидении сочного жаркого носильщики-машукулумбе выразили полную готовность вернуться с боем назад и принести дичь.

Узнав, что «правитель» живет в западном Босанго, я послал к нему узнать, под какой из сикомор, стоявших между двумя селениями, мы можем разбить лагерь. Выбрать сами мы не могли: одни деревья посвящены мертвым, под другими машукулумбе устраивают сходы.

Тем временем ко мне явились трое машукулумбе. Они представились старейшинами и сообщили, что я не могу видеть Сиамбамбу, то есть местного вождя, поскольку все

мы — шпионы Леваники. Леваника же захватил у него стада (в 1882 году), убил много мужчин и женщин. К тому же вождь болен и приказал мне подарить ему и трем старейшинам (то есть суровым господам, которые стояли передо мной) несколько одеял.

— Да, он их получит,— ответил я, — но сначала его должны приветствовать от моего имени мои спутники, которые лично вручат подарки.

Я сразу же понял, что старейшины затеяли шантаж. Одновременно я решил расплатиться с носильщиками, которые все время уговаривали слуг оставить нас и уверяли, что те не проживут и трех дней, ибо уничтожение всех нас — дело решенное для машукулумбе. Я видел, какое действие оказывают эти речи на наших слуг, верность которых и без того поколебалась в последние дни.

Когда дело дошло до расчета, обнаружилось, что одного тюка не хватает.

— Где человек, который его нес?

— Все на месте.

— Одного тюка нет, и я не стану рассчитывать, пока он не найдется.

Носильщики, пошептавшись, заявили, будто отсутствующий заболел и лежит в поле далеко от лагеря.

— Не буду платить, пока он не придет.

Несколько человек отправились на поиски, и вскоре мгновенно исцелившийся прибежал в лагерь. Мы посмеялись над грубой уловкой. Африканцы смеялись вместе с нами, хотя им было стыдно. Довольный, что мне удалось убедить их доставить поклажу так далеко в глубь страны Машукулумбе, я роздал по полтора куса ситца вместо одного, как было условлено. Я бы дал и больше, если бы носильщики не оказывали сопротивления.

Все взяли ситец без возражений, кроме одного старшины, который подстрекал против нас машукулумбе и своих товарищей и больше других убеждал слуг оставить нас. Он получил меньше товарища, и это привело его в страшную ярость. Он побегал в Босанго и стал кричать, что мы шпионы Леваники и пришли подсчитать поголовье скота, чтобы потом донести о нем царю марутсе. Результаты его стараний не замедлили сказаться. Он вернулся во главе орущей толпы машукулумбе. Мы вышли навстречу и не пустили их в лагерь. Между тем у нас в тылу разыгралась настоящая революция: носильщики подстрекали слуг к

уходу и начали роптать из-за платы. Рассчитывая, что мы испугаемся машукулумбе, они надеялись выжать из нас еще что-нибудь.

Я сделал им знак уйти.

— Нет, мы голодны!

— Тогда забирайте мясо зебры!

Мясо они взяли, но не двинулись с места, все время уговаривая слуг покинуть нас. Те, однако, не соглашались уйти немедленно, и соблазнитель решил отправиться в путь на следующее утро. Тогда старшина стал ругать слуг и обзывать их псами за то, что они, мол, испугались пятерых шпионов марутсе. Дело зашло слишком далеко. Я силой вытолкнул его, и он в сопровождении машукулумбе ушел в селение. Половина слуг последовала за ним. Только на рассвете я, прокараулив всю ночь, растянулся на жалком ложе из травы, а моя жена и Освальд взялись охранять лагерь в течение следующих двух часов. Наконец заря возвестила появление дневного светила. Никогда в жизни мы не ждали восхода солнца с таким нетерпением!

Местные жители вели себя более сдержанно, чем в Кабораманде и М'Безе, но это доказывало не столько их мирные намерения, сколько осторожность. Чтобы добиться расположения вождя, я послал к нему Фекете с двумя другими слугами. Им сказали, что вождя нет в селении, но Фекете тем не менее проник в круг, который составляли хижины машукулумбе, соединенные оградой, и велел бою спросить у одной девочки, где живет правитель. Девочка тут же указала его хижину. Увидев это, машукулумбе пытались силой не допустить Фекете к вождю, но мой верный слуга оттолкнул их в сторону и без стеснения вошел в дом.

На убогом ложе, покрытом бычьими шкурами, возлежал голый вождь, производивший жалкое впечатление. В хижине стоял запах гниющей, запущенной раны. Нижняя часть одного бедра до самого колена была покрыта нарывами, часть которых вгрызлась в тело до кости.

Вождь дружелюбно ответил на приветствие, и я уже после первых слов Фекете убедился, что он ничего не знает о требованиях своих людей. Принесенное одеяло вполне его удовлетворило, и он тут же обещал предоставить нам носильщиков. На совет обратиться ко мне по поводу загнившей раны он, однако, ничего не ответил. Тем не менее я поблагодарил Фекете за хорошие вести. Даже «пугливый» бой сообщил слугам-африканцам правду и крикнул носиль-

щикам, что правитель Босанго-Касенги принял моего посланца по-дружески. У меня появилась надежда, что, может быть, удастся удержать слуг.

Прошло немного времени после возвращения моих посланцев, и в лагере появились уже известные читателю старейшины во главе с настоящим великаном. Они важно расселись перед нами, позвали боя и велели передать, что царь отдал подарок рабыне, ибо для него он слишком ничтожен. Он якобы приказал одарить всех, а ему послать более красивое одеяло. Носильщиков он предоставить не может, да и челнов для переправы через Луэнге у него нет. Прибегать к моей врачебной помощи он не намерен, так как мы пришли сюда для того, чтобы нанести ему ущерб. За последние два дня, то есть с тех пор, как мы спим под сенью его деревьев, рана еще больше загноилась, и он велел назавтра унести его отсюда, чтобы соседство врагов ему не помедило.

Напрасно пытался я их разуверить: вместо того чтобы защищать нас и рассказать, скольких больных я вылечил, напуганные слуги даже не пожелали перевести мои слова гонцам царя. Самым неприятным было то, что правитель не хотел оставаться поблизости от нас. Тем самым мы лишились возможности вести переговоры.

Мне стало ясно, что мы не можем больше рассчитывать на слуг. «А что если попробовать перетянуть на нашу сторону трех старейшин?» — мелькнуло у меня в голове. Я позвал их, дал каждому по одеялу, причем самое красивое досталось великану, у которого было наиболее дружелюбное выражение лица. Кроме того, я тихо сказал ему — настолько уже простирались мои познания языка, — чтобы он снова пришел вечером, тогда он получит второй подарок.

Он действительно явился и даже принес молока для Розы. По его словам, царь был вполне доволен подаренным одеялом (о рабыне больше не было и речи).

Все это было мне очень приятно, и я отпустил великана с куском ткани, который скатал так, что он казался маленьким платком. И пообещал ему еще по такому же куску за каждый челн, который мы получим для переправы через Луэнге. Все говорили, что река поблизости, хотя я нигде не замечал и следа ее.

На следующее утро мы слышали в обоих селениях громкие крики. Машукулумбе бегали взад и вперед. Носильщики смешались с ними. Вскоре показались машукулумбе с

вымазанными мелом грудью, шеей и лицом. Каждый нес копье, украшенное пучком перьев. Мы с удивлением смотрели на них, не зная, что нам объявляют открытую войну, но слуги до того перепугались, что шестеро убежали в Босанго. Не дожидаясь нападения, они стали перебежчиками. Вскоре мы заметили, как эти слуги с машукулумбе и носильщиками выступили на юго-запад, в направлении кустарника, окаймлявшего долину. Бой побежал за ними следом, но вскоре вернулся и сообщил, что получил приглашение на праздник, который устраивает в лесном селении царь. Праздник продлится целые сутки, жители заколют быка, будет много пива. Я разрешил ему уйти. Вскоре из Босанго показалось странное шествие: фантастически раскрашенные машукулумбе несли деревянные носилки, на которых лежал человек. То был царь, который велел перенести себя в другое селение, чтобы не присутствовать при нападении на нас. За ним следовали женщины. Они несли сосуды с пивом. Арьергард составляли дети и еще несколько мужчин. Носильщики тоже покинули селение, и мы обрадовались, что избавились от них.

День прошел сравнительно спокойно. Слуги лежали на земле с недовольным выражением лица и отказывались работать. Вскоре еще раз явился великан. Он по-прежнему был очень любезен, принес на обмен рыбы и муки и принял стеклянные бусы, но только из рук Розы. Он признался, что его товарищи убедили вождя покинуть Босанго, но умолчал о готовящемся нападении. Я склонен думать, что он о нем и не знал. Я отдал великану часть медалей за отличную стрельбу, подаренных мне венской фирмой Витте. Моя жена нанизала их на шнурок, который он надел себе на шею, после чего стал с гордостью прогуливаться по лагерю. Он даже привел двух своих жен, чтобы познакомить с нами. Они казались не такими ворчливыми, как все другие женщины машукулумбе.

Наступил вечер, а вскоре за ним и ночь. Уже в сумерках размазанные машукулумбе и носильщики вернулись домой. Бой посоветался с ними, отойдя в сторону. После этого слуги, чьи вещи оставались еще в лагере, принялись упаковывать свое имущество и сворачивать шкуры, на которых спали. Теперь я уже не сомневался, что они действительно решили уйти. Со стороны деревни к лагерю с криками приблизилось несколько человек. Это были носильщики-матэка. Они смешались со слугами, потрясая

копьями, а один проткнул травяную ограду и пытался вытащить платки из лежавших рядом тюков. Это ему почти уже удалось, когда мы кинулись на него. Нападение оказалось настолько неожиданным, что вызвало сильнейшее замешательство среди пришедших. Они бросились врассыпную, толкая друг друга и стремясь оказаться как можно дальше от нас. В мгновение ока сцена, на которой разыгрались эти события, опустела.

Нас осталось совсем мало! Уста наши были сомкнуты, но взоры говорили больше, чем слова. Освальд уставился в землю. Лееб смотрел мне в глаза, словно спрашивая, как поступить. Жена взяла меня за руку. Стараясь скрыть слезы, она низко наклонилась к огню. Итак, нас бросили перед самой переправой через Луэнге, которая должна была послужить таким важным шагом вперед.

Мы понимали, что с бегством слуг над экспедицией нависла катастрофа. Теперь решение вопроса о носильщиках, без которых мы не могли двигаться дальше на север, целиком и полностью зависело от машукулумбе. Мы инстинктивно чувствовали, что при таких условиях нам далеко не уйти. Однако никто и не помышлял о том, чтобы вернуться с прежними носильщиками в страну Матока.

Горячие слезы жены, которые все чаще капали на мою руку, привели меня в чувство. Я попытался успокоить ее, а также моих белых спутников и самого себя. Впрочем, ничего особенно утешительного я сказать не мог, ибо положение было отчаянным! Казалось, что только чудо могло спасти нас. И все же мы были едины в стремлении: вперед на север!

В то время как мы молча стояли, полные скорби, и каждый ломал себе голову в поисках спасительной идеи, тишину ночи рядом с нами вдруг нарушил веселый смех. Все посмотрели в ту сторону, и тут мы обнаружили Мушемани — слугу-макалака, который прикорнул у огня. Итак, он единственный остался с нами. Он, которому мы все время не доверяли, оказался самым верным из всех.

Я похлопал его по плечу и попросил рассказать, что ему известно.

— Ха, ха, они уже давно собирались вас оставить. Бой, этот бой — это настоящая змея, хоть он и из одного племени со мной. Мапани, Сироко, Кабрньак, Монахело, Катонга, Норума не хотели, чтобы машукулумбе убили миссис. Но остальные уговорили их бежать. Они уверяли, что машуку-

лумбе убьют нас всех еще сегодня ночью. Матока подстрекали машукулумбе, говорили, что в ваших тюках много ценнейших импанде и других хороших вещей. Машукулумбе обещали матока быков, если они убедят нас бежать, и клялись сохранить нам жизнь.

Вряд ли стоит добавлять, что после такого лаконичного и четкого сообщения, я всю ночь глаз не сомкнул.

Мы погасили костры, и это заставило врагов, прятавшихся в темноте, отказаться от нападения. Незадолго до рассвета Мушемани заметил на равнине, к юго-востоку от нас, что-то темное. Мы напрягли зрение. Это нечто двигалось и подходило все ближе. Наконец мы разглядели, что это были люди, идущие гуськом. Примерно в трехстах шагах от нас они остановились и вдруг повернули налево, в сторону Касенги. Вероятно, они предполагали, что лагерь объят крепким сном, заметив же, что мы бодрствуем, предпочли уйти. Мы успели насчитать шестнадцать человек.

Рано утром явился великан. Через плечо у него была перекинута полосатая бычья шкура. В остальном он был, как всегда, наг. С деланным сочувствием выслушав рассказ о бегстве слуг, он вскочил и показал далеко на юг, где, как подтвердил зоркий глаз Мушемани, вдоль опушки леса двигалась толпа людей. Их уход готовил нам горькую участь, но если мы хотели когда-либо уйти из Касенги, нам нельзя было обнаружить и следа грусти или подавленности.

Дело в том, что побег слуг, по мнению машукулумбе, полностью отдал нас в их руки. А мы между тем смеялись и шутили, как если бы ничего не произошло. Чтобы окончательно ввести их в заблуждение, я решил отправиться с Леебом на охоту за 6 километров от лагеря. Прежде чем уйти, я создал своих, дал каждому по ружью и стал жестами разъяснять, как поступить в том или ином случае. Машукулумбе это пришлось явно не по вкусу, и многие даже ретировались.

Не прошли мы и полукилометра, как на пути стало попадаться много дичи. Лееб ранил жеребца-зебру, которого я быстро прикончил. «Выстрелы произвели хорошее впечатление,— рассказала потом моя жена.— Услышав их, великан поспешил удалиться со своими подданными». Когда в дальнейшем мы еще несколько раз стреляли по дичи прямо из лагеря, африканцы просили нас больше этого не делать — так они боялись стрельбы!

Мы постарались извлечь максимум пользы из дружеского отношения великана. Вскоре он привел пастушонка, который выгонял в поле наших животных. Всякий раз, как великан приходил к нам, мы снова и снова одаривали его, чтобы перетянуть на свою сторону, причем в роли постоянного переводчика выступал Мушемани. Кончилось тем, что великан стал слушаться даже моей жены. Жаль только, что у машукулумбе вожди пользуются меньшим влиянием, чем где-либо в Южной Африке. При покупке продовольствия, дров и питьевой воды мы благодаря ему платили самую дешевую цену. Моя жена объяснялась с ним на языке сесуто, и он охотно переводил на родной язык нужные нам слова. Важнейшие она тут же записывала. Через несколько дней мы смогли уже разговаривать с машукулумбе и в отсутствие Мушемани.

Оставаясь наедине с великаном, я всякий раз касался столь важного для нас вопроса о носильщиках. После долгих проволочек он наконец сообщил, что решили его товарищи. Их условия оказались еще более невыгодными, чем мы предполагали. Они запросили за переноску поклажи в три раза больше, чем матока, хотя и это уже было немало. Я ожидал, что по мере продвижения на север, то есть в сторону областей, где уже побывали арабские торговцы с восточного побережья, условия оплаты носильщиков будут становиться все более выгодными для нас, на деле же происходило обратное...

Наконец великан в сопровождении еще четырех африканцев согласился отправиться с нами. Уходя, он кричал своим товарищам, чтобы и они шли за ним. Те, к кому он обращался (но далеко не все), нехотя к нам присоединялись.

Примерно в 2 километрах от Босанго мы достигли мутного потока. Река имела здесь 120—150 метров в ширину и 4—6 в глубину.

На заросшем тростником полуострове, лежавшем на 4 метра ниже берега, находилось несколько челнов-однодеревков. Они могли взять не больше двух-трех человек каждый и были выделаны куда хуже, чем у марутсе. Носильщики сбросили тюки на болотистую землю и убежали. Осталось только несколько человек, в том числе и великан.

Вода Луэнге, менее глубокой, чем Замбези, оказалась грязной, темно-зеленого цвета, главным образом из-за

того, что берега ее заболочены и продукты гниения больших масс растительности медленно стекают в реку.

Около четырех часов появились лодочники, всего пятнадцать человек. В общей сложности на четыре челна погрузили двадцать восемь тюков. Больше эти ореховые скорлупки, едва вмещавшие двух человек, не выдержали бы.

Крупных животных невозможно было переправлять на челнах. Они плыли рядом, а мы помогали им держать головы над водой, не выпуская из рук повод. Для ослов подобная переправа гораздо опаснее, чем, например, для лошадей или быков, хотя бы из-за пристрастия крокодилов к осялятине. К тому же оба длинноухих вели себя предельно глупо. Они словно делали все возможное, чтобы оправдать распространенное мнение об их умственных способностях. Особенно Якоб, который все время старался впрыгнуть в лодку, так что мне стоило большого труда не дать ей перевернуться.

Наконец все было перевезено на северный берег реки. Африканцы поспешили уйти — я удивился, что они не боялись ночью отправиться домой. Мы остались одни, с тревогой думая о том, что нас ждет впереди. Правда, растроганный подарками великан — единственный, кому я мог верить, — обещал вернуться утром с носильщиками, но сдержит ли он свое обещание?

Двадцать шестого июля я проснулся рано. Все мои товарищи еще спали. Вдруг мое внимание привлек крик, раздавшийся на другом берегу реки. И что же — в тростнике показались машукулумбе! Впереди шел великан.

Нам и до 25 июля пришлось пережить немало горьких минут, но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что ждало нас впереди. Каждый день вплоть до 22 августа приносил нашей экспедиции новые неприятности.

Сначала правители машукулумбе слишком завидовали друг другу, чтобы предпринять против нас совместные действия. Мы могли бы перестрелять свиту напавшего на нас правителя на глазах у его соседей, и они бы и пальцем не пошевелили, чтобы защитить своих соплеменников. В дальнейшем, однако, когда мы приблизились к северной границе их страны и вожди поняли, что добыча может ускользнуть из их рук, корысть взяла верх над распрями, и вожди племен, обитающих к северу от Луэнге, объединились против нас. Этой возможности я все время опасался.

Поход в Галулонгу

Тропа вела на северо-восток, к селению Галулонга*. Мне хотелось обойти его, ибо я знал, что за близлежащими холмами, заросшими высокой травой, тянутся смертоносные болота. Я шел впереди с обеими собачками, за мной — жена, шествие замыкали козы и ослы, которых погонял Мушемани. На десятом километре мы уперлись в вязкое болото. Не имея возможности перейти через него, мы взяли вправо и наткнулись на двух африканцев, охотившихся в высокой траве: один был машукулумбе, другой оказался, к нашей радости, матока. Мы подарили им стеклянные бусы и попросили указать дорогу на северо-восток. Нам ответили, что нужно держаться тропы — это единственная возможность перебраться через болото. При этом африканцы в один голос утверждали, что селения Массанги можно достигнуть только через Галулонгу. Я считал Галулонгу опасной для нас, да и не хотелось делать крюк, а потому я решил идти прямо через болото.

Близость северной границы, забрезжившая надежда на избавление от мук успокоительно действовали на нервы. Мы преодолели опасения, которые внушала болотная вода, прсникавшая в сапоги, и взяли курс прямо на север. Пройдя каких-нибудь двести шагов, я убедился, что ни о какой спешке здесь не может быть и речи, каждый шаг давался нам с величайшим трудом. Глубина воды и ила в совершенно заросшем тростником болоте составляла около 60 сантиметров и все время возрастала. Болото было грязно-коричневого цвета и распространяло зловоние. Каждые 50—60 метров встречались термитники, покрытые кустарником и тростником и напоминавшие острова.

Впереди шла теперь моя жена, я погонял ослон, замыкал шествие Мушемани с козами. Нам было трудно вытаскивать ноги из травы и грязи, а животным с их тонкими ножками — и подавно. Я погрузил на них вдвое меньше поклажи, чем обычно, но и этого было слишком много. С каждым шагом идти вперед становилось труднее. Якоб еще помогал себе, перепрыгивая с кочки на кочку: он был

* Когда экспедиция достигла резиденции вождя Ньямбо, где была встречена весьма нерадушно, Голуб в сопровождении жены и Мушемани совершил рекогносцировку в направлении северной границы страны Машукулумбе.

выносливее и сообразительнее. Второй же осел не трогался с места. Мне приходилось переставлять его передние ноги, поднимать верхнюю часть туловища, а затем толкать вперед. Только так его можно было заставить двигаться. Неудивительно, что вскоре с меня полилась не только болотная вода, но и пот. Я до того устал, что едва держался на ногах, и, дрожа всем телом, словно от озноба, был вынужден опираться на ружье, как на палку. Мушемани приходилось легче; он шел по нашим следам и лишь время от времени помогал козам. Наконец я почувствовал, что не в силах больше приподнять животное, и опустил в болотную воду, чтобы немного передохнуть. Только когда жена, испугавшись, подошла и предложила свою помощь, я смог подняться на ноги и сделать несколько шагов. Надо было бросить бедное животное на произвол судьбы. Увидев, что оно шатается наподобие меня самого и под тяжестью ноши опустилось на колени, я снял поклажу, а его втащил на ближайший термитник.

После этого мы двинулись вперед, но невероятно медленно. Каждые несколько минут мне приходилось отдыхать — то прямо в болоте, то на термитнике. Силы мои убывали. Вдруг мне стало тепло, даже жарко: припадок лихорадки. Жар лишил меня последних сил, я чувствовал себя утомленным, как никогда. Я передал жене оба ружья, попросил отнести их на ближайший термитник, а сам остался позади. Ко мне подошел Мушемани, жена тоже поспешила на выручку. С огромным трудом я добрался до места, где Роза положила ружья, но там немедленно свалился.

Мне казалось, что я не переживу ближайшие полчаса. Дышать и без того было трудно, а тут еще отвратительный запах болота, от которого можно было задохнуться. Я взял Розу за руку, попросил простить мне все ужасы и опасности этого путешествия, в которое я ее вовлек, и попрощался с нею. «Меня ненадолго хватит! Воздуха, я задыхаюсь!»

Жена моя — существо не сентиментальное. Она прижала мои горячие руки к своей груди, сорвала с меня рубаху, затем вскочила на ноги. Неужели помощи ждать неоткуда? Роза поднялась выше по термитнику, и вдруг я услышал ее крик, потом второй. Она увидела трех машукулумбе, которые вдали от края болота пасли большое стадо быков.

Я уже не надеялся на спасение и был уверен, что оставшись здесь до ночи, задохнусь в гнилых испарениях болота. Но, оказывается, неподалеку люди! Возможно ли это? Я попытался привстать, чтобы оглядеться вокруг. Наши враги!

— Э, да что там! — вскричала Роза. — Какие враги? Да это же спасители! Они без копий!

— Это пастухи, — в свою очередь воскликнул Мушемани, — и они ничего о нас не знают. Не знают, что произошло в селении, где живет царь. Иначе они не смотрели бы на нас с таким удивлением. Нет, баас, не бойся, они помогут нам. Видишь, как они кивают, чтобы мы не шли дальше, как предупреждают нас!

Даже тень надежды часто совершает чудеса. С помощью Розы и Мушемани я встал на ноги и собственными глазами увидел то, чему прежде не верил. Помощь! Подле нас оказались трое машукулумбе, готовых сделать все, что мы попросим. Один посадил себе на плечо мою жену, двое понесли меня. Наконец мы достигли мелкого места, а затем и северного берега болота. Тут мы расположились на отдых. Машукулумбе же вернулись на болото. Один принес ношу Якоба, другой — седло, третий — двух слабых козочек, Мушемани — ружья. Якоб перебрался без посторонней помощи.

Мы прошли не больше пятисот шагов, как с поворота дороги увидели Галулонгу. А на дороге стоял не кто иной, как Лееб собственной персоной! Рядом громоздилось штук двадцать наших тюков. Прежде всего я щедро вознаграждал моих спасителей, которые пообещали доставить нам второго осла и его груз.

Если бы наши девятнадцать слуг не бросили нас, мы бы не попали в такое бедственное положение. Однажды, когда я и мои спутники поминали их не самым уважительным образом, вдруг появились восемь африканцев в набедренниках. Моя жена внимательно вгляделась в них, а потом крикнула:

— Что это значит? Они не машукулумбе! Эмиль, иди сюда скорее. Боже мой, да это же наши люди!

Все мы вскочили с мест, побежали к лагерю и убедились, что Роза права.

Нас разыскали восемь человек из дезертиров. После побега они добрались до доброго царя матока Мо-Панзы. Он с удивлением стал слушать их рассказ, но не

дал закончить. Не стесняясь в выражениях, он поносил их за жалкую трусость. Нас, конечно, уже убили... Но и их наверняка ждет смерть, ибо как только царь марутсе Леваника узнает, что они бросили нас среди врагов, он тут же пошлет своих людей, чтобы перебить их всех.

Услышав речь Мо-Панзы, слуги решили вернуться, но трусливый бой убедил одиннадцать человек остаться с ним у Мо-Панзы. Те же восемь, которые очутились теперь перед нами, собрали свои пожитки и отправились на север искать нас. Мо-Панза снабдил их продовольствием. Они разыскали более короткий путь, чем тот, которым мы следовали, и 31 июля нагнали экспедицию.

— Мы спешили добраться до вас,— закончил свой рассказ Мапани,— потому что на равнине между нашим селением и Луэнге нам часто бросались в глаза яркие пятна. Приблизившись, мы увидели машукулумбе, носивших ваш ситец или ваши одежды. Сердца наши наполнились ужасом, ибо мы не могли поверить, что все это вы подарили. Мы решили, что вас уже убили и ограбили.

Порядка ради я отвернулся от слуг, которые присели отдохнуть после трудного пути. Надо было принять самый суровый вид, хотя внутренне я радовался их возвращению. Когда они обратились ко мне, я отошел в сторону и поручил жене выслушать их. Только якобы уступая просьбам Розы и моих спутников, я простил беглецов.

Я стал было упрекать слуг за трусость, но они закричали наперебой:

— Мы бы тебя не оставили, если б не бой, который уже несколько недель шепотом уговаривал нас не идти дальше. Во всем виноват бой! Он отвечает за все!

Их раскаяние было искренним. Как мы узнали из их рассказа, машукулумбе всячески мешали им добраться до нас. Только за право прохода по территории машукулумбе им пришлось отдать свои одеяла, ситец, стеклянные бусы, почти все копья. Их уверяли, что мы уже мертвы. Другие говорили, что нас только двое остались в живых. Третьи сообщали, что у нас все отняли и мы бродим безоружные и нагие.

Однако они не дали сбить себя с толку и шли все вперед. Я поручил жене раздать им, как бы без моего ведома, по несколько метров ситца, чтобы они смогли купить себе копья у жителей Галулонги. Это и было сделано в тот же день.

Второе августа 1886 года

...Мы воспользовались благоприятным моментом и поспешили перебраться через болото, насколько вообще возможно спешить, когда бредешь по грудь в воде и грязи.

Внезапно я заметил, что моя жена словно приросла к месту и тщетно пытается сдвинуться. Я бросился к ней, но меня опередил Фекете. Он сорвал с Розы метеорологические приборы, которые она пыталась спасти, и помог ей выбраться из трясины. Едва мы переправились через топкое болото — наиболее опасное для нас место — и вышли на южную окраину тростниковых зарослей, как заметили несколько машукулумбе. Приблизившись к нам, они спрятались и стали кричать африканцам, которые шли во главе экспедиции, чтобы те убили нас.

Слуги с возмущением ответили, грозя кулаками: «Да, так вы нас подговариваете. Но если мы убьем белых защитников, затем вы убьете нас. Никогда не убьем их, черти вы, проклятые!»

Примечательно (я никак не ожидал этого от детей природы), что их особенно озлобило убийство Освальда*. Он всегда хорошо обращался со слугами, не жалея для них лакомых кусков, пока был поваром, и заслужил, как и моя жена, всеобщую любовь. Если бы на обратном пути нашим слугам попался один из убийц Освальда, они проткнули бы его копьями, и даже я не смог бы этому помешать.

Из тростника мы без дальнейших злоключений вышли в заросшую травой долину, усеянную термитниками. Она тянулась километра на два. Здесь мы оставили тропу, ведущую к селению Ньямбо, и взяли направление на юго-юго-запад, чтобы достигнуть открытого, как мне казалось, места, на котором виднелись две группы деревьев.

Против ожидания, все шло отлично, если не считать боли в израненных ногах, которая становилась невыносимой. До этого внутреннее возбуждение притупляло физические страдания, но теперь ссадины и глубокие царапины властно требовали внимания к себе. Один за другим мы садились на землю, чтобы извлечь колючки или прочис-

* В окрестностях Галулонги вожди ила организовали нападение на лагерь экспедиции, во время которого убили Освальда и разграбили почти все имущество. После этого экспедиции пришлось повернуть обратно.

тить и охладить ранки сырой травой. Однако, если мы хотели еще сегодня вернуться к Луэнге и достичь переправы, нужно было торопиться. Я был вынужден все время просить своих спутников подавлять боль и быстрее двигаться вперед вслед за мной и Розой. Она, хотя и ступала с трудом, держалась мужественно и шла не отставая. Сначала африканцы несли копья и два платка, в которые были завернуты четырнадцать моих дневников и четыре спасенных термометра. Боль в ногах, усталость и голод так повлияли на матока, что они отказались тащить дневники и три раза складывали их на землю. Пришлось нам с Леебом и Фекете самим попеременно нести их.

После усеянной термитниками долины уровень местности несколько понизился, и перед нами раскинулась бесконечная черная равнина. Мы еще издали разглядели, что это пожарище, но вскоре узнали и другое: вместо высокой травы нас ожидали покрытые золой обгорелые стебли высотой 10—20 сантиметров. Для нас, босых, они представляли собой страшное, может быть, непреодолимое препятствие.

Новое испытание оставляло в тени все ужасы, пережитые во время путешествия. Обувь оставалась у одного лишь Лееба, да и то это были так называемые походные, то есть очень тонкие сапожки, которые пользуются большой популярностью в Южной Африке, ибо на сухой мягкой почве отлично служат своим владельцам. Будь на нем настоящие сапоги, он бы прокладывал путь другим, наступая на стебли и ломая их. А так это было невозможно, тем более что он хромал и рад был уже тому, что с грехом пополам продвигался вперед.

Вероятно, многие из моих читателей пробовали на даче ходить босиком. Боль, которую вызывают подобные попытки, говорит о том, насколько изнежила наши ноги обувь. Но что сказали бы люди, если бы палач заставил преступника идти босиком по сжатому пшеничному полю? А пшеничное жнивье не идет ни в какое сравнение с древовидными в палец толщиной остатками южноафриканской травы, которая растет так густо, что пройти между стеблями невозможно! Будь мы обуты в сандалии, наши лодыжки и даже икры все равно пострадали бы. Но мы были босы, ноги наши покрылись язвами, суставы распухли. Вот такими ногами, которыми было бы больно ступать и по паркету, нам предстояло пройти несколько километров по по-

жарищу. При этом мы провели весь день с одиннадцати часов под африканским солнцем, страдали от голода и душевных мук, пересекли несколько больших болот...

Предоставляю фантазии читателя воспроизвести картину всего, что мы пережили на этом пути. Не стану рассказывать, как с каждым мигом на багровых, раздувшихся, кровоточащих ногах появлялись новые порезы, какую боль причиняли зола, пыль, а в некоторых местах и ил, проникая в раны. Каждый шаг вперед сопровождался стонами и криками боли. Больше всех страдала моя жена, и африканцы пытались было нести ее, но даже их толстая, как подошва, кожа не могла защитить от острых остатков стеблей. Я разорвал свою куртку на куски, чтобы ими хоть немного прочищать наши раны.

Всякий раз, когда кто-нибудь садился, приходилось останавливаться всем, ибо никто не должен был удаляться от остальных больше чем на сто пятьдесят шагов. Постепенно к острой боли и усталости присоединилась сильная жажда. После трехчасового марша она превратилась в такую муку, что вместе с палящими лучами солнца вызвала оцепенение и чуть ли не умопомешательство. Одни смеялись, другие шли, тупо уставясь в землю.

Постепенно всеми овладело безразличие к опасности, граничившее с безразличием к самой жизни. Я тоже испытывал это чувство. У меня шумело в голове, и я впервые в жизни перестал думать о том, что нам угрожало. Всякий раз, когда кто-нибудь садился на землю, я слышал: «Лучше смерть, чем такие страдания. Нет, господин, я не могу идти дальше». Несмотря на полубессознательное состояние, мне приходилось находить слова, которые доходили до сердца наших африканцев и напоминали им о крючках на копьях машукулумбе. Только после этого носильщики снова поднимались на ноги и шли вперед. Я начал думать, что мы не достигнем в этот день Луэнге, а между тем это было важнейшим условием нашего спасения.

Мой план состоял в том, чтобы дойти до северного берега Луэнге вечером, то есть в такое время, когда местные жители меньше всего будут думать о нас, а челны их окажутся на берегу без присмотра, и в темноте переправиться на южный берег. Тогда мы могли бы спастись. Если же весть о нашем бегстве, которая назавтра обязательно достигнет берегов Луэнге, опередит нас, машукулумбе спрячут челны, а нас окружают и, может быть, перебьют.

Мои спутники — как европейцы, так и африканцы — понимали, что я прав, и, скрипя зубами от боли, продолжали идти вперед.

Через 3 километра мы почувствовали себя такими обессиленными от усталости и чудовищной жажды, что я и сам подумал: дальше идти невозможно. Впереди показалось несколько деревьев, по которым мы сориентировались: поблизости находилось селение вождя Ньямбо. Нам предстояло пройти между этими деревьями и рощицей, прилегавшей к селению. После этого нужно было взять на юго-запад, чтобы пробраться к лагунам и дальше на остров. Там мы оказались бы на виду, но зато могли рассчитывать, что найдем в тростниках хоть один челн.

Под деревьями мы заметили хижины пастухов Ньямбо. От них отделилась женщина, которая пересекла нашу тропу. Она несла огромную связку травы, закрывавшую ей лицо. Но вот она бросила связку на землю, чтобы передохнуть, заметила в четырехстах шагах от себя нас, громко закричала и со всех ног пустилась бежать в сторону селения. Из хижины выскочило несколько машукулумбе, но они не подошли к нам ближе чем на 500 метров. Появление их оставило меня совершенно равнодушным, ибо я заметил нечто другое.

Возможно ли это? Метрах в трехстах от нас стремительно опустилась птица. Неужели там вода? Мои спутники остановились:

— Птица! — воскликнул один.

— Да, птица! — отозвался другой.

— Но там не вода, — проговорил Мапани, грызя сырой корень травы, который он только что выкопал штыком из земли.

— Мертвая дичь, падаль! — спорили африканцы.

— Нет, вода, вода!

Я хотел бежать в ту сторону, но при всем желании не мог. «Возможно ли это, о боже, боже мой!» — шептала моя жена. У нее настолько пересохло во рту, что она лишилась голоса.

Мы все-таки ускорили шаг и вскоре оказались у неглубокой лужи с теплой водой. Но какое это имело значение, ведь перед нами была вода, вода! Мы остались там целых пятнадцать минут и, вымыв напоследок ноги, двинулись дальше, словно помолодевшие.

Страдая от невыразимой боли, мы едва тащились, все

более тупо глядя перед собой, как люди, которым не на что надеяться. И все же мы постепенно приближались к границе пожарища. Далеко на юго-востоке показалось одинокое высокое дерево.

Вспыхнувшая вновь надежда вскоре достигнуть Луэнге придала нам силы. Около четырех часов мы миновали пожарище и достигли зарослей полегшей бородатой травы. Несколько месяцев назад, когда трава была еще молодой и нежной, ее придавил к земле паводок. Теперь мы шли по ней, как по мягкому ковру. Вдали виднелась уже возвышенность с тенистыми сикоморами Босанго — они служили нам ориентирами. Мы пошли к ним кратчайшим путем — через долину, имея в виду выйти к прежнему месту переправы. Вдали маячили какие-то силуэты — мы приняли их сначала за людей, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это животные. Они подпускали нас порой на сто шагов. При виде животных у наших африканцев разыгрался аппетит, но что было делать? Если мы хотели живыми достичь берегов Замбези, нам нельзя было стрелять ни по эту сторону реки, ни дальше — на расстоянии 20—30 километров от южного берега.

Около шести часов мы вышли к первым двум лагунам и по мелководью переправились через них. Тут мы остановились, чтобы нас не заметили с другого берега зоркие глаза жителей Босанго. Вскоре мы нашли укрытие и отдыхали в нем до наступления ночи, под покровом которой намеревались осуществить рискованную переправу через Луэнге. Когда наконец стало совсем темно, мы поползли на четвереньках по невысокой траве в сторону Луэнге и вскоре добрались до того места, где высадились, когда шли на север. Последние сто шагов мы ползли под прикрытием большого термитника, возвышавшегося на сжатом кукурузном поле.

На берегу мы снова передохнули, а затем я послал одного африканца вверх по течению искать челн. Мы же принялись разыскивать оставшиеся в поле кукурузные початки, но, к сожалению, ни одного не нашли. Зато мне попался большой кусок полусгнившей корки тыквы. Какая счастливая находка! Мы разрезали ее на мелкие кусочки, и каждый получил свою порцию, сожалея о том, что добавки не будет. Сидя на берегу, мы опустили ноги в воду и принялись обсуждать события дня. Каждому хотелось услышать подтверждение того, что казавшееся невозмож-

ным осуществилось, что мы действительно живы и находимся на берегу Луэнге. Вскоре африканец принес радостную весть о том, что на близлежащем острове видел челн. Он указал нам это место, и я его сразу узнал. Да, это был тот самый остров, через который мы переходили, неся на себе груз. На берегу лежал челн-однодеревка, длиной не более 2,5 метра — скорлупка, от которой, однако, зависела наша жизнь.

Но как заполучить столь ценный для нас челн? Днем мы смогли бы за полчаса изготовить тростниковый плот, но ночью нельзя было идти в болото за тростником. Я подзвал к себе африканцев долго толковал с ними и обещал выдать на Замбези три одеяла тому, кто, не страшась крокодилов, доплывет до острова и приведет оттуда челн. Они долго совещались, пока Мушемани и Сироко не бросились наконец в волны. Однако один из них еще у берега задел ногой крокодила. Оба мгновенно выскочили из воды и больше не решались повторить свою попытку.

— Если вы не пойдете, придется идти мне. Но я знаю, что если меня схватят крокодилы, никто не доберется до Замбези. Что вы будете делать без руководителя? Сегодня вы слушались моих приказаний и тем спасли себе жизнь. Крокодилы издали увидят мою светлую кожу, а вашу темную могут в темноте и не заметить.

Никто мне не ответил, каждый думал о себе. Тогда я обещал смельчаку, который отважится переплыть на остров, мушкет (его нес Мапани). Тут же вызвался марутсе по имени Монохела. Его темное тело медленно и тихо стало сползать в реку. Мы сбились в кучу на берегу. Мапани стоял с высоко поднятым копьем, чтобы в случае надобности отогнать крокодилов. Было слышно, как бьются наши сердца. От исхода этого героического подвига зависела наша жизнь. Если крокодил схватит храбреца, ни один африканец не решится последовать его примеру, и мне придется принести себя в жертву. Никто из нас не произнес ни слова, но как только Монохела доверился реке, все мы — сначала европейцы, а следом за нами и африканцы — опустили на колени и вознесли к небу горячую молитву, шедшую из глубины души. Мы просили, чтобы от важному было дано спасти нас. Молитва была услышана. Монохела доплыл до острова и влез в лодку.

У него, однако, не было ни весла, ни шеста, и лодка стала описывать круги, пока Мапани не посоветовал грести

руками. Вскоре Монохела уже стоял среди нас. Мы приветствовали его горячо, но тихо, чтобы не выдать свое присутствие машукулумбе, хотя я не сомневался, что только грохот может заставить их покинуть хижины в темноте.

Теперь надо было переправить на противоположный берег по очереди всех участников экспедиции. В качестве перевозчика я выбрал Фекете, но первая попытка перевезти Лееба окончилась неудачей. Челн был слишком мал для двоих. Лееб и Фекете упали в воду, к счастью, на мелком месте у самого берега. Нужна была лодка бóльшего размера, но такую можно было найти только на противоположном берегу. Я предложил Мапани двустволку, которую нес Ионас, если он переправится в челне через реку и пригонит самую большую из лодок, находящихся в тростнике. Мапани тут же взялся за дело. Используя штык в качестве весла, он оттолкнулся от берега, радуясь тому, что так легко заработает ружье. Мы же, лежа в сгущавшейся тьме на берегу, напряженно прислушивались. Долгое время мы не слышали ничего, кроме возни крокодилов, но вдруг у берега раздались и другие звуки.

Мы знали, что означает этот плеск: Мапани вернулся с челном, который вмещал двух человек. Удивительно быстро все мы переправились на остров, и пересекли его пешком. Челн же обогнул его по воде.

Когда дело дошло до переправы через второй, более широкий рукав Луэнге, возникло новое препятствие. В этот день нам предстояло испытать до дна горькую чашу испытаний. Уже целый час небо затягивали грозовые тучи, которые постепенно закрыли звезды. Когда же мы собрались покинуть остров, разразилась буря. О том, чтобы переправиться на нашем челне через широкий поток, да еще несколько раз, не могло быть и речи. Скорлупка, борт которой возвышался не более чем на 5 сантиметров над поверхностью воды, была бы немедленно поглощена волнами. Я знал, однако, что, к счастью подобные штормы продолжаются недолго. Было всегда девять часов, мы имели возможность выждать и использовать это время для отдыха.

Мы улеглись на берегу под защитой большого термитника. Ночь выдалась холодная, и мы разожгли костер, довольно большой, но не высокий, чтобы пламя не привлекло внимания машукулумбе. Огонь оказался настоящим благодеянием, особенно для Лееба и Фекете, которые промокли насквозь, когда перевернулся челн.

Мапани, Ионас и Марума охраняли нас, я же прикорнул у костра и вскоре задремал. Пока я спал, моя жена бодрствовала, а африканцы ставили ей на ноги холодные компрессы. Около одиннадцати часов я проснулся и взял охрану на себя.

Волны с шумом бились о берег, в долине свистел ветер. Над нами нависло мрачное, черное небо, нигде не было видно ни звездочки. Будет ли шторм продолжаться? Если он не закончится до полуночи, мы все погибнем. Нам ведь нужно еще так много успеть до восхода солнца! Одна переправа займет по крайней мере два часа. Еще час потребуются для того, чтобы пересечь болото в направлении на Босанго, полчаса — чтобы обогнуть селение. После этого останется еще 6 километров пути. И их тоже надо пройти ночью, пока не рассветет.

Спасение наше зависело от того, удастся ли нам миновать Босанго незамеченными, чтобы местные жители не узнали, что мы переправились через Луэнге и не стали на следующий день искать нас к югу от реки, а ограничились ее северным берегом.

Предпоследний час дня 2 августа, начавшегося для нас в час ночи, оказался очень мучительным. Неужели, после того как мы столько боролись и страдали, нам предстоит погибнуть в последний момент?

Волны продолжали сердито биться о скользкий берег, но ждать дольше было невозможно.

— Мапани, вперед!

— Баас, я не могу!

— Мапани, нам нужно переправиться на тот берег!

Наконец я убедил его. В первый, самый опасный рейс, он взял Монохелу, который держал в руке факел, чтобы укрепить его в качестве маяка на противоположной стороне. С каким напряжением мы прислушивались! Наконец Мапани вернулся, но заявил, что опасается, как бы челн все-таки не перевернулся.

— Баас, будет смерть!

Я взял карабины и дневники, обменялся рукопожатиями с Фекете и Леебом, поцеловал жену, и мы без слез расстались. Может быть, увидимся еще, а может, это рукопожатие будет последним! Мне пришлось улечься на дно челна, чтобы он сохранил устойчивость. Волны громко бились о борт жалкой посуды. Еще долго, до самой середины реки, я слышал прощальный привет жены. Слава богу, мы

все-таки достигли берега! Я дал сигнал об этом, взмахнув факелом.

Мы высадились точно в полночь.

День 2 августа 1886 года, на протяжении которого судьба столько раз подвергала нас страшным испытаниям наконец закончился.

От Луэнге до южной границы страны Машукулумбе

Мапани снова отправился к северному берегу, я же стал расхаживать взад и вперед и пустил собачку Дэзи, которая переправилась вместе со мной, в тростник, чтобы она искала, нет ли там диких зверей или спрятавшихся машукулумбе. Я не давал погаснуть огоньку, служившему путеводной звездой в этой крошечной тьме, и всем существом своим ждал звука, который скажет мне о прибытии челна. Долгое время я, однако, не слышал ничего, кроме ржания осторожных зебр, несомненно заметивших наши странные действия, да рева бури. Наконец раздались всплески весла, и вскоре маленькая лодка доставила на спасительный берег мою жену. Челн остановился на мелководье, я помог Розе выбраться, после чего утлая лодчонка вернулась на северный берег.

Мапани удалось одного за другим перевезти всех наших товарищей. С каждым разом переправляться становилось все легче, шторм постепенно утихал. Около трех часов утра все наши очутились наконец на южном берегу и пожали друг другу руку.

Едва последний сошел на берег, мы уничтожили все следы нашего пребывания здесь, выровняли примятый тростник, сбросили в воду уголья, а затем уже пошли в сторону от Луэнге, с которой у нас теперь были связаны мрачные воспоминания. Переправа через реку явилась опаснейшей в моей жизни. И все же, покидая берег и направляясь на юг, мы чувствовали душевный подъем, ибо первая и наиболее тяжелая часть пути к спасению осталась позади.

Третье августа 1886 года началось с новых трудностей: в радиусе 3 километров от Босанго-Касенги трава в долине была выжжена и распознать на ее черной поверхности

столь же темную тропу оказалось вовсе нелегко. Я передал руководство африканцам. Они и на этот раз с блеском проявили свое умение ориентироваться.

Проводником я назначил Мапани, а в помощники ему дал Кондого и Моруму. Сам я только указывал пункты, куда нам нужно было добраться. Мапани уже на берегу Луэнге разработал маршрут и сообщил его мне:

— Господин, из-за многих болот и лагун нам не следует долго бродить по долине Луэнге. Вместо этого надо по кратчайшей прямой тропе идти на Босанго-Касенгу. Когда до селения останется шагов четыреста, мы свернем налево (на восток), чтобы обойти Касенгу, а потом возьмем на юг-юго-запад, чтобы достигнуть тропы на Кабораманду. Возвращаясь к тебе, мы не проходили через М'Безу и Кабораманду, для этого пришлось бы сделать крюк (вы его и сделали по совету людей Мо-Панзы). А я нашел самую короткую дорогу, которая, минуя оба эти селения, ведет из Босанго-Касенги прямо во владения Мо-Панзы.

Я согласился, и мы двинулись в путь. С присущей им удивительной способностью находить потерянные следы и не сбиваться с едва заметных троп африканцы довольно быстро шли между лагунами и болотами, хотя ноги их были изранены. Все мы долго держали ноги в воде, это вместе с ночной прохладой умерило боль, и мы на первых порах шагали довольно уверенно. Однако радость наша длилась недолго. Как я уже говорил, сухая трава, покрывавшая долину, была выжжена. Остатки стеблей вскоре снова заставили открыться едва затянувшиеся раны, а в болотистых местах в них стала проникать грязь. Чуть отойдя от места отдыха, мы опять почувствовали боль и жжение в ногах. Все шли, не произнося ни слова. Ночь стояла настолько темная, что африканцы порой находили тропу, лишь ощупывая почву ногами.

Так мы ковыляли, стараясь подавить боль. Внезапно во мраке появился какой-то таинственный свет. Неподдалеку от нас что-то белое быстро двигалось взад и вперед. Все остановились, в тот же миг застыло и белое пятно. Затем оно стало медленно приближаться. Только тогда мы разглядели белую бородку нашего верного Дэзи.

Без происшествий мы достигли места, где находилась Касенга, взяли в сторону, обошли селение и, пройдя, согнувшись, около 300 метров, вышли на дорогу, ведущую в Кабораманду. Следовать этой тропой было легче, так как

она пролегла по белой песчаной почве и четко выделялась на черном фоне пожараща.

Стало уже светать, когда мы сошли с тропы на Кабораманду и двинулись или, вернее, заковыляли прямо на Мо-Понде. Мне очень хотелось дать людям передохнуть, но я не решался. Правда, африканцы считали, что на нашем пути больше не встретится селений машукулумбе, но что если они ошибаются, если в густом лесу, покрывающем латеритовые холмы, прячется несколько селений и в полумраке мы набредем прямо на них? Хотя машукулумбе любят поспать, собаки их бодрствуют. Правда, у меня не было оснований опасаться жителей этих селений, не знавших причины нашего внезапного возвращения, но все равно следовало, опережая слухи, уйти как можно дальше к югу. Тогда, даже если в пути нам встретились бы машукулумбе, мы имели бы дело с нерешительными противниками, не осведомленными о нашем положении.

Если цель, поставленная накануне, была достигнута только ценой сверхчеловеческих усилий, то и новая требовала не меньших, так как ее основным условием было как можно быстрее двигаться вперед. Само по себе он может показаться нетрудным, но для нас было почти невыполнимым из-за израненных ног, утомления и голода.

Тропа, по которой мы шли, вела в резиденцию Мо-Панзы. По ней наши африканцы возвращались к нам, а потому мы знали, что на этом пути лежит селение машукулумбе. Чтобы обойти его, нужно было сделать большой крюк. Только после этого можно было вернуться на тропу и следовать дальше на юг.

Чтобы воспользоваться преимуществами, которые мы завоевали, переправившись через Луэнге, я решил, что сделаю полуторачасовую остановку, лишь отдалившись больше чем на 5 километров от Касенги, а затем продолжу путь при свете дня. Этот короткий отдых пришелся всем по вкусу. Предосторожности ради мы развели только небольшой костер. К этому времени мы уже миновали пожараще и находились в лесистой местности, поросшей высокой травой. Африканцы быстро нарезали травы для постели моей жене. Как только она была готова, все заснули как убитые, кроме меня и Лееба, взявших на себя охрану лагеря. Лес был очень густой, к тому же мы находились в низине. Поэтому, хотя становилось все светлее, у нас был плохой обзор. Я уже начал думать, что мы находимся вда-

ли от человеческого жилья и можем отдохнуть еще часок, как вдруг ушей наших достиг отдаленный петушиный крик. В мгновение ока мы разбудили товарищей и уже несколько минут спустя двинулись дальше.

Мы очень часто наталкивались на скрещивающиеся тропы и находили на них следы людей и собак, оставленные накануне. Судя по их направлению, можно было предполагать, что левее (к востоку) находится селение. Мы свернули направо и с большой осторожностью продолжали марш. Теперь тропа пролежала через необыкновенно густой, зачастую совершенно непроходимый подлесок. Шли мы в таком порядке: европейцы — посередине, двое африканцев — в авангарде, двое других составляли боковое охранение слева и еще двое — справа. Я велел африканцам не терять нас из виду и с помощью знаков, а также условного свиста и сигналов сообщать о том, что они увидят.

Так мы достигли латеритовых холмов, покрытых лесом. Тропы и следы сбивали нас с толку, и в результате мы очутились между несколькими селениями. Теперь необходимо было соблюдать величайшую осторожность, и я позвал к себе всех участников экспедиции. Сделав несколько шагов вперед, мы останавливались и прислушивались. Не заметив ничего подозрительного, опять делали несколько шагов. Ветви кустов мы раздвигали осторожно, чтобы не производить шума, а тропу, прежде чем ступить на нее, очищали от сухих веток и листьев. Кое-где мы шли по дорожкам, проложенным стадом коров.

Нам не приходилось опасаться машукулумбе, этих любителей поспать, но у них ведь были четвероногие стражи. К тому же наши псы могли подхватить лай чужих собак и выдать нас. Я велел ободрать с куста кору и сделать из нее поводок, на котором мы и повели собак. В то же время я приказал африканцам внимательно следить за животными и сразу же зажать им пасти, если они наострят уши, услышав лай. Часто приходилось ползти на четвереньках. Когда до нас доходили голоса из соседнего селения, мы быстро ползли вперед, а в тот самый миг, как разговор прекращался, прижимались к земле и двигались дальше, лишь когда он возобновлялся. Наконец, часам к восьми утра мы спустились с латеритовой возвышенности и обнаружили несколько троп, ведущих к югу. Мы выбрали самую западную, чтобы возможно скорее достигнуть Кабораманды.

Около полутора часов мы шли под тенистыми мимоза-

ми, но за это время нам несколько раз пришлось отдыхать из-за боли в ногах. На одной остановке у ямы с водой, которая была очень кстати, мы наткнулись на большое стадо антилоп канна. Животные оказались очень доверчивыми, так что мои люди, которым я, естественно запретил стрелять, хотели копьями заколоть теленка. Но я не позволил и этого, ибо не следовало совершать бессмысленное убийство: необходимо было как можно быстрее двигаться вперед, а о том, чтобы жарить мясо, нельзя было и думать.

Чем дальше, тем труднее нам становилось идти, тем чаще приходилось отдыхать, тем громче звучали жалобы. Голод, усталость, боль и безразличие, вызванное лихорадочным состоянием, боролись не на жизнь, а на смерть с чувством самосохранения и нашей энергией.

Около полудня мы достигли пальмового леса, как мы полагали, каборамандского.

Сладковатая мякоть пальмовых плодов не утолила наш голод: они были еще незрелыми и принесли только вред.

Из всех резиденций правителей машукулумбе, которые мы должны были миновать на обратном пути, больше всего следовало опасаться Кабораманды. Между тем, на беду, именно в окружавшем ее пальмовом лесу моя жена, не выдержав страшной боли в израненных ногах, села на землю не в силах сдвинуться с места. Обмотки на ее ногах давно пришли в негодность, босиком же она не могла ступить и шагу. Я снова оторвал несколько лоскутков от куртки и добавил к ним рубашку, чтобы сделать обмотки для всех.

Тот миг, когда бедная жена моя опустилась полумертвой на землю, никогда не изгладится в моей памяти. Это был самый печальный эпизод и без того трагического возвращения. Я все еще слышу ее крики отчаяния.

— Не могу больше, бог мне свидетель! Не могу! Господи, сжапись надо мной!

— Роза, прошу тебя, еще только полчаса, какие-нибудь полкилометра, чтоб уйти подальше от Кабораманды. Посмотри на наши ноги, на меня и Фекете. Нам так же больно, как тебе, но у нас нет другого выхода, если мы хотим спастись. Мапани, Марума, идите сюда, вам придется нести мою жену.

— Господин, мы бы хотели, но не можем, взгляни на наши ноги!

В конце концов я обмотал ноги Розы разорванной курткой и снова заставил ее идти. Мы с Фекете поддерживали

ее с обеих сторон, по сути дела несли, но она продолжала плакать и жаловаться. Боль, которую она уже целые сутки старалась подавить, наконец одолела и ее.

— Нет, дайте мне умереть здесь, ступайте вперед одни и постарайтесь спастись, граница ведь близко. Не думайте обо мне. Ты, Эмиль, должен спасти себя и результаты твоих исследований. Прошу тебя, оставь меня здесь!

— Ни за что! Мы, правда, не можем нести тебя, но заставь себя пройти еще несколько сот шагов — и ты сможешь долго отдыхать.

— Нет, не могу! Уходите, спасайтесь, оставьте мне только винчестер, я знаю, как поступить, если дело дойдет до крайности.

Эти жалобные крики разрывали сердце нам, мужчинам. Никто, разумеется, не думал о том, чтобы оставить ее.

Я положил на землю несколько мягких лоскутьев одежды и снова забинтовал Розе ноги, привязав к ним кусок куртки. Все это я обмотал волокнами пальмовых листьев. Так мы несли и тащили ее, пока не спустились в долину, где росла невысокая и мягкая молодая трава. Самый тяжелый и неровный участок пути, залитый лучами палящего солнца, остался позади. Это решило все. Жена моя смогла ступать по мягкому ковру. Правда, через каждую сотню шагов приходилось останавливаться на отдых, но теперь она двигалась самостоятельно.

Солнце клонилось к закату. Вечерняя прохлада принесла всем облегчение, но зато голод стал еще мучительнее. Мы утешали себя тем, что идти до границы со страной матока, а значит до зоны безопасности, осталось недолго, и терпеливо тащились дальше на юг, но уже не сомкнутым строем. Впереди шли я, моя жена, Лееб и в качестве проводника — Мапани. Далеко позади ковылял Фекете. Остальные же рассеялись по обеим сторонам от нас. Они двигались по краям долины, разыскивая плоды и съедобные семена, чтобы приглушить голод. Каждые полкилометра мы останавливались на отдых. Тогда к нам, хромая, подходил кто-нибудь из африканцев и делился тем, что удалось собрать ему и его товарищам.

Долина, по которой мы шли, простиралась далеко. Но мы уже видели впереди заросшую пальмами котловину и, решив, что это пальмовый лес, лежащий к югу от Кабораманды, радовались тому, что избавление близко. Внезапно, при очередном повороте тропы, мы увидели над со-

бой и слева хижины машукулумбе. К нашему ужасу, обнаружили, что мы находимся, самое большее, в 5 километрах от Кабораманды, а селение, перед которым мы стоим,— ее часть — западный форпост резиденции правителя. Из-за усталости и сильной жары пройденный путь показался нам длиннее, чем был на самом деле. Мы, правда, обошли Кабораманду, но все же находились в ее окрестностях.

Это открытие положило конец сладким мечтам о ночлеге под сенью пальм. Нам надо было идти дальше и дальше, пока нас еще держали израненные ноги. Терпя ужасающие боли, проползая наиболее опасные участки на четвереньках, мы прошли до наступления ночи еще 3 километра и наконец остановились на ночлег у густого кустарника, около мелкого водоема, заросшего тростником. Не имея топора, мы попытались руками обламывать усеянные колючками ветки, чтобы построить шалаш. Но у нас не хватило сил. Подоспевшие слуги остриями копий нарезали травы, которая должна была послужить нам и постелью и одеялом, поскольку стало холодно. Мы разожгли два небольших костра. У одного улеглись мы — четверо европейцев с двумя собаками, у другого — африканцы. Несмотря на усталость, мы не могли заснуть от отчаянного голода и холода. Чтобы согреться, я велел разложить еще костры.

Африканцы вскоре уснули. Немного согревшись, я также потерял бдительность и заснул — вот и вся охрана! Так мы отдыхали до восхода солнца, почти целых восемь часов, под защитой одного бога. Этот отдых и ночная прохлада оказали такое благотворное действие на наши ноги, что, почувствовав прилив сил, мы рано покинули лагерь. Только встать с земли было трудно. Тело настолько затекло, что пришлось обратиться к помощи африканцев. Но, сделав несколько шагов, мы почувствовали себя лучше, хотя в то утро остались без завтрака, да и весь предыдущий день провели без еды.

— Скоро перейдем границу, — сказал Мапани, — тогда сможем подстрелить какую-нибудь дичь.

Мы не сделали и нескольких шагов, как шедший впереди Марума подозвал нас и показал совершенно свежие следы огромного льва. Лев, видимо, учуял людей и ночью даже видел вблизи, но не тронул нас.

— Смотрите, — сказал Мапани, — этот лев не был голоден, иначе он утащил бы одного из нас.

Лев, очевидно, только накануне задрал какое-то дикое

животное, не то он предпочел бы свежее человеческое мясо. На наше счастье, он был один и к тому же это был лев, а не львица. Львица иной раз убивает просто со зла, даже когда и не голодна.

После полуторачасового подъема африканцы сообщили, что заметили пять хижин машукулумбе. Мы остановились. Слуги отправились на разведку и вскоре вернулись. В поселке они обнаружили всего лишь трех постоянных жителей и трех наших носильщиков-матока.

— Нам нечего бояться, наоборот, надо отомстить: убить машукулумбе и разграбить поселок. Этого требуют преступления, жертвой которых мы стали,— твердили наши африканцы.

— Идите сзади и ничего не трогайте. Это не те машукулумбе, которые причинили нам вред, почему же они должны отвечать за преступления своих соплеменников?

Наше появление вызвало в поселке крайнее удивление, особенно у матока. Машукулумбе встретили нас очень недоверчиво и боязливо, но дали моим слугам поесть. Я же стал искать, что бы такое продать, и тут Лееб сообщил мне, что у него на шее еще остался платок. За него мы получили около трех литров земляных орехов.

Поселок назывался Мотокоро.

Мы быстро миновали немногочисленные хижины, затерянные среди лесов и полей, на которых росли кукуруза и тыква. Моя жена — она двигалась медленнее других — ушла вперед, я сопровождал ее. Роза шла с трудом, стараясь превозмогать боль. Однако на убранном поле раны ее снова открылись, и из них выступила кровь. Боль стала невыносимой, и бедная женщина не могла больше скрывать это. Взглянув на нее, я увидел, что по щекам ее текут слезы. В этот момент мы проходили мимо костра, разложенного возле одной из хижин. У костра еще сидели несколько моих слуг, двое машукулумбе и трое матока. Я узнал их. Это были самые заядлые забияки, которые дважды грозились бросить нас у Босанго-Касенги, а затем подстрекали против нас машукулумбе. Это они уговорами и угрозами убедили девятнадцать моих слуг бежать. Когда я проходил мимо костра, у меня задрожали руки. Матока же усталились на нас и в особенности на Розу. Впрочем, они, видимо, не задумали ничего дурного. Бросив копья на землю, они последовали за нами, разглядывая следы моей жены.

Что это, не обманывают ли меня глаза? Да, бесспорно, ноги ее кровоточат, так что каждый шаг оставляет след на песке. Не успел я подбежать к ней, чтобы лучше перебинтовать ноги, как африканцы бросились на землю.

— Что вам нужно?

— Господин, мы, дети Мо-Панзы, приветствуем тебя, мы слышали о том, что случилось с тобой, твоей женой и твоими людьми. Сочувствуем тебе и твоей судьбе. Господин, мы хотим помочь тебе.

— Вы мне помочь?

— Да, взгляни на твою жену, она не может дальше идти и только обременяет вас. Вы находитесь еще во владениях машукулумбе, их копья занесены над вашими головами, разреши нам, господин, нести твою жену.

Я не верил ушам своим, не верил этим людям, от которых мы видели только дурное. Еще меньше им верила жена, и мы заковыляли дальше. Примерно через полкилометра на нашем пути встретилась речка. Здесь мы присели отдохнуть и развели огонь, чтобы поджарить земляные орехи. К нашему удивлению, трое матока снова догнали нас.

— Господин, после вашего ухода двое машукулумбе поспешили в Кабораманду, чтобы рассказать о вас. Вас могут преследовать, поэтому разреши нам нести твою жену, чтобы все вы могли идти быстрее. Она не сможет шагать весь день в ногу с вами.

Тут мне пришлось поверить говорившим, хотя я никак не мог объяснить происшедшую в них перемену.

— Вы действительно хотите нести мою жену?

— Да, господин, это так.

— Роза, Роза, ты слышишь, они хотят...

Я не смог договорить. Нагнувшись над ней, я попытался прочесть мысли страдальцы по выражению ее лица. Голова ее легла мне на грудь, она громко всхлипывала, но на этот раз сквозь слезы проступала улыбка радости. Ее страшные муки прекратятся хоть на несколько часов.

Доброта, проявленная этими людьми по отношению к моей жене, показала, что в душе каждого человека живут чувства, заставляющие его совершать поступки, которые мы называем гуманными.

Матока тотчас взялись за дело. Срезали деревцо (оно должно было служить опорой для носилок), набрали пальмовых веток. Роль циновки сыграла выделанная бычья

шкура, которой один из них укрывался в холодные ночи. Мою жену уложили на эту шкуру, а ее с помощью пальмовых волокон привязали к опоре. Мы помогли носильщикам поднять ношу на плечи, и они двинулись вперед так быстро, что я с трудом поспевал за ними. Кто-то из матока получил в подарок от убежавшего слуги мой сапог. Теперь он вернулся ко мне, и остаток дня я шел в одном сапоге, обмотав вторую ногу тряпками. Путь наш лежал через леса и поляны. Каждые 700—800 метров оба дюжих носильщика останавливались передохнуть. Третий матока, более слабый, тащил оружие, продовольствие и кухонный горшок. Далее за ними тянулись мои люди. Только в конце марша, когда носильщики были вынуждены делать более длительные передышки, оставшиеся начали подтягиваться.

Нам показали опушку леса на краю плоскогорья, которая была границей страны машукулумбе. Плоскогорье переходило в восхитительную долину, по которой текла речка, впадавшая в Моньеко. Носильщики предложили заночевать в густом лесу, километрах в двух от этой речки. Итак, мы достигли спасительной границы.

Мы не понимали и никогда не поймем, как вынесли лишения, выпавшие на нашу долю. Больше всего нас радовала возможность после трех суток строжайшего поста снова отведать мяса. Перейдя границу машукулумбе, мы могли теперь стрелять.

Эта долина с рассеянными на ней группами деревьев отличалась необыкновенным обилием дичи. Первые дикие животные, которых я заметил, были полосатые гну. Под прикрытием термитника я подполз к ним, выстрелил и смертельно ранил быка. После этого маленького охотничьего приключения я заковылял к нашему каравану, который уже раскинул лагерь на берегу чистой речки под высокими деревьями. (Мне пришлось расстаться со своим единственным сапогом, ибо вздувшаяся нога чувствовала себя в нем, как в тисках). Придя в лагерь, я поспешил к Розе, которой было не очень удобно на импровизированных носилках, хотя она и благодарила бога и матока за то, что ей не пришлось идти пешком. Я послал Мапани и еще нескольких человек за убитым гну. Вряд ли стоит говорить о том, с каким нетерпением оставшиеся ждали их возвращения! Мы все буквально умирали от голода.

Пока мы резали траву для ночлега и разводили костер, африканцы вернулись.

Тушу быстро разделали, и отдельные ее части положили на уголья. Однако у нас не хватило терпения, и мы принялись есть мясо полусырым. Твердое бычье мясо, которое, вероятно, так и не стало бы мягким, камнем легло в желудках и вызвало у нас недомогание. В то время как мы сидели у костра и со знанием дела обсуждали качества мяса гну, Мапани решил блеснуть своим кулинарным искусством. Он вырыл в земле довольно глубокую ямку, прожег ее сильным огнем и заполнил золой и угольями, после чего бросил в яму голову гну вместе с кожей и щетиной и покрыл слоем золы, на котором стал поддерживать огонь. Приготовление головы затянулось на всю ночь. На следующее утро мы получили сочное, вкусное жаркое, которое имело лишь один недостаток — его было слишком мало. На черепе не хватало мяса, чтобы насытить четырех человек, два дня не имевших во рту и маковой росинки. Чего бы мы не дали за простой горшок, в котором можно было бы сварить мясной суп! Африканцы же ели мясо гну всю ночь и весь день, так что на завтра осталось не более 10 килограммов, хотя гну был величиной с осла.

По плану мы должны были утром 5 августа идти дальше на юг, однако ноги и у меня и у Фекете были в таком состоянии, что мы не могли ступить и шагу. Поэтому я решил, будь что будет, этот день отдохнуть. У моей жены боли, наоборот, утихли, но, попытавшись сделать несколько шагов, она с криком опустилась на колени. За ночь воспалившиеся суставы и связки совершенно перестали сгибаться. Пришлось уложить ее на траву.

День отдыха, о котором мы мечтали целых трое суток, не принес нам большого облегчения. Тут-то, как говорят, и вышли наружу усталость и боль. Кроме того, у меня и Лееба был небольшой жар. Поэтому на охоту пошли те слуги, которые могли еще кое-как ковылять. Остальные африканцы просидели весь день у реки, опустив ноги в прохладную воду. Фекете попросил Мапани сделать ему сандалии из кожи гну. Впоследствии он настолько привык к ним, что проносил до самой Замбези. Я тоже попробовал обуть сандалии, но не смог к ним приспособиться и предпочел идти босиком или обмотав ноги тряпками. Все же целый день отдыха и нормальное питание укрепили нас физически, а чувство безопасности — и морально.

На следующее утро мы выступили рано. Первые шаги и в этот день оказались трудными, но вскоре я разошелся

и даже опередил остальных, надеясь подстрелить какую-нибудь дичь. Лееб и африканцы взяли на себя заботу о моей жене, которую двое матока снова несли на самодельных носилках.

Чем дальше, тем медленнее я шел. Тряпки на ногах пришлось размотать, из пяток сочилась кровь, они сильно болели. И все же никто из членов экспедиции не нагнал меня. Это очень меня встревожило. Поскольку, однако, перед выходом из лагеря мне сказали, что совсем близко находится селение матока, я пошел вперед, надеясь вскоре достичь его и, если удастся, обменять там три-четыре стреляные гильзы на молоко.

Я прошел еще немного, и тут местность стала понижаться к востоку и к югу. Я предположил, что поблизости находится юго-восточная излучина Моньеко, и не ошибся. В общей сложности мы сделали в этот день 17 километров. Я вышел в поход около половины шестого утра и около двух часов дня достиг Моньеко, а вскоре затем небольшого селения на южном (правом) берегу реки. Нигде еще я не наблюдал такого обилия мух цеце, как в этих местах. Спустившись к Моньеко, течение которой оказалось очень медленным, и опустив ноги в воду, я едва успевал отгонять мух от бедной Дэзи. Скорее всего Дэзи не погибла только потому, что на Лимпопо трижды жрала мясо, отравленное стрихнином.

Я бросился на землю под сенью большой мимозы и погрузился в раздумье. Тут меня и обнаружили, к своему удивлению, жители селения. Вскоре вдали показались первые из моих людей, а затем и остальные. Жены с ними не было. Я стал настойчиво расспрашивать, где она. Мне отвечали, что матока, несшие жену, двигались очень медленно, и слуги их обогнали.

Появление слуг разъярило не только меня. Жители селения также стали бранить слуг за то, что они, зная, как много в лесу львов и буйволов, оставили носильщиков и мою жену совсем одних. Опасаясь, как бы местные жители их не побили, несколько слуг поспешили назад и помогли измученным матока перебраться через глубокий овраг с крутыми берегами.

Наконец жена моя, которую буквально вывернули из носилок, снова оказалась с нами. И она сама, и оба матока с полным основанием напали на моих людей. Носильщики возмущались, что их товарищи не остались с ними и не

помогли хотя бы при переходе через овраги. Они были так разгневаны, что отказались нести Розу последние 18 километров, отделявшие нас от резиденции Мо-Панзы, хотя за два дня пронесли ее 34 километра.

Когда мне удалось немного успокоить обоих матока, жена рассказала, какие ужасы она пережила на этом участке пути. Внезапно африканцы положили ее на землю и убежали. Минута проходила за минутой, а они все не возвращались. Роза решила, что матока бросили ее на произвол судьбы. Убедившись, что не сможет самостоятельно высвободиться из циновки, она пришла в отчаяние, стала кричать и плакать. Лишь через полчаса, показавшиеся ей бесконечными, оба носильщика возвратились. Оказалось, что они просто проголодались и, зная, что поблизости в лесу растут фруктовые деревья, побежали полакомиться плодами. Волнение Розы очень их удивило, они даже упрекали ее за недоверие. Позже, правда, они со стыдом признали, что подвергли жену страшной опасности, так как в этой части леса много хищников.

Мы решили провести ночь в селении. Я сам приготовил Розе мягчайшее ложе из травы, принесенной африканцами. Местные жители подарили нам молока, земляных орехов и холодного пива. К сожалению, у меня не было ничего, чем я смог бы вознаградить добрых людей. Они же снова и снова поражались тому, что нам не только удалось пройти всю страну машукулумбе до северной ее границы, но и вернуться оттуда живыми, несмотря на враждебность жителей. Сами они никогда бы не отважились отправиться к машукулумбе.

Три месяца в устье Чобе

Увидев название этой главы, иной читатель воскликнет: «Зачем Голуб оставался там так долго, почему не старался как можно скорее вернуться в Капштадт?» Следующие строки являются ответом на эти «почему».

В конце августа 1886 года мы, нищие, больные, оборванные, достигли Замбези. Нам предстояла длительная поездка в Европу. Мне, кроме того, нужно было спасти свою научную репутацию. Хотя я понимал, что потери, понесенные в стране Машукулумбе, невозполнимы, все же

мне хотелось собрать, что возможно. Решение этих двух задач — возвращения на родину и укомплектования коллекций — отнимало все мое время, все силы. К тому же только через три месяца после нашего прибытия я получил от Вестбича фургон, в котором мы смогли отправиться на юг.

Без медикаментов, без одежды и белья, питаюсь одним сорго, мы не могли надеяться быстро излечиться от мучивших нас болезней, а потому уже в день возвращения я послал двух слуг в Панда-ма-Тенгу к мистеру Блокли и четырех — в Шешеке к миссионеру Х. Куайяру с просьбой отпустить в кредит и переслать мне предметы первой необходимости.

От мистера Блокли слуги вернулись уже на пятый день и принесли половину того, о чем я просил, — остального у него не оказалось. Все это он прислал мне в подарок со множеством приветствий. У этого бедного человека было доброе сердце. Мистер Блокли сообщил также, что из трех групп носильщиков, которым я поручил коллекции, собранные в стране матока, к нему явилась только одна. Две недели спустя он уведомил меня о прибытии остальных.

Поскольку у Блокли не было ни соли, ни муки, ни медикаментов, ни белья для нас, я с нетерпением ожидал возвращения своих гонцов из Шешеке. Каждый день мы по многу раз отправлялись на берег реки, находившейся всего в 150 метрах от нашего лагеря, чтобы посмотреть, не идут ли посланные. Наконец однажды поздно вечером, во время сильной бури, ветер донес с другого берега голоса наших слуг.

Фекете и Лееба мучил приступ лихорадки, африканцы ушли на охоту, и Роза не хотела, чтобы в такую бурю мы с Мушемани переправлялись в темноте через реку, имевшую в ширину 500 метров, да еще по высокой волне. Однако нетерпение, с которым я ожидал медикаментов, одержало верх над осторожностью, и мы взялись за весла. Нужно было пройти под углом 45 градусов устье Чобе, затем пересечь Замбези, следуя вверх по течению и держа курс на остров, лежащий близ противоположного берега, и обойти этот остров. За ним-то и находилось место высадки.

Это был мой самый опасный рейс по Замбези. И откуда в моем теле, истощенном лихорадкой, взялись силы, чтобы вести железный понтон против волн метровой высоты?! От усталости, которую я чувствовал днем, не осталось

и следа, и я мог грести и дольше! Соскочив на берег, я не стал ни о чем спрашивать, а лишь посмотрел на поклажу африканцев. Трое вернулись с пустыми руками, и лишь один нес половину обычного груза! Я понял все и почувствовал себя раздавленным. Надежды, которые я лелеял несколько дней, рассеялись. Как перенесет это бедная больная Роза? Под тяжестью дум силы покинули меня, и, чтобы добраться на понтоне обратно, пришлось прибегнуть к помощи двух слуг.

Наш берег был уже плотно укутан тьмой, и нам не удалось разглядеть даже дерево на берегу у Газунгулы, которое всегда служило ориентиром. Мы боялись, что высадимся не в обычном месте переправы, а это было опасно из-за крокодилов. К счастью, крики моих людей заменили нам лоцмана.

Итак, преподобный Куайяр с большей частью своего имущества перебрался в другую часть страны, а его заместитель и мадам Куайяр не могли послать мне много, ибо — так они велели передать — испытывали нужду в самом необходимом. Мы были очень разочарованы и все же благодарны за то, что получили, в частности за ситцевое платье для Розы и 6 граммов хинина.

Блокли, нищий в сравнении с миссией в Шешеке, прислал не меньше, чем мадам Куайяр. Все было бы, конечно, иначе, если бы преподобный Куайяр оставался там. Я просил ситца, обещая вернуть долг с фургоном миссионера, который ежегодно совершает два рейса из Шешеке на юг. Мадам Куайяр не послала нам его, а мы в нем так нуждались, чтобы купить коз!

Один проект за другим кончался неудачей. Теперь мы возлагали надежды только на мистера Вестбича, и он проявил себя верным другом в самые тяжелые часы моей жизни. Как только к нему явился мой гонец, англичанин сразу же прервал охоту и поспешил в Газунгулу. Он самым сердечным образом приветствовал меня и мою жену, прозябавшую в жалком травяном шалаше, и немедленно распорядился, чтобы Ва* выдал мне кофе и чаю, 15 метров ситца и козу для моей жены. Кроме того, мне вернули тысячу из трех тысяч патронов, которые я в свое время продал фирме. Они были необходимы, чтобы добывать пропи-

* Начальные буквы фамилии младшего сотрудника фирмы, которую представлял Вестбич.

тание при помощи карабинов. Вестбич обещал нам также одежду и белье, но только после возвращения его друга, шошонгского торговца Фрая, который через один-два месяца должен был доставить ему партию товаров.

Но лучшего жилья Вестбич нам предоставить не мог. Он и сам жил пока в бечуанской хижине. Между тем мы не могли долго оставаться в травяном шалашике, который не защищал даже от дождя. По этой причине, а также из-за недостатка хинина я решил уехать в Шошонг и попросил Вестбича одолжить мне упряжку волов и один из тех фургонов, которые я когда-то подарил ему. Он обещал дать волов, но не сразу, а в ноябре, когда кончится засуха и начнутся дожди. Я возразил ему, что быки укушены мухой цеце, поэтому для них лучше как можно скорее тронуться в путь, ибо с наступлением сезона дождей они здесь быстро погибнут. Однако Вестбич мне не поверил и очень скоро поплатился за это: все его волы подохли.

Убедившись, что мы не сможем в ближайшее время покинуть долину Замбези, я решил подготовиться к длительному, по крайней мере трехмесячному, пребыванию в ней.

Прежде всего надо было позаботиться о пропитании. В окрестных лесах водилось много дичи, и я предложил Фекете, менее всех страдавшему от лихорадки, взять на себя руководство охотой.

— Уверен, что с шестнадцатью африканцами вы охотитесь столько дичи, что и сами будете сыты и нас сможете снабжать мясом, — сказал я ему. — Уверен также, что вы принесете ценные образцы для моей коллекции. Сейчас, после утраты научных приборов, дневников и многих зарисовок, после неудачной попытки проникнуть в Центральную Африку, это для меня важнее всего.

Фекете сразу согласился и прекрасно справился с заданием. Именно во время вынужденного трехмесячного пребывания в устье Чобе мы приобрели для коллекции самых крупных и ценных млекопитающих. Да и продовольственный вопрос был решен очень скоро после ухода Фекете: он присылал мяса даже больше, чем нам требовалось, и я смог сосредоточить все свои усилия на постройке жилья. Над нашим шалашом я соорудил большую прочную хижину. Как только она была готова, мы разрушили шалаш.

«Вилла Робинзона» была закончена. Она стоила нам немалых трудов. Мне приходилось работать даже во время

приступов лихорадки. Роза и Лееб тоже очень страдали от нее в душном, раскаленном от жары шалаше. Каждые четыре дня земляной пол приходилось обильно поливать водой, чтобы уберечься от пыли.

До отъезда на север я оставил в Газунгуле чудесный большой ящик для упаковки и отправки на родину шкур крупных животных, которые рассчитывал добыть. Теперь он стал нашим столом.

В «вилле Робинзона» — просторном помещении высотой около 8 метров — было прохладнее, и мы постарались устроиться как можно удобнее. Вскоре хижина заполнилась редкостями: в нас снова ожил дух коллекционирования, который не мог проявиться в условиях путешествия к северу от Замбези.

Состояние наше несколько улучшилось, так что Лееб вскоре смог выходить на воздух. Вестбич возвратил нам весь запас дрови, уступленный ему несколько месяцев назад, и Лееб занялся преимущественно охотой на птиц. Ему мы обязаны половиной чучел, составивших коллекцию птиц, — всего в ней пятьсот экспонатов. Охотились мы по очереди, через день, а тот, кто оставался дома, занимался вместе с Розой набивкой чучел и приведением в порядок коллекций, в частности плодов и насекомых, приготовлением гербариев, плетением корзин. Несмотря на мучившую нас лихорадку, мы по горло окунулись в повседневные дела. Это имело то преимущество, что работа занимала все наши помыслы и не давала так остро ощущать тяжесть положения, в котором мы оказались.

Через некоторое время у нас выработался даже строгий распорядок дня. На рассвете я вставал и до восхода солнца сидел перед хижиной, записывая воспоминания о путешествии в область к северу от Замбези. Этим способом я старался, пока впечатления еще свежи в памяти, восстановить утраченные дневниковые записи. Затем я описывал результаты исследований, проведенных накануне. В восемь часов я посылал Лееба с двумя африканцами охотиться и собирать растения. Если же была моя очередь, то я покидал лагерь на рассвете, чтобы вернуться домой к десяти часам: мне теперь было труднее переносить полуденную жару, чем остальным участникам экспедиции.

Самые интересные результаты были достигнуты в области орнитологии и ботаники. Мне удалось открыть ряд ранее неизвестных видов.

Я использовал длительное пребывание в устье Чобе для дальнейшего изучения местных племен. С жизнью одних я познакомился сам, о других собирал сведения.

Так, я выяснил, что траурные церемонии по случаю смерти в 1885 году популярного вождя манкойя Момба не закончились и в 1886 году. Кроме того, я узнал, что матована-макуба * изготавливают из стеблей папируса большие плоты, толщиной до метра, шириной до 4 и длиной до 5. На них они переправляют свои стада через притоки Нгами на пастбища. Соседи матована — масарва не знают иного оружия, кроме луков и стрел (наконечники к ним они делают из слоновой кости и покрывают ядом). Луки, короткие и некрасивые, напоминают прежнее оружие бушменов.

Незадолго до нашего прибытия двое шошонгских мулатов, охотившихся за страусами и слонами в районе, где живут масарва, были убиты местными жителями. В этих местах мало воды, поэтому охотиться без проводника нельзя, и мулаты наняли двух проводников. По местным законам пришельцам не разрешается убивать наиболее ценную дичь, и проводники выдали их своим соплеменникам. Ночью мулаты проснулись от жгучей боли: один — в груди, другой — в ногах — их поразили отравленные стрелы. Оба умерли двенадцать часов спустя, находясь в полном сознании и испытывая сильнейшие астматические боли.

Если масарва поражает стрелой дикое животное, оно, как правило, через шесть часов издыхает. Охотники вырезают распухшую от яда часть туши, в которую попала стрела, выбрасывают также сердце и важнейшие кровеносные сосуды, а остальное мясо употребляют в пищу без ущерба для здоровья.

Меня очень интересовали павианы. Местные жители рассказали, да я и сам не раз замечал, что во время грабительских вылазок на поля павианы соблюдают полную тишину, и нередко люди, работающие на одном конце небольшого кукурузного поля, не имеют понятия о том, что на другом конце спокойно орудуют павианы.

Если «бэби», забывшись, начинает лаять, мать тут же без всякой жалости шлепает его и заставляет замолчать. Как правило, после этого вся стая обращается в бегство. Когда за павианами устремляется погоня, дозорные, сидя-

* Так у автора. Действительное наименование этих племен установить не удалось.

щие на высоких деревьях, громкими криками оповещают о действиях врага стаю, укрывшуюся между скал, в траве или кустарнике. Но пока стая занимается грабежом, дозорные соблюдают полную тишину. Заметив приближение человека, они просто соскальзывают со своего наблюдательного поста на землю. Этого знака достаточно, чтобы грабители немедленно исчезли.

Однажды на охоте Лееб подстрелил детеныша павиана. Громко лая, павиан с трудом ковылял вслед за своими. Внезапно к нему подскочила сильная самка, схватила раненого за гриву и втащила в середину убежавшего стада. Так вместе со всеми он и укрылся в безопасном месте. Как ни искал Лееб свою добычу, больше он ее не увидел.

Возвращение Фекете и африканцев с богатыми трофеями вызвало общее ликование. Разговоры и расспросы затянулись до глубокой ночи.

Охотничий поход длился с 1 сентября до 26 октября. На расстоянии полудня пути от Замбези мои люди встретили двух масуба (басубиа), и те обратили внимание на свежие следы черного носорога. Надежда приобрести для моих коллекций образец этого животного наэлектризовала весь отряд. Бой с несколькими товарищами тут же пошел по следу. Вскоре Фекете услышал четыре выстрела и поспешил в ту сторону. Оказалось, что, заметив на холмике спящего носорога, бой взобрался на дерево, откуда и сделал по животному все четыре выстрела. Фекете нашел носорога уже при последнем издыхании. Еще несколько пуль избавили животное от мучений. Так моя коллекция обогатилась наиболее ценным из представленных в ней млекопитающих.

Могучего зверя освежевали, тушу его разделали, шкуру, мясо и череп отправили нам. После этого охотничья колонна отправилась вверх по течению Инкиси. Однажды вечером охотники наткнулись на стадо буйволов. Бой, Мапани и еще несколько слуг долго преследовали буйволов, но только на следующий день догнали их. Мапани ранил одну самку. Буйволица бросилась на него. Все остальные африканцы укрылись на деревьях, а Мапани, преследуемый обезумевшим животным, бегал вокруг дерева, пытаясь спрятаться. К счастью, ему удалось улучшить благоприятный момент и выстрелом в шею уложить буйволицу.

В то же утро спозаранку отправились на охоту Фекете и Марума. Пройдя 3 километра, они увидели несколько

эфиопских бородавочников. Фекете ранил одного с дистанции 60 метров. Отличный бегун Марума догнал животное и заколол копьем. На обратном пути Марума тем же способом убил вепренка.

В тот же день мой слуга Симундай в течение двух часов охотился самостоятельно: вскоре он выследил виверру енотовую, однако, она тут же вскарабкалась на дерево высотой около 7 метров, правда, с негустой листвой. Африканец развел у подножия дерева сильный огонь, чтобы отрезать животному путь к отступлению, и кидал в него палицу, пока не попал. Раненая виверра упала на землю.

На следующий день бой застрелил буйволицу. Ее шкура была препарирована и вошла в коллекцию. Послав часть добычи на юг, бой отправился на запад, достиг одного из притоков Инкиси и, пройдя еще 10 километров, расположился на ночлег.

Утром бой снова отправился в поход. Сделав 18 километров, он убил молодого буйвола, укрыл его травой и послал гонца к Фекете, чтобы тот явился как можно скорее и помог ему препарировать животное. К приходу Фекете, однако, львы наполовину сожрали буйвола, так что для коллекции остался только череп.

После короткого отдыха Фекете послал на охоту боя, Мапани и еще пять слуг, поручив им добыть для коллекции буйвола, ибо ни одна из имевшихся к этому времени шкур не была достаточно хорошей и красивой.

Вскоре охотники встретили стадо из тридцати шести голов. Бой застрелил двух самцов, одного из них препарировали для коллекции. Ночью две гиены, привлеченные запахом мяса, пытались проникнуть в обнесенный изгородью лагерь и поплатились за свою дерзость жизнью. Мапани в таких случаях шутить не любил.

Его ожидали лавры святого Губерта *, которым могли бы позавидовать тысячи охотников. Однажды он ранил вдали от лагеря буйвола, но не стал преследовать животное, так как спустилась ночь. На следующее утро он пошел по следу. К трупу буйвола в это время сошлось восемь львов, как раз собравшихся позавтракать. Из-за высокой травы Мапани заметил «царей зверей» только тогда, когда они, явно недовольные его приходом, поднялись с земли. Насмерть перепуганный, он сорвал с плеча винтовку и, не

* С в. Г у б е р т — мифический покровитель охотников.

целясь, пальнул наугад. Не в силах двинуться от страха, он увидел, что все восемь обратились в бегство, но один вскоре стал отставать и упал на землю. Пуля попала в цель. Сколько было радости в моей штаб-квартире, когда африканцы доставили прекрасную шкуру зверя!

Вернувшись в Газунгулу, охотники были готовы немедленно отправиться в новый поход, если бы только я послал их. У них было теперь столько свежего мяса, что, продавая излишки, они могли покупать себе пиво. Обильная еда помогла им забыть, какого огромного напряжения сил требовала охота и доставка добычи нам.

Этот охотничий поход дал, повторяю, бóльшую часть экспонатов для моих коллекций. Я очень сожалел, да и до сих пор сожалею, что отчаянное финансовое положение не позволило мне как можно щедрее вознаградить добрых африканцев.

Мы жили теперь в довольстве и даже не без комфорта. Все было бы хорошо, если бы не болезни.

Хуже всего приходилось Розе и Леебу. Оба они очень исхудали, но Лееб был сильно подавлен, а жена моя, как только ее отпускал приступ лихорадки, снова становилась веселой и жизнерадостной. Вскоре после нашего прибытия у нее во рту появился нарыв. Недели через две и она и я заболели дизентерией. Лекарств не было, и болезнь мучила нас долго. У меня, кроме того, обнаружился рецидив хронического ревматизма, которым я заболел при посещении водопадов Виктория. Однако все это было бы терпимо, если бы не симптомы болотного тифа, в частности большая слабость и ужасающие головные боли, которые чуть не свели меня с ума.

Двадцатого октября лихорадка у моей жены настолько усилилась, что болезнь стала угрожать ее жизни. Читатель представит себе, что я почувствовал, когда понял, что ей, быть может, уже не удастся больше увидеть родную страну. Однако нам продолжала светить счастливая звезда: благодаря своей крепкой конституции, Роза перенесла опасную стадию болезни. Я же продолжал страдать от лихорадки. Часто со мной случался припадок где-нибудь в лесу, и мне приходилось тотчас же возвращаться. Но как труден был обратный путь! При каждом шаге я ощущал сильные боли в спине, начиналась головная боль со жжением в затылке и ощущением тяжести в веках. Ноги и особенно бедра наливались свинцом, как если бы на них висел груз во много

центнеров. При таких припадках силы покидают больного необычайно быстро. Ему то и дело приходится отдыхать, вставать с земли и тащиться дальше становится все труднее, пока наконец не появляется благодетельная испарина, которая примерно через полчаса приносит облегчение. Болезнь моя осложнялась тем, что при постройке хижины я несколько раз порезал руки и раны быстро загноились.

Мне хотелось бы рассказать еще о нескольких охотничьих удачах. Во время наших экскурсий мы часто встречали павианов, которые избрали местом ночлега высокие мимозы, стоявшие у входа в долину. Обезьяны постоянно страдали от набегов леопардов. Лееб неоднократно встречал их поблизости от павианов и однажды даже видел, как наглый разбойник стащил с высокой мимозы жирную самку павиана, хотя она находилась в стаде.

Примечательно, что Лееб, который ненавидел леопардов и постоянно выслеживал их, только к концу нашего пребывания на Чобе познакомился с этими хищниками. Можно сказать, что судьба его хранила, поскольку первая же встреча кончилась очень плохо для Лееба.

Девятнадцатого ноября в полдень я с Розой и Фекете занимался набивкой чучел. Вдруг раздались громкие крики. Мы выскочили из хижины. К нам подбежал истекающий кровью Лееб и упал на землю. Я тут же занялся осмотром его ран, а Марума сопровождавший Лееба, рассказал:

«Там, на Чобе, знаешь, баас, в густых зарослях на берегу, мы преследовали водяного козла. Вдруг появился леопард. Я указал на него баасу, он выстрелил и ранил зверя, но мы не знали, легко или тяжело. Зверь побежал к реке, и баас пошел по его следу. Я хотел удержать его, потому что леопард достиг уже зарослей высокой травы. Но нет — он пошел дальше. „У нашего господина, — сказал он, — три леопарда, но ни одной самки, а ты говоришь, что это самка. Что ж, мы должны ее добыть, чтобы у господина оказалась целая семья леопардов. К тому же леопарды мне надоели, этого я не упущу“.

Так мы добрались до высокой травы, но зверя не нашли. Стали на берегу; о близости реки говорила только полоска тростника. Вдруг баас закричал. Леопард лежал в этом тростнике и набросился сзади на бааса Лееба, прежде чем тот успел выстрелить. Баас пытался руками оторвать его от своего тела, но зверь перекусал ему пальцы. Я подскочил и несколько раз воткнул копьё в спину леопарда.

Несмотря на это, зверь продолжал тянуться к голове бааса, вот почему у него на голове такие страшные раны. Наконец баасу удалось сбросить с себя леопарда. Выпрыгнув из тростника, мы бросились сюда. А зверь еще жив, поспеши туда, господин, чтобы он не ушел».

Африканцы хотели тут же отправиться с Фекете к реке, но я не разрешил, потому что у Фекете был приступ лихорадки. Обследовав голову Лееба, я установил, что резцы леопарда трижды вонзались в кости черепа, но не прокусили их. Куда больше пострадали руки. Леопард повредил сухожилия средней части левой руки, прокусил и изуродовал мизинец и безымянный палец. Я сделал все, что можно было сделать, располагая лишь тупыми ножницами да ножом, и за отсутствием каких-либо медикаментов промыл раны холодной водой. Лееба наполовину уложили, наполовину усадили, и двое слуг день и ночь меняли у него на голове компрессы, пока жар не спал. Лееб потерял два пальца, две раны на голове его зажили через двадцать дней, на третьей же образовался свищ. Целых восемь недель я боролся со свищем, пока наконец не добился победы.

Ощутимые результаты моего путешествия заполнили восемьдесят семь больших тяжелых ящиков.

Пребывание в Капштадте. Возвращение на родину

День расставания с Африкой приближался неумолимо. Чем ближе он подходил, тем тяжелее становилось у меня на душе. Непостижимое движение человеческого сердца заставило меня позабыть все невзгоды и страдания, перенесенные за последние годы на «Черном материке». Все пережитое предстало передо мной в розовом свете.

От страны Машукулумбе до мыса Доброй Надежды мысль о грядущей посадке на судно и о возвращении на любимую родину служила нам путеводной звездой даже в самые тяжелые часы. И вот теперь, когда пароход, на котором нам предстояло покинуть Африку, высился передо мной, испуская черные клубы дыма, мне вдруг стало грустно. Покидая материк, я тихо произнес: «До свидания!».

Путешествия Эмиля Голуба

Вклад, который внес доктор Голуб в историю изучения Африки, в значительной степени определяется тем, что он еще застал некоторые племена, не знавшие колониального гнета и жившие согласно вековым традициям и законам. Его книги позволяют восстановить действительную картину жизни африканского населения до прихода колонизаторов. Сам Голуб писал: «Я отправился в Южную Африку без каких-либо предубеждений за или против африканцев. Я узнал о них кое-что из книги Ливингстона, но в остальном был в полном неведении». Изучив и описав их жизнь, Голуб оставил свидетельства о культуре, быте и общественном устройстве племен Южной и Центральной Африки конца XIX века. В его книгах запечатлен навсегда ушедший мир прежней Африки, знакомство с которым позволяет узнать ее прошлое, постараться понять его и благодаря этому лучше оценить ее настоящее.

Голуб отправился в Африку в 1872 году. В феврале 1873 года он организовал первую экспедицию. За два месяца Голуб дошел до Трансвааля и собрал коллекцию, которую отправил в Прагу, где в 1874 году была устроена первая выставка его экспонатов.

Вернувшись в район алмазных разработок, Голуб организовал вторую экспедицию, во время которой достиг Шошонга, резиденции Камы, верховного вождя племени бамангвата, расположенной на территории нынешнего государства Ботсвана (в 1885—1966 годах — британский протекторат Бечуаналенд).

Третья экспедиция, в которую Голуб выехал в марте 1875 года, привела его к водопаду Виктория на реке Замбези и к северу от нее, в тогдашнее государство Марутсе-Мабунда, в Шешеке, резиденцию его правителя Сепопо.

Эти три экспедиции составили в целом первое путешествие Голуба по Южной Африке. Семь лет, проведенных в этой стране, подготовили его к изучению Африки, выработали в нем качества настоящего ученого, проявляющего интерес не только к ее экзотике, но и к исследовательской деятельности. Несмотря на трудности и неудачи, он собрал большие этнографические и природоведческие коллекции, с ко-

торыми стремился ознакомить как можно больше людей. С этой целью он устроил выставку в центре алмазных разработок Кимберли (1877 год). Выставка оставила там след: в местном музее до сих пор хранятся экспонаты из коллекций Голуба.

Ко второму путешествию Голуб тщательно готовился. Он занимался астрономией, топографией, естественными науками и геологией. Экспедиция везла приборы для научных наблюдений, что с самого начала определило ее характер.

В 1883 году в путешествие отправился уже не никому не известный врач, а прославленный исследователь Африки. На этот раз он собирался пересечь Африку с юга на север и достичь Египта или, если это не удастся, выйти к Индийскому океану. Но затем его намерения изменились, и он решил изучить области, лежащие к северу от реки Замбези, и дойти до озера Бангвеоло в нынешней Замбии.

Голуб отправился из Кейптауна, пересек Капскую провинцию (в то время английскую колонию), а также территории Оранжевого Свободного государства и республики Трансвааль, принадлежавшие бурам. Ныне все эти области входят в состав Южно-Африканской Республики. Затем Голуб прошел через нынешнюю Ботсвану и достиг реки Замбези в месте впадения в нее реки Чобе. Перейдя Замбези, он оказался на территории современной Замбии, где в то время находилось государство Марутсе, в котором правил верховный вождь Леваника. Несколько севернее жило племя матока, а к северу от него лежали владения машукулумбе. Голуб пересек их с юга на север.

По своей этнической принадлежности население территории, по которой путешествовал Голуб, разбивается на две группы. В первую входят бушмены и готтентоты, два различных народа, объединенных по антропологическим признакам в койсанскую расу. Ко времени появления в Южной Африке в середине XVII века голландских колонистов многочисленные скотоводческие племена готтентотов занимали всю южную оконечность Африки — от мыса Доброй Надежды до реки Кей. Каждое племя говорило на особом языке и имело своего вождя.

Бушмены жили в глубине материка и по своему быту и культуре значительно отличались от своих соседей-готтентотов: они были охотниками. Основным оружием им служил небольшой лук со стрелами.

Европейские колонизаторы изгоняли готтентотов и бушменов с их земель, уничтожая при этом как диких животных. Бушмены оказались загнанными в безводные области пустыни Калахари, где были обречены на вымирание. Голуб считал, что в его время оставалось не более двух процентов прежнего числа бушменов.

Вторую, гораздо более многочисленную группу населения Южной и Центральной Африки образуют племена негроидной расы, говорящие на языках банту. Они стояли на значительно более высоком

уровне развития, чем бушмены и готтентоты, и занимались скотоводством и мотыжным земледелием. На юго-восточном побережье вплоть до Мозамбика жили к началу XX века народности коса и зулу. В глубине страны обитали племена басуто и бечуана. Равнины нынешней Южной Родезии были населены племенами машона. Все эти племена составляют южную группу племен банту.

Племена банту упорно сопротивлялись голландским колонизаторам, но не смогли удержать натиск англичан. В 1806 году англичане захватили Капскую колонию. С этого времени история народов банту полна трагическими событиями. В жестоких войнах с африканцами английские колонизаторы продвигались на север, часто добиваясь победы путем обмана, подкупов и разжигания межплеменной вражды. Колонизация Южной Африки закончилась образованием в 1910 году Южно-Африканского Союза, ставшего британским доминионом.

Голуб успел посетить Южную и Центральную Африку, когда эти области были населены еще свободными африканскими племенами. Вскоре они потеряли свою независимость. Уже в 1885 году англичане объявили своим протекторатом Бечуаналенд, а в начале 90-х годов Сесиль Родс захватил земли племен машона. На рубеже XIX—XX веков к английским владениям были присоединены земли матока и машукулумбе. Они вошли в «Протекторат Северная Родезия».

Племя, которое Голуб и его современники называли машукулумбе и которое по-прежнему живет в северной части бассейна реки Замбези, в настоящее время носит наименование ила (ба-ила). Подобные расхождения возникли потому, что первые путешественники по Африке, как правило, не знали местных языков и прибегали к услугам проводников и переводчиков, которые пользовались для обозначения племен не их самоназваниями, а описательными характеристиками. «Машукулумбе», например, означает «носители шиньонов». Так окрестили это племя соседи благодаря распространенной здесь моде на высокие мужские прически. Названия, которые племена получали со стороны, иногда надолго закреплялись в европейской литературе. Теперь, когда африканские языки стали достоянием науки, установлены самоназвания многих племен.

Расхождения в названиях племен объясняются также тем, что в языках семьи банту названия народностей и племен характеризуются префиксами *а-*, *аба-*, *ама-*, *ба-*, *ва-*, *ма-*, например *ама-коса*, *ама-зулу*, *ба-суто*. В различных языках один и тот же префикс имеет различные формы. Так, племя, которое на языке коса именуется *марутсе*, имеет самоназвание *баротсе*. Поэтому в современной научной литературе принято употреблять эти названия без префиксов: племя матока именуется *тока*, *ама-коса* — *коса* и т. п. Однако и здесь нет

строгой последовательности, некоторые этнические названия уже закрепились в русской литературе с префиксами (басуто, бечуана и др.), и вряд ли целесообразно их изменять.

Переводчики оставили в тексте названия, которыми пользовался Голуб, указав в примечаниях современные наименования племен. Большинство этнических названий того времени сохранились по сей день.

Научное значение второго путешествия доктора Голуба гораздо существеннее первого, во время которого он проходил по уже исследованным местам и лишь дополнял имевшиеся сведения. Вторая экспедиция Голуба проникла на 850 километров к северу от Замбези, где до него не бывал ни один европеец. Чешский исследователь первым описал жившие там племена машукулумбе и северных матока и сообщил много нового о других племенах Южной и Центральной Африки. Тщательная подготовка ко второму путешествию дала ему возможность собрать богатые материалы.

Из второго путешествия Голуб привез коллекции, по своей научной ценности намного превосходившие результаты первого путешествия. В 1891 году коллекции были выставлены в Вене, а в 1892 году — в Праге. В Вене экспонировалось 13 тыс. предметов, что составляло всего лишь третью часть коллекций Голуба. Для того чтобы перевезти выставку из Вены в Прагу, понадобилось несколько железнодорожных составов, в общей сложности — 72 вагона. Особый интерес вызывали у зрителей макеты, представляющие африканцев на охоте, за работой, в бою. «Это самая богатая и прекрасная коллекция по Африке, которая когда-либо существовала! — восторгались тогда газеты. — Даже не верится, что все это сумел собрать и обработать один человек с семью помощниками».

Голубу предложили продать коллекции за крупную сумму в США, но он хотел подарить их Народному музею в Праге. Однако дипломированные университетские профессора, считавшие Голуба дилетантом, ответили ему отказом. Тогда Голуб стал дарить экспонаты там, где читал лекции, или же музеям и школам. Сейчас его коллекции имеются во всех музеях мира: в Праге, Париже, Лондоне, Вене, Филадельфии, Кейптауне, Берлине, Мадриде, Риме, Нью-Йорке, Копенгагене... В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии Наук СССР в Ленинграде также есть коллекция предметов, собранных Голубом во время второго путешествия.

Покидая Африку, Голуб рассчитывал еще раз вернуться туда. Однако этой мечте не суждено было сбыться: последствия тропической лихорадки, перенесенной Голубом во время путешествий, подорвали его здоровье. Он занялся просветительской деятельностью, устройством выставок, изданием своих книг, чтением лекций. 21 февраля

1902 года, в возрасте около 55 лет, Эмиль Голуб умер. Он похоронен в Вене, где друзья и почитатели поставили ему памятник.

Заслуги Эмиля Голуба, неутомимого исследователя Африки, были признаны повсеместно. Он был членом различных научных обществ и неоднократно получал от них предложения читать лекции за границей. Он выступал почти во всех крупных городах Центральной Европы. По приглашению Вашингтонского географического общества он в 1894—1895 годах посетил США и в нескольких городах прочитал лекции на английском, немецком и чешском языке. После возвращения из Америки Голуб собирался поехать в Россию, но ухудшившееся состояние здоровья не позволило ему осуществить это намерение.

Голуб был награжден сорока орденами различных государств и почетным дипломом английского правительства.

Однако наибольшей известностью Голуб пользуется у себя на родине. Это не удивительно, ведь своими исследованиями он прославил не только себя, но и свой народ. Вернувшись из первого путешествия, Голуб говорил: «Часто в путешествиях по африканской пустыне я думал, увижу ли еще раз милую, родную страну. Я остался ее верным сыном и с радостью вернулся в свой любимый край».

Доктор Голуб состоял членом всех чешских географических и естественнонаучных обществ. Социалистическая Чехословакия по достоинству оценила значение его деятельности для развития чешской науки. В Чехословакии выходят исследования и популярные книги, посвященные жизни и деятельности Эмиля Голуба. Почта выпустила памятную марку, а кинематографисты засняли художественный фильм о его путешествиях. Дом в Праге, где он жил студентом и мечтал о продолжении дела Ливингстона, отмечен мемориальной доской. В городе Голицы, на родине путешественника, открыт музей его имени.

Во время экспедиций Голуб вел подробные дневники, которые легли затем в основу его книг. Результатом его первой поездки на «Черный континент» была книга «Семь лет в Южной Африке», которая сразу же принесла автору славу известного путешественника.

На III Международном съезде географов в Венеции в 1881 году книга Голуба была отмечена Большой золотой медалью. Чарльз Дарвин, которому Голуб послал экземпляр книги на английском языке, ответил ему письмом: «Милостивый государь, разрешите сообщить Вам по прочтении Вашей книги, как я восхищен Вашим благородным стремлением работать для обогащения наших знаний о природе, несмотря на все трудности и опасности. Если приедете в Англию, буду очень рад увидеть Вас. Остаюсь Вашим искренним другом и верным почитателем. Чарльз Дарвин».

Второе путешествие Голуб описал в книге «Из Капштадта в страну Машукулумбе».

Современники высоко оценили научное и познавательное значение книг Голуба. Лондонская «Таймс» 18 апреля 1881 г. писала: «Давид Ливингстон отлично описал Южную Африку, но так подробно, так полно и совершенно, как доктору Голубу, это не удалось никому. Голуб не ограничивался передачей подробностей, но записывал все, что видел и слышал, стремясь осмыслить целое. Он видел Африку глазами прирожденного естествоиспытателя... В мировой литературе описание путешествий Голуба можно сравнить только с книгой «Путешествие натуралиста вокруг света» знаменитого Чарльза Дарвина».

Голуб написал несколько специальных исследований, в том числе по этнографии и по орнитологии Южной Африки. Он описал также природные ресурсы этой страны и занимался ее экономикой.

Говоря о Голубе, невозможно хотя бы коротко не сказать о его отношении к колониальной политике империалистических держав. Конец XIX века ознаменовался окончательным колониальным разделом Африки, в котором Великобритания играла не последнюю роль.

Подобно всем либеральным деятелям прошлого века, Голуб разделял иллюзии о возможности мирного соглашения между колонизаторами и покоренными ими народами. Его знаменитый предшественник Давид Ливингстон считал, что с работорговлей в Африке можно бороться путем развития торговли европейскими товарами. Голуб полагал, что успехи цивилизации и разумное управление сами по себе приведут к решению колониального вопроса. Свои взгляды на эту проблему, которую Голуб считал одной из наиболее важных в Южной Африке, он изложил в брошюре «К вопросу о местных племенах» (1877). В качестве практических мер разумного управления Голуб прежде всего предлагал запретить законодательным путем продажу спиртных напитков, содействовать развитию в Африке земледелия и животноводства, заботиться, чтобы у африканцев была одежда, а их деревни содержались в чистоте. «Кроме того,— писал Голуб,— в каждой деревне следует отобрать людей и проинструктировать их в различных занятиях, которым они затем будут обучать своих земляков». Голуб обратился к английскому правительству с призывом пожертвовать средства для организации в Африке общеобразовательных школ для детей и сельскохозяйственных школ для взрослых. Голуб считал, что этот единственно правильный путь позволит избежать жертв и непонимания между африканцами и колонизаторами и рано или поздно приведет к уравниванию в правах тех и других.

Вот почему в своей книге «Семь лет в Южной Африке» Голуб так высоко оценил деятельность вождя Камы, который с точки зрения чешского путешественника воплотил в жизнь эту программу. Однако Голуб обошел молчанием отрицательные стороны деятельности Камы, в частности его пособничество английским колонизаторам,

«протекторат» которых он принял без сопротивления. Впоследствии, на рубеже 80.—90-х годов, Кама оказал отрядам Сесилия Родса прямую помощь в завоевании земель народа матабеле.

Однако, сталкиваясь с жестокими и бесчеловечными действиями колонизаторов в Африке, Голуб своими объективными свидетельствами осуждал колониальную политику и поднимался до понимания ее пагубных последствий для развития африканских народов. Он много писал о том, что результатом господства европейцев явилось вымирание готтентотов и бушменов.

В книгу, предлагаемую советскому читателю, вошли наблюдения Голуба над жизнью африканцев, правдиво отражающие их положение в родной стране, занятой колонизаторами. Его очерки настолько непосредственны, проникнуты такой горечью и состраданьем, что производят гораздо более сильное впечатление, чем любые рассуждения на эту тему. Голуб описывает готтентотов племени корана, которые были изгнаны со своих земель и вынуждены были наниматься на алмазные прииски, где их добывал рабский труд и нечеловеческие условия существования. Численность этого племени уже тогда сократилась наполовину. К наиболее сильным обличительным страницам книги принадлежит также рассказ о «марше смерти» голодных и истощенных людей, шедших на заработки на рудники и представлявших собой легкую добычу для диких зверей.

Король Бельгии Леопольд II, создатель «Свободного государства Конго», предложил Голубу поступить к нему на службу. Он хотел, чтобы Голуб, подобно Генри Стэнли, стал исполнителем его планов колониальных завоеваний на этом континенте. Несмотря на то что предложение сулило большие выгоды, Голуб отверг его.

Эмиль Голуб говорил, что готов, не жалея сил и труда, защищать африканцев, когда их несправедливо угнетают. Его гуманизм проявился в тяжелых условиях путешествия по Африке. Будучи врачом, он считал своим первейшим долгом оказывать помощь людям — как своим спутникам, так и местным жителям, — которые нуждались в ней.

Голуб обладал настойчивостью и целеустремленностью, качествами, столь необходимыми каждому исследователю. Несмотря на болезни, нездоровый климат, падеж упряжных животных и всевозможные опасности, он и его спутники не отступали. Часто только благодаря непреклонной воле Голуба им удавалось избежать, казалось бы, неминуемой гибели. Никогда, даже после самых больших неудач, Голуб не опускал руки и вновь принимался за дело. Его деятельность можно назвать подвигом во имя науки.

О значении исследовательской деятельности Голуба в Африке свидетельствует уже широта его научных интересов, в сферу которых входили этнография, география, геология, зоология, ботаника... Ведь

путешественнику XIX века приходилось быть многогранным ученым, чтобы иметь возможность всесторонне изучить страну.

Кроме географического описания страны и геологических и метеорологических исследований Голуб изучал флору и фауну, особенно насекомых и птиц. Он открыл несколько новых их видов. Голуб много охотился в Африке, однако сурово осуждал бессмысленное истребление животных, каким нередко занимались европейские колонисты. Охота давала ему материал для зоологических исследований, позволяя производить измерения различных экземпляров животных, а шкуры использовать для набивки чучел. В природоведческих коллекциях Голуба богато представлены образцы животного и растительного мира Южной и Центральной Африки.

Голуб познакомил Европу с творениями африканского искусства. Он, единственный из путешественников, привез в составе коллекций петроглифы — выбитые на скалах рисунки, изображающие диких животных: газелей, слонов, гиппопотамов. Потребовались огромные усилия и большая осторожность, чтобы вырубить рисунки из твердой горной породы. Под особенно крупными глыбами приходилось даже разводить огонь. С большими трудностями была сопряжена и доставка каменных плит к побережью.

Но основная заслуга Голуба в том, что он исследовал почти или совсем неизвестные племена Южной и Центральной Африки, причем «исследовал в свете науки», как определял цель своего путешествия сам Голуб. Выполнить эту задачу ему помогло то обстоятельство, что он, занимаясь медицинской практикой, мог знакомиться с повседневной жизнью африканцев. Голуб сам писал, что, посещая деревни как врач, он завоевал доверие африканцев и получил благодаря этому преимущества перед другими путешественниками. Его описания отличаются точной передачей деталей быта и образа жизни местных племен. Помимо всего Голуб привез из Африки множество хорошо исполненных рисунков, которые дают представление о ее людях и природе.

Голуб уделил много внимания изучению занятий населения: сельского хозяйства, охоты, ремесел, дал подробную характеристику нравов и обычаев многочисленных африканских племен. Он интересовался их верованиями и обрядами, общественным устройством, судопроизводством, местом женщины в обществе. В результате детального исследования Голуб пришел к выводу, что у африканских народов на протяжении веков сложилась самобытная культура.

Интерес Голуба к людям и быту изучаемой страны отмечали уже его современники, которые писали о разнице между ним и другими путешественниками. «Прежние путешественники по Африке — Ливингстон, Стэнли и Камерон, — сообщила французская газета, — жизни африканцев уделяли мало внимания или не уделяли вообще.

Если бы не доктор Голуб, мир и теперь не знал бы, как живет африканец, какими пользуется орудиями, что у него за привычки и обычаи».

Настоящий сокращенный перевод является первым изданием трудов Голуба на русском языке. Его цель — ознакомить читателей с путешествиями Голуба по Южной и Центральной Африке. Для этого были выбраны две основные книги исследователя — «Семь лет в Южной Африке» и «Из Капштадта в страну Машукулумбе». Для первого знакомства с богатым наследием доктора Голуба были отобраны наиболее живые и образные рассказы о его пребывании в Африке.

В оригинале описание путешествий занимает четыре тома и охватывает в целом одиннадцать лет. Переводчики* проделали большую работу, отобрав из более чем двух тысяч страниц оригинального текста материал для научно-популярного издания таким образом, что он дает представление о деятельности доктора Голуба в Африке.

В свое время русская печать писала о путешествиях Эмиля Голуба. «Известия Русского географического общества» (т. XV, 1879) сообщали, что известный чешский исследователь возвратился из семилетнего путешествия по Южной Африке и намерен написать о нем книгу и издать на нескольких языках. Журнал «Этнографическое обозрение» (кн. 54, № 3, 1902) в некрологе по поводу кончины Эмиля Голуба писал: «...Его путешествия 1873 года по южной части области, заселенной племенами банту, 1875—1879 гг.— в области р. Замбези отличались богатыми научными результатами; в частности, им были собраны ценные этнографические материалы». Отмечалось, что после путешествия в страну Машукулумбе «богатые коллекции отважного путешественника» были выставлены в Вене и Праге.

В советской научной литературе многогранная исследовательская деятельность Эмиля Голуба еще не получила отражения, поэтому в ее оценке пока приходится целиком руководствоваться работами чешских ученых. Сейчас готовится описание коллекций Голуба, хранящихся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР в Ленинграде. Следует надеяться, что со временем будет предпринято полное научное издание на русском языке основных трудов Голуба. Несомненно, однако, что уже эта книга привлечет внимание к замечательному чешскому путешественнику.

Г. А. Матвеева

* Главы «От берегов Наты до Тамасеце», «От Тамасеце к берегам Чобе», «Поездка на водопад Виктория», «Культура страны Марутсе» переведены Т. С. Карской; остальные — В. Я. Голантом.

Содержание

<i>К русскому изданию. Отакар Гулеу</i>	5
Путешествие в район алмазных россыпей	11
Алмазные россыпи	15
Первое путешествие в глубь Южной Африки. Из Дутойтспана в Лакатлонг	27
Из Лакатлонга в Вондерфонтейн	32
Возвращение в Дутойтспан	37
Из Дутойтспана в Мусеманьяну	39
Из Мусеманьяны в Мошаненг	42
Из Мошаненга в Молепололе	51
Из Молепололе в Шошонг	55
Обратно в район алмазных россыпей	59
Из района алмазных россыпей к Молопо	64
Из Якобсдала в Шошонг	64
Из Шошонга к Большим соляным озерам	67
От берегов Наты к Тамасеце	69
От Тамасеце к берегам Чобе	80
В долинах Чобе и Замбези	86
Первое посещение государства Марутсе	90
Поездка на водопад Виктория	93
Второе посещение государства Марутсе	102
Вверх по Замбези	114
Культура государства Марутсе	117
По земле Макалака и западной части области матабеле	130
Возвращение в район алмазных россыпей	136
Через Капскую колонию к побережью	138
Подготовка к экспедиции в Центральную Африку	139
В южной части страны восточных бамангватов. Царь Кама	143
Второе пребывание на реке Матеци	149
Переход из Мо-Монквембо в Мо-Понде	152
Пребывание у Мо-Панзы и путешествие до границы страны Машукулумбе	153
Машукулумбе. Область от М'Безы до Кабораманды	165
От Кабораманды до реки Луэнге. Области Кабораманда и Босанго-Касенга	179
Поход в Галулонгу	195
Второе августа 1886 года	199
От Луэнге до южной границы страны Машукулумбе	207
Три месяца в устье Чобе	219
Пребывание в Капштадте. Возвращение на родину	229
<i>Путешествия Эмиля Голуба. Г. А. Матвеева</i>	230

Эмиль Голуб

ПО ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *Р. М. Солодовник*
Художник *Б. Диодоров*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *Н. Б. Осязина*
и *Г. В. Струцова*

Сдано в набор 13/XII 1966 г.
Подписано к печати 31/III 1967 г.
Формат 84 × 108^{1/32} Печ. л. 7,5
Усл. п. л. 12,6 Уч.-изд. л. 12,79.
Бум. № 2 Тираж 30 000 экз.
Изд. № 1724. Зак. 1740.
Цена 72 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука».
Москва, Центр, Армянский пер., 2
2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Цена 72 коп.